

Вступление

Вас никогда не преследовал странный сон, в котором вы вдруг оказываетесь совсем без одежды в людном месте, а вам даже прикрыться нечем?

Ветер согнал белых барашков с голубой простыни неба, и засияло нахальное августовское солнце. Оно пробилось через тонкие веки и, казалось, уже светило изнутри. Просыпаться Кити не хотела, до последнего цепляясь за хвостик волшебного сна, лучше которого она никогда не видела. Могучее полуденное солнце победило, и она нехотя разлепила глаза, но тут же захлопнула ресницы — слишком ярким был свет.

Она лежала, окруженная высокой травой, посреди небольшой поляны на маленьком запущенном кладбище при городском морге. На ее теле не было ничего, кроме веснушек, солнца и пары татуировок. Кити ущипнула себя за руку.

Но нет, она не спала, хотя и находилась еще во власти сна, переживая снова и снова его томительное безумие. Ее прекрасного сна, в котором Кити была с Егором и испытала безмерное счастье. Счастлива она была и сейчас, по инерции, и одновременно совершенно растеряна оттого, что никак

не могла вспомнить, как сюда попала. Кити резко села, обхватив руками круглые колени, отбросила назад непослушную розовую челку и окончательно проснулась. Вокруг головы кружила непонятно откуда взявшаяся ночная бабочка, большая, черная и противно лохматая. Кити отмахнулась от нее и расплакалась.

— Егор, почему ты меня здесь оставил, Егор?

Несмотря на слезы, чувство душевной полноты и ощущение внутреннего покоя не покидали ее, и поскольку времени, чтобы подумать о том, как отсюда выбраться до темноты, было предостаточно, девушка предалась воспоминаниям.

ГЛАВА 1

Кити

Егор и Кити лежали на узкой подростковой кровати в комнате девушки, ласкали друг друга и, как обычно, спорили. Нежелание Кити отдаваться Егору в первое же свидание переросло в ставший традиционным петтинг, и, несмотря на все усилия юного бон-бивана, Кити стеной стояла за свои принципы, зная цену своей красоте и откровенно подстебываясь над теряющим голову Егором. Они были такие разные, наверное, поэтому их так тянуло друг к другу.

Восемнадцатилетняя Кити — Катя Китова — не дотянула одного сантиметра до ста шестидесяти. Ее родные светлые волосы, выкрашенные черной краской, в естественном виде существовали только пачкой прядей на затылке. А спереди красовалась безумная челка такого же нежно-малинового оттенка, как и полоски на черных носках с пальцами, которые в данный момент являлись ее единственной одеждой. Кити нельзя было назвать худышкой, скопее она была плюшевым медвежонком — пятьдесят килограммов непосредственности и бешеного темперамента. Ну и еще, наверное, килограмм стали: тоннели с plagами и колечки в заостренных маленьких ушках, лабретты в ноздре и пухлой нижней губе,

подковки в твердых сосках, навелла в пупке, барбеллы в языке и там, куда так неотступно рвался через все ее доводы Егор. На ее гладком, округлом теле выглядело все это довольно брутально и вместе с тем ужасно притягательно, во всяком случае для магнитов в штанах и в груди Егора. Мозг же его при виде обнаженной Кити обыкновенно отключался и переходил в режим автопилота.

Еще у Кити была татушка на спине. Большая черно-розовая бабочка очень любила, когда ее крыльшки гладили большие и теплые ладони Егора. А сегодня на теле Кити появилось новое украшение, Егор уже час с удивлением лицезрел приkleенный пластырем над левой грудью кусок полиэтилена, который скрывал свежую татуировку. Кити была совершенно самостоятельной и жила одна в бабушкиной квартире. Бабушку отец забрал к себе, с радостью расставшись с любимой, но неуправляемой дочуркой, которая словно взбесилась после того, как он, вдовец с трехлетним стажем, два года назад снова женился. Теперь у него была новая жизнь — с грудным малышом, а у Кити — квартира и полная свобода. Она училась на философском в университете и была убежденным тру-эмо-кидом. Последнее обстоятельство являлось вторым по степени важности в шкале их вечных споров с Егором после отказа терять девственность в первый месяц встреч. Так они и жили, занимались петтингом, а между ласковым делом проводили время в жарких диспутах по поводу дефлорации, виргинности и приверженности эмо-культуре, чуждой Егору почище девственной плевы Кити. И если с последней он не терял надежду вскоре справиться и свято верил, что его час

вот-вот настанет, то с эмо все было гораздо проблематичней. Простой первокурсник из института физкультуры, только что с большим трудом сдавший сессию, по всем фронтам горел в диспутах с поднаторевшей в интернет-битвах с антиэмо юной ведьмочкой. Егор был блондином, красавцем, атлетом и пловцом. И по жизни он плыл не раздумывая — по кратчайшей до финиша. Вести умные споры он не любил, но с Кити других вариантов не предоставлялось. Вот и сейчас, устроившись металлизированным донцем на его плоском, с квадратами мышц животе, она стучала по широкой груди Егора кулаками с черными ногтями, а ее смешливые серые глаза горели искорками надежды на большой спор.

— Чем тебе не угодили «Gimmy Eat World»?

Егор был уже совсем не рад, что десять секунд назад дал слабину и взмолился заменить CD самых жалобных в мире эмо-панков. Мог бы и потерпеть, ведь процесс был великолепен. А теперь надо начинать борьбу сначала, а еще — аргументировать, что совсем нелегко, когда твой мозг эмигрировал в низ живота и высится нелепой невидимой громадой за спиной самой желанной девочки в мире.

— Они очень занудные, Кит. Ты же знаешь, все ненавидят эмо за то, что они грузят своими проблемами, ноют, плачут и жалуются. Никакого просвета. Может, поставим ска? Любое ска. Добавим позитива! Мы же встретились на «Distemper», помнишь, как было весело?

Тогда, месяц назад, веселье и правда удалось на славу. Они впервые увидели друг друга. Кити была как Пеппи Длинныйчулок — со смешными хвостиками, в клетчатой юбке, полосатых гетрах и кедах

в ромбик. И все это летало в безумном вихре сканка. Спортсмен Егор еле успевал за скачущей, как взбесившаяся марионетка, Кити. После концерта он не удержался и сказал, что никогда не думал, что эмо могут так зажигать. Кити сделала вид, что обиделась, сказала, что может быть какой угодно, главное, чтоб не мешали. И стала ему что-то заливать про тру-эмо, а Егор шел рядом, не слушая ее, а только смотрел на смешное милое лицо и думал, как хорошо, что они встретились. В тот вечер он впервые всерьез влюбился, но до сих пор ни за что не хотел себе в этом признаваться...

— Да-да-да. Уже сто раз это слышала, — прервала ход его мыслей Кити. — Конечно, можно поставить ска, только дело совсем не в музыке. Ты просто злишься, что не можешь меня трахнуть, хотя это глупо. Не пойму вас, мужиков, какая тебе разница, как кончать? Удовольствие то же. Это скорее моя проблема. Я ущемляю себя.

— Может, хватит ущемляться?

— Нет, подожди. Осталась всего неделя. Я приняла решение, мы сделаем это с тобой после концерта «My Chemical Romance», я хочу двойной катарсис. Да и тебе крупно повезло, представляешь, как парни меня разогреют.

— Ура. У нас появились сроки. Всего-то неделя. А вдруг я не доживу? Ритуалы какие-то детские.

— Ничего, доживешь. — Кити нежно погладила не желающего успокаиваться зверя позади себя. — Ритуалы, скажешь тоже. Я же не ташу тебя на кладбище, как Ритка своего первого.

Егор чуть не поперхнулся. Рита-Ритуал была лучшей подругой Кити и прожженной готкой. Кити, не

заметив его реакции, продолжала разглагольствовать на любимую тему:

— Ничего плохого в том, чтобы выставлять свои чувства напоказ, нет. Чистые эмоции — это единственное, что не девальвирует в сегодняшнем мире, слезы боли и радости, искренние чувства, то, чем живет наша душа, без них она пересыхает и умирает. Смех и слезы, крики гнева и стоны оргазма — единственная валюта человеческих отношений. Теперь по поводу музла. «Gimmy» вовсе не занудные, они открытые и ранимые и делятся своими чувствами, переживаниями, а не грузят. И кстати, они с две тысячи первого года в «эмо» не играют. Я же не ставлю тебе скримо или эмо-кор, чтобы тебя с кровати не снесло.

— Ну да, за это вас тоже пинают: эмо-кор, эмо-панк, эмо-готика. Все под себя подгребли.

— Тормози, пловец, а то утонешь. «Эмо» как термин придумала американская хард-кор-группа «Minor Treat», вернее, ее лидер Йан Маккей — человечище! Он потом сколотил еще две офигенные группы, «Embrace» и «Fugazi», чтоб ты знал. Чувак сначала основал движение «Стрейтэйдж», а потом придумал эмо — просто эмоциональный выплеск исповедальной лирики в жесткой песне. Так что первые эмо были стрейтэйджерами, борцами за позитивный образ жизни, такими дуболомами вроде тебя — выкалывали себе «Х» на шее и шли мутузить битами всякую алкашню, чтобы те брались за ум. Стрейтэйджеры — четкие черти, не пили, не употребляли наркотики, многие были веганами...

Егор понимал, как глупо со стороны выглядит их постельный спор. Но попыток прекратить его не

предпринимал, наученный горьким опытом месячного общения с Кити. Окунать Егора в проблемы эмо-культуры ей было не менее интересно, чем целоваться с ним. Нет спора — нетекса — эту особенность Кити Егор усвоил четко, и сжав зубы соблюдал правила игры.

— Кити, тебе не кажется, что с тех пор многое изменилось?

— Да, тут ты, пожалуй, прав. Проклятые позеры. Эмо стало модой, глянцевой заразой. Маленькие девочки, с ног до крашеной черной головы увешанные значочками, с плюшевыми мишками в руках, и праздные тусовщики в дорогих тряпках, имитирующие секонд-хендовские. Они отняли у нас наши любимые кеды, сумки-почтальонки и черные челки. Но все равно даже эмо-позеры мне милей, чем быдлосы, которые их лупасят.

— Лупасят, потому что твои эмо-киды вообще не отвечают. Тоже мне, добровольные изгои. Мне, честно скажу, тоже твои пидороватые эмо-бои не нравятся. Но мне с ними воевать неинтересно. Они же не противники. Бизжат, как бабы, не сопротивляются, плачут. А урлу это заводит. Запах крови раненой рыбы в воде собирает всех акул в округе. Так, как эмо, вообще, по-моему, никого из нефоров не ненавидели. Причем сами же неформалы...

— Отлично. Меня всегда умиляет быдловская аргументация. Просто все неформалы сейчас пустая формальность. Ум, честь и совесть молодежные — прямо комсомол какой-то новый. А раньше лупасили их всех. И хиппи били по тем же причинам — пидороватые какие-то и не отвечают, а потом все гопники стали волосатые и в клешах. И с панками

то же самое было, их в родной Англии так метелили, прямо хоть на улицу не выходи. А через десять лет уже вся гопотура — с крашеными челками, вся в заклепках да булавках. Со всем новым в мире одно и то же. Сначала ты — позор нации, потом ее спаситель. То же и в религии. Сколько первые христиане-то хлебнули. В чем их только не обвиняли — и в разврате, и в каннибализме...

— Кити, ты уж совсем. Несет тебя не по-детски. Христианство самоубийц за людей не считало, на своих кладбищах не хоронило. А твои эмо, позеры жалкие, только и делают, что пальцы к вискам приставляют. И от несчастной любви вены шпилият. Ну, вернее, имитируют. Придурки слезливые. Погубивали бы все себя — и все.

— Придурки — согласна. В эмо-культуре этого отродясь не было. Нанесло от готов. Тру-эмо — вообще сплошь позитивные и веселые. Хы-хы. А если плачут, значит, есть причина серьезная. А зачем свои чувства прятать, если они искренние и красивые?

— Как ты.

— Да, как я. И вообще, я не понимаю, что за стадность животная: «Эмо — позор!», «Эмо — сакс!», «Убей эмо!» Это просто самая новая, самая яркая и самая беззащитная молодежная субкультура. Такой подросток-изгой, угловатый и колючий, импульсивный, не принимающий взрослый мир. Ну а взрослые ушлые дяди углядели новую моду и давай штамповывать значочки, кеды, ремни с черепами, группки всякие типа «токио-хотелей» и конкурсы в Интернете. Ну и моду на антиэмо те же дяди поддерживают, печатают и продают им их злобную символику.

Подростковая нетерпимость и агрессивность — они же всегда были. Удобно на них спекулировать.

— Слушай, Кит, если тебе так твои эмо-клоуны нравятся, чего ты со мной тут обнимаешься? У тебя ж столько друзей-клоунов.

— Клоуны правят миром, этим безумным миром, Егор. Посмотри на Буша — типичный клоун из ада.

— Но я-то ведь не клоун, почему же ты со мной, с обычным парнем?

— Потому что я люблю тебя. Ты добрый, сильный и красивый. А еще потому, что ты самый настоящий эмо-бой, только еще не знаешь об этом.

Не успел онемевший от такой наглости Егор парировать эту бредовую эскападу, как Кит закрыла глаза, высунула кончик языка и провела стальным шариком от одного уголка рта до другого. Егор облегченно вздохнул и притянул ее к себе; диспут был закончен, и можно было опять до бесконечности заниматься любимым телом.

Впереди была вся большая и яркая жизнь, стоял теплый июнь, поцелуй Кити великолепны, а через неделю она будет вся принадлежать ему, как и остальной мир.

ГЛАВА 2

Егор

«**А**бсолютно безбашенная — это, пожалуй, самая точная характеристика Кити», — думал Егор, выходя из метро, чтобы встретить подружку после концерта. Так долго его еще никто не динамил, но все-таки он добился своего. Он всегда своего добивался, и в спорте, и в жизни. До пятого класса он был невзрачным белесым увальнем, но, устав от насмешек, пошел на чойквандо и уже через год стал самым сильным в классе. Ну и природа помогла, рос как бамбук и к восьмому классу вымахал за сто восемьдесят. Боец, красавец, первый парень в купчинском дворе. На учебу забил, на маман забил — пиво, сигареты, ну а если есть трава — тоже пойдет. Спасибо тренеру, что выгнал. Еще и мозги напоследок вправил по-мужски — словом, в грубой форме. В общем, начал Егорушка новую жизнь. В новой школе, с новыми друзьями. Еще спасибо маме, нашелся у нее знакомый тренер по плаванию, согласился посмотреть дылду-переростка — в таком возрасте в пловцы не берут. Ему повезло. Через год выиграл городские, а потом и на региональных засветился. После школы — в Лесгафта. Правда, спортивная карьера накрылась из-за дурацкой травмы —

прокатился с другом на мотике. Ну и ладно, будет педагогом. Тренер по плаванию — тоже неплохо. Зато можно и в клуб с друбанами завалить, и в Сети ночами позависать. На сайтах знакомств, там он с Марго и познакомился, перед концертом «Distemper», а на самом концерте — с Кити. Случилось это всего месяц назад. Всего месяц, а он и сессию сдал, и двух таких красивых чиксух развел. Раньше у него с девчонками таких долгих отношений не бывало, рекорд — неделя. А тут — месяц. Лучшие подружки, а что он с обеими — Кити не знает, а если пронохает, что будет — лучше не думать... Кити — она же крезанутая. Одно слово — эмо. Может, убьет себя... или его, или его и Марго. Егор мысленно похихикал, представив себе такую кровавую связку.

Он встал поближе к серому павильону метро и стал смотреть на цепочку людей, потянувшихся от дворца. Концерт закончился. Егор смотрел на разгоряченных, возбужденных, счастливых парней и девушек, пунцовых, напрыгавшихся школьниц, которых встречали родители, и уже начинал жалеть, что не пошел на концерт. Против «MCR» он ничего не имел. Музычка у них довольно бодрая, а когда он узнал, что их вокалиста в школе считали толстым лузером, то вообще почувствовал к группе личную симпатию. Но Кити ему запретила идти с ней. Она хотела зажечь и проститься со своей юношеской любовью в гордом одиночестве, а с Егором встретиться именно после концерта. Хотя прислала уже дюжину MMS. Вот телефон опять провибрировал и на этот раз выдал SMS: «Чуть задержусь, жду автограф. Лю.» Ну что ж, он потерпит. Месяц ждал, чего уж теперь. Тем более что наблюдать за

толпой, валившей с концерта, очень даже прикольно. Такие фрики попадались — закачаешься. Вот прошла группа готов, как будто массовка из плохого ужастика категории «Б»: «Гlamурные вампиры и ведьмы из космоса». Длинные кожаные плащи, набеленные лица, черные волосы, ногти и подводка для глаз, альпинистские очки-бинокли, сапоги на гигантских платформах, девицы с яркими — зелеными и красными — дредами. Нечисть, одним словом. Мысли Егора ассоциативно перескочили на Ритку. Близость с ней пугала его. И не без оснований. Девушка она, прямо скажем, мрачноватая. «Готовься к боли, готовься к смерти» — это все не для жизнерадостного парня Егора. Если б не Кити, он давно бы завязал с готической королевой Ритой-Ритуал, как она сама себя называла. Но Егор боялся, что, как только он ее бросит, она сразу же озвучит их историю подруге. А пока он с Ритой, та на его стороне, даже жалеет его, что связался с эмофией. Ритка баба неплохая, этакая боевая подруга, если бы ее на готике не переклинило, цены б ей не было — высоченная красавица, брюнетка с голубыми глазами и чувственными до болезненности холмами роскошных грудей, между которыми красовался черный анкх. Ритка говорила про себя, что она настоящая ведьма и даже бисексуалка. В общем, напускала на себя все возможные готические понты. Держалась при общении очень независимо, порой даже несколько высокомерно, всячески напирая на небывалый жизненный и сексуальный опыт, и, хотя Егор и Рита были ровесники, ему казалось, что она намного старше его. К Кити, своей школьной подружке, Рита относилась со снисходительной

улыбкой типа: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось. Про ее эмо-забавы отзывалась так: «Ну кто такие эмо? Жалкие плагиаторы, которые стибрили у нас — готов — и стиль, и имидж, только философии у них никакой нет. Слащавые плаксы. Готы, которых родители не пустили на кладбище». Но что касается Кити, то ее она любит. Кити клевая, она ее лучшая подруга, несмотря ни на что. Да и вкусы на мужиков у них общие. Сначала Егора удивляло, что Рита мирится с его отношениями с Кити, но потом он списал это на ее природный мазохизм и успокоился. Секс с Ритой тоже был весьма своеобразный. Вроде бы до обоюдного изнеможения, но слишком инициативна и самозабвенно в постели была ведьмочка, иногда Егору казалось, что она его просто использует, как предмет из сексшопа. То ли дело Кити: близость с ней, пусть и не совсем полная, всегда праздник — коррида и фиеста одновременно. Ее запах пьянил сильнее любого вина, она мокла от одного его взгляда, она — такая смешная, милая, взбалмошная... И еще, она отдастся ему сегодня, не выходя из катарсиса, помножит экстаз на оргазм. Ха-ха.

Поскольку данный оборот мыслей создал неуправляемое растущее напряжение в джинсах, Егор вернулся к рассуждениям о Рите. Дома у нее жили ворона и три черные кошки. И настроение у нее всегда было меланхолическое, что не мешало им с Егором регулярно трахаться. От Кити он просто шел к Рите, и так целый месяц. Правда, за последнюю неделю он побывал у Риты всего два раза. Каким-то странно изможденным он себя чувствовал после нее. Довольно жесткие, даже грубоватые манеры готки

в постели все больше его напрягали. Она любила доминировать, а Егор был мужиком априори. Поэтому Рита ему явно не подходила, несмотря на то что после ее бурных оргазмов, завершившихся тем, что она как мертвая замирала на пару минут, он чувствовал себя половым гигантом. Что ж, после сегодняшней ночи он сможет смело попрощаться с обеими подружками, все цели будут убиты. Хотя с Кити...

Его внимание отвлекли два женоподобных эмобоя, которые шли с концерта, держась за руки. Анорексичные тельца, кеды в ромбик, драные челочки, полосатые футбольочки — эти парни вызывали у него тошноту, несмотря на все доводы Кити. Егор не относил себя к урле, не стал фанатом «падонкаф и гопнегов» и смеялся, когда друзья всерьез предостерегали его: «Ты еще тусуешь с этой мелкой эмочкой? Главное — обходи ее приятелей-ахтунгов! Эмо — это же последнее прикрытие пидорков!» Егор был достаточно умен, чтобы понимать, что число любителей однополой любви пропорционально раскидано по всем субкультурам. Достаточно вспомнить кумиров танцполов Боя Джорджа и «Pet Shop Boys», Роба Хэлфорда — вокалиста-металюгу из «Judas Priest», или клавишника из «Rammstein», не говоря уж о великом Фредди, гениальном Чайковском или глянцевой поп-тусовке. И что-то он не помнил, чтобы к глаумурно одетым девочкам и мальчикам-мажорам кто-нибудь подбегал и кричал: «Попса — сакс! Сдохните, гламурные ушлепки!» Но несмотря на все аргументы собственного разума, Егор не мог справиться с рвотным рефлексом при виде «сладких» эмо-боев. То ли дело девчонки, просто секси-ангелочки. Егор с радостью переключился на созерцание соратниц своей

подружки Кити. Эх, Китёнок, где же ты застряла, твой парень уже совсем застоялся. Егор стал в подробностях вспоминать их последний кроватный спор, когда он попытался дать бой Кити по поводу ее эмо-дружков. Они только что расцепили объятия и лежали, тяжело дыша, красные и разгоряченные. Егор решил, что это подходящий момент, чтобы поставить точку в прошлом прерванном разговоре.

— Кит! Ты прошлый раз сказала, что я настоящий эмо, но просто не знаю об этом. Это чушь. Не надо больше так говорить. Я нормальный парень.

— Ну-ка, ну-ка!

— Да, и не язви. Мне нравятся девчонки эмо-киды, нравишься ты, но ваши чуваки-ахтунги — отстой! Эмо-культура — девчоночки розовые сопли. Тощие эмо-бои с черными ногтями, челкой на пол-лица и подведенными глазами — просто грустные клоуны, а миром правят рассудок, целесообразность и жизнерадостность. То, что хорошо для девочек, для мальчиков просто смех. Возьмем, к примеру, русский рок. Многие русские рокерши — лесби, активно пропагандирующие свою половую дефиницию. Существует даже неофициальная иерархия: наверху Зема, дальше снайперши — Динка и Сурик, пониже Мара, ну и потом прочие Бучи. Хорошо, хоть фолк-рокерши натуралки. Надеюсь. Ну вот, и никого эта ситуация особо не смущает. Публика розовая на концертах прекрасно смеивается с гетеросексуальной толпой. А представь себе ситуацию зеркальную, с мужской половиной русско-рокерского воинства. Не можешь?

Правильно.

Кити от смеха начала кататься по кровати. А Егор продолжил:

— Вот Мик Джаггер может сказать, что у него с Дэвидом Боуи что-то было, ну разок или два. А представь-ка на его месте Костю Кинчева или Кипелова?

— Блин, Егор, я вижу, ты серьезно подготовился. Ну хватит, я сейчас от смеха барбеллой подавлюсь.

— Так-то, Кити. У нас такие гендерные фокусы не прокатывают. У нас все жестко: или нормальный пацан, или отклонение от нормы. Я против клоунов ничего не имею, хоть веселых, хоть грустных. Но их место в цирке, а цирк — по выходным.

— Значит, и мое место в цирке?

— Твое место со мной на кровати, здесь и сейчас.

— Ну да, ведь сегодня выходной?

— Кит, мы не будем ссориться из-за твоих эмо-боев. Нам так хорошо вместе.

— Нет, не будем. Но эмо все равно правят миром.

— Но ты пока со мной, а не с каким-нибудь эмо.

— Я уже говорила тебе и снова повторю: ты — эмо, просто еще не знаешь об этом. Ты не видишь, что шатер шапито накрыл весь мир.

Кити прикрыла смешливые глаза и показала острый кончик языка, облизав и без того влажные губы. Дальнейший разговор стал невозможен в связи с взаимной занятостью двух ртов...

От воспоминаний Егора отвлекло отвратительное действие, которое вдруг развернулось прямо перед ним. Все происходящее, в том числе и себя, он видел словно со стороны, как будто смотрел кадры видеокамеры. Ему казалось, что это какой-то

дурной сон... Но, к сожалению, все было самой настоящей явью.

Вот группа молодых людей преследует девушку. По одному выбегая из толпы, они кидают ей прямо в лицо яйца, обсыпают мукой, поливают какой-то дрянью из пластиковых бутылок из-под колы. «Нужели мочай?» — мысленно ужасается Егор. Никто вокруг ничего не понимает и не предпринимает, кроме того, что многие улюлюкают и почти все, вытащив мобили, жадно снимают эту казнь.

«Что за прикол? Может, это их подружка, которая в чем-то провинилась? Но все равно, уж слишком крутое наказание». Жертва, осыпанная мукой, прикрывая лицо, пробирается к метро, не пытаясь сопротивляться, она в шоке, ее трясет мелкой дрожью, глаза белые, безумные: «Вы что? Вы что?» Она чуть не налетает на Егора, который машинально отступает, боясь, что случайно попадут в него, целясь в нее. Егор расстраивается, испугавшись своего страха: «Что за хренъ? Вот деръмо». Он злитя на себя, на толпу, валяющую с концерта, на праздных свидетелей бесчинства, на отсутствующих ментов и на подонков, которые выглядят как обычные подростки. Это не бонхеды, не хулсы, не трады и не антифа. Это десяток нормальных парней и девушек, с закрытыми повязками лицами, которые с садистской настойчивостью выбирают из толпы одиноких эмогёрг и устраивают на них настоящую охоту. Егор встает как вкопанный, он должен что-нибудь предпринять, так не должно быть, но атака закончена, охотники просто растворились в толпе. Егор стоит, ждет. Вот опять метрах в двадцати от него какая-то суэта. Из толпы высекают две девицы с пакетами,

подбегают к маленькой эмо-кид с розовым рюкзачком, так похожей на Кити. Два эмо-боя, идущих позади нее, радостно смеются, когда девчонка оказывается в муке. Взвизгнув, она бегом мчится к метро, а за ней с десяток преследователей. И опять ухмылки толпы и снимающие телефоны. Егор понимает, что опять остался на месте, переминается на свинцовых ногах, надеясь, что кошмар уже закончился.

И тут звонит Кити:

- Ну, где ты?
- У метро, жду тебя.
- Что-то случилось?
- Нет.
- Ну ладно, жди, я скоро.

Из-за разговора он пропускает начало следующей атаки. На этот раз все идет по другому сценарию. За очередную жертву вступается парень, типичный эмо — тощий, в черной майке-сеточке, перчатках без пальцев, в узких проклепанных джинсах. Он ловит одну из метательниц за рукав и сразу получает тычок в спину и падает лицом на асфальт. Не давая ему подняться, его тотчас начинают пинать пять пар ног. Девочка, за которую он вступил, в ужасе стоит метрах в десяти от этого месива и тихонько скулит. Толпа со снимающими мобилами в руках уважительно обтекает место драки. Пожилая женщина, видимо встречающая свое чадо с концерта, пытается как-то образумить избивающих, виснет у одного из них на руке. Но волки уже учяли запах крови, и через секунду эта женщина лежит спиной на асфальте. Егор видит это уже на бегу, боковым зрением, он торпедой врезается в кучку хулиганов и несколькими ударами укладывает

троих, причем у одного из упавших на секунду слетает повязка с лица, и Егор видит его перекошенную от боли и страха физиономию. Он отвлекается и получает в глаз. Боль, искры. Егор кричит. Он страшен, он прекрасен. Бойцы орут на него:

— Ты что, дурак? Это ж эмо-чмошники! Мы же им вкус к жизни прививаем!

Недобитый эмо-бой в сеточке вскакивает, как резвый козлик, и вцепляется в горло одному из мучителей. Теперь перед Егором всего два противника: маленький и крепкий в бандане, закрывающей низ лица, и раскрасневшийся блондин в футболке «СССР», с умными холодными глазами, под которыми повязана арафатка.

— Да кто вы такие? — хрипло кричит Егор.

— Не твое дело, — резко отвечает блондин.

А крепыш добавляет:

— Проваливай.

— Ну уж нет.

Егор бьет крепыша ногой в грудь, но тот юрко уворачивается. Зато прямой правый Егора сбивает блондина с ног. Из сломанного носа на асфальт капает кровь. Блондин всхлипывает:

— Сука, ты покойник.

— Эй, заканчивайте, — кричат из толпы, но снимать не прекращают и близко не подходят.

Егор оборачивается на пронзительный крик и видит, как сквозь толпу к нему бежит Кити, размахивая над головой сумкой-почтальонкой. Он видит краем глаза, как к блондину подбегает девушка и сует ему в руку пульверизатор и зажигалку. Егор оборачивается и получает в лицо струю огня. Он слышит свою боль, слышит, как горят кожа его ли-

ца, волосы и захлопнувшиеся веки, и не слышит своего предсмертного крика. Горло Егора исторгает настоящий эмо-скрим — рык, переходящий в ультразвук, от которого лопаются резонирующие перепонки и по телу бегут цунами страха. Мир взрывается огненным шаром.

Тренированное доброе сердце спортсмена, которому не страшны любые физические нагрузки, не вынесло боли и страха и разорвалось. Юноша с головой-факелом упал на колени и умер. Наступила полная тишина. Толпа завороженно молчала и смотрела на место, где только что шла драка, а теперь лежало мертвое тело, над которым рыдала несчастная Кити.

— Вот они, не дайте им уйти! — проснулся кто-то.

И правда, за круглую станцию метро улепетывала стайка разноцветных агрессоров. Человек двадцать из толпы сорвались в погоню, но поздно — юных террористов след простыл.

— Ой, горе-то какое, — сокрушенно шептала женщина, поучаствовавшая в побоище. — Убили мальчи-ка, ни за что убили.

Она заглянула в глаза Кити, которая стояла на коленях рядом с Егором и уже не рыдала, а чуть слышно по-бабы выла, покачиваясь из стороны в сторону. Женщина в ужасе отшатнулась — в зрачках Кити кружился и хохотал отвратительный красивый клоун.

ГЛАВА 3

Познакомься с Эмбоем

Клоун смотрел прямо на Егора. Его лицо нависло так близко, что стало видно каждую раскрытую пору-нору на красном носу. Егора поразило, что нос — огромный алый нос невозможного для человека размера — был настоящим, а не приделанным. А рядом — красные жирные дряблые щеки, маленькие любопытные лиловые глазки, густо подведенны черным, и огромный оранжевый рот до ушей-варенников. «Какой кошмар! — подумал Егор. — Ненавижу клоунов. Нужно просто ущипнуть себя и проснуться». Но ничего не получилось. То ли щека онемела, то ли он продолжал спать. «Крепкий утренний сон», — подумал он, закрыл и опять открыл глаза, вернее, один глаз, второй почему-то не открывался. Клоун не исчез, просто отошел и стоял теперь метрах в трех от Егора. Круглый, как бочонок, в дурацком полосатом красно-белом трико и красном жилете, он нервно пристукивал по земле красными же великаникими башмаками. На голове у него пионерским костром развевалась огненно-рыжая шевелюра.

— Пора вставать, герой! Светлеет уж восток, и я проголодался. Люблю повеселиться, особенно похвать, двумя-тремя батонами в зубах поковырять.

Егор ничего не чувствовал и не помнил. Он сидел на улице, привалившись спиной к грязно-розовой стене. Было довольно светло, хотя на небе солнца не видать и все, что находилось дальше десяти шагов, утопало в густом розоватом утреннем тумане.

— Где я? Где Кити?
— Ха-ха! А почему не «кто я»?
— Кто ты?
— Нет — кто ты?
— Что за бред? Я — Егор Трушин.
— Его-о-ор?! Нет, братец, ты точно не Егор. Тот парень уже часов шесть как в морге. Его ты альтер эго! Тебя зовут Эгор. Врубон?

Егор решил не отвечать безумному уроду, встать и уйти. Надо добраться до дома, поспать, а утром он все вспомнит и во всем разберется. Он резко поднялся на ноги... Кошмар продолжался. Во-первых, он не узнавал своего тела, своего любимого, могучего, послушного тела пловца. Ему показалось, что он весь ссохся, как рыбий скелетик, или что его засунули в бутылку с тонким горлышком. Егор в ужасе снова сел на землю и уставился на свои тощие сеньки дистрофичные ножки, обтянутые черными джинсами, которые заканчивались розово-черными кедами. По спине побежали холодные ручейки, слившиеся воедино и воплотившиеся в толстую ледяную змею ужаса, которая отделилась от Егора и, мерзко шипя, зигзагообразными движениями попыталась уползти в розовый туман, но была немедленно настигнута клоуном, удивительно проворным для своей комплекции. Он в два прыжка догнал ее, поднял над головой, крепко зажав сар-

дельками пальцев, и откусил плоскую треугольную голову. Затем победно хохотнул и втянул с противным пылесосным звуком в свою оранжевую пасть полумертвое тело змеи, как какую-нибудь макаронину. После чего громко рыгнул, довольно похлопал себя по толстому животу и сказал:

— Спасибо, брат! Вот я и позавтракал. А вот это уже лишнее, десерта я не заказывал.

Он махнул рукой в направлении Егора, который, остолбенев, смотрел на сороконожек, разбегавшихся от него в разные стороны.

— Эгор, можно я буду тебя так называть? Для простоты. Судя по здоровенным грибам, которые только что выросли рядом с тобой, тебя, похоже, все удивляет. Постарайся понять и поверить в то, что я тебе сейчас скажу. Эти сороконожки — твое отвращение, змеи — страх, а грибы — удивление. Кстати, можешь их съесть, они вполне съедобные.

Эгор, а именно так, наверное, стоило теперь называть то существо, в которое превратился Егор Трушин, был ошеломлен, сбит с толку, введен в ступор, его мозг застыл в ожидании объяснений. Наконец он выдавил из себя:

— Где я? Черт! Что со мной? Что это за место? Я что, обожрался грибов? Но когда? Почему я ничего не помню?

— Что, брат, совсем ничего?

Эгор почувствовал, как подступили слезы.

— Я ждал Кити у метро. Потом помню антиэмо, я вроде полез драться.

— Да, чувак, навалял ты им по полной программе. Прямо Джекичян — самый сильный из армян!

- Из армян? Джеки Чан?
- Это я шучу, Эгор. Я же клоун. Я создан на радость людям, как Буратино. Знаешь про такого деревянного маньяка?
- Ты меня сбиваешь, я почти вспомнил. Я видел Кити, она бежала ко мне...
- С толстой сумкой на ремне. Это он, нет, это... ой! Ленинградский эмо-бой?!
- Зачем ты несешь эту чушь?
- Для всеобщего блага, чувак. Пойми, тебя убили, ты попал в другой мир, другую реальность, здесь вещи нематериальны, он звонкий и тонкий, здесь обитатели питаются эмоциями, которые попадают к ним из реального мира. И наоборот, материализованные чувства и эмоции питаются местными обитателями. Понятно?
- Меня убили?
- Да, блин. Тормоз хренов, тебя убили. То есть не тебя, а того, кем ты был раньше. Там, в Реале. Въехал?
- Так что, я в аду?
- Нет. В «Доме-два». Сейчас придет Собчак и утешит твое щуплое тельце. Ты в эмо-мире, брат, или в эмо-королевстве. В самом настоящем. Местные обитатели, с коими тебе еще предстоит познакомиться, так его и называют — Эмомир.
- Я, наверное, просто сильно ударился головой и у меня такие дурацкие глюки. Или я в больнице и мне вкололи какой-то безумный наркоз. Или я просто сплю.
- Или — это передача «Розыгрыш», и сейчас из-за кустов твоих сомнений, а ты, я надеюсь, видишь, сколько их появилось между нами за последние три

минуты, выскочит радостная Кити: «Егор, прости, я тебя разыграла!»

— Кити! — Эгор схватился за голову и тут же отдернул руки: голова была чужой и непривычной, по спине уже знакомо побежала змейка.

— Эгор, прости. Наверное, начать надо было с этого. — Клоун засунул руку в бездонный карман своих безразмерных брюк и извлек на тусклый свет зеркало в красивой патинированной готической оправе. Растигнув его руками, словно стекло с амальгамой было консистенции жевательной резинки, он перешагнул через кусты сомнений, раздавив при этом пару сороконожек отвращения, и приставил зеркало к огромному шампиньону удивления, выросшему прямо перед Эгором.

В зеркале отражался испуганный карикатурный эмо-бой. Похожие картинки Егор много раз видел в Интернете, но этот малый стоял живой и в ужасе смотрел на него. Клоун, стоявший рядом, перехватил очередную змею, гораздо больших размеров, чем предыдущая, и старательно колотил ее головой о землю. Эгор поднял руку и молча показал на урода в зеркале, собираясь задать клоуну вопрос. Карикатура сделала то же самое, а клоун, плотоядно улыбаясь, молча кивнул, продолжая махать змеей. Эгор шумно выдохнул и скрепя сердце начал скрупулезно изучать свой новый облик. Уровень его сопротивления бреду уже давно зашкаливал от нереальности происходящего и теперь перешел в новое качество: он постепенно стал смиряться с ощущениями, появилось даже некоторое любопытство. Итак, перед ним в зеркале стоял худой, высокий юноша, с бледным лицом, слева наполовину закрытым иссиня-чер-

ной челкой. На открытой половине лица сиял стра-
данием и болью синий глаз, густо обведенный чем-
то черным. Губы тоже были цвета черной запекшей-
ся крови, а нос — крылат ноздрями и заострен, как
у покойника. В нижней губе и левой ноздре красо-
вались толстые стальные кольца. Тыльные стороны
ладоней украшали странные татуировки. Пригля-
девшись, Эгор понял, что это половинки разбитого
сердца с неровными краями разлома. Эгор поднял
тонкими музыкальными пальцами хрупкой руки тя-
желую челку и замер. Лучше бы он этого не делал —
под волосами пряталась сгоревшая часть лица с пус-
той черной глазницей. «Бедный, бедный Егор Тру-
шин — ничего от тебя не осталось», — подумал Эгор
и продолжил осмотр. Одет он был в какой-то стари-
ковский джемпер в ромбик с большим треугольным
вырезом, под которым красовалась футболка «Ме-
tallica». «Ну, хоть „Metallica“», — нелепо обрадовался
Эгор. Джинсы на тощай заднице держались благода-
ря широкому, проклепанному металлическими серд-
цами ремню с огромной пряжкой в виде черепа-им-
бецила — трехзубого, без нижней челюсти, зато с
двумя перекрещенными берцовыми костями. Такой
же череп в виде перстня красовался на среднем паль-
це правой руки. Ногти на руках оказались черными,
длинными и острыми. На плече висела увесистая
сумка-почтальонка. Заныло сердце. Эгор, не ожидая
подвоха, положил ладонь на грудь и ощутил непо-
нятную и неприятную пустоту. Он задрал джемпер
и футболку и увидел в зеркале зияющую черную
дыру. Хмыкнув и ничему уже не удивляясь, он опус-
тил одежду и посмотрел на клоуна. Тот поднял узкие
плечи и, как бы извиняясь, развел руками. Жевать

он не переставал — изо рта у него торчал змеиный хвост. Тут Эгор расплакался, как настоящий эмобой, — громко, горько и от души, но каким-то чудом смог быстро взять себя в руки. Если кто-то наверху захотел над ним посмеяться, то у него это вышло на славу. Эгор с неожиданной для тощих рук легкостью схватил зеркало, поднял его над головой и шандарахнул оземь. С чистым хрустальным звоном оно разлетелось на осколки, которые тут же превратились в черных злобных крыс, с противным писком убежавших в туман. Эгор вопросительно взглянул на клоуна.

— Гнев, — сказал тот с набитой грибами и змеятиной пастью. — Я даже сказал бы, праведный гнев.

— И что со всем этим делать? Я не хочу такой жизни, этого мира, этого мерзкого тела. Неужели кому-то мало того, что меня убили? За что мне этот суперприз? За то, что я заступился за этих жалких чмошников? За это?

— Брат, остынь, в конце концов, ты жив. Наслаждайся. Когда ты родился в первый раз, ты тоже не просил об этом, и тот мир, прямо скажем, совсем не идеален.

— Меня устраивал! Мне было всего восемнадцать, черт побери! Я даже не успел переспать с Кити.

— Бедняга. Я в том мире вообще ничего не успел, поэтому надеюсь повеселиться здесь.

— Так ты тоже не абориген?

— Нет, но я знаток здешних мест. Так уж вышло, брат, что я все знаю про этот дивный мир.

— И давно ты здесь?

— Понятия не имею. Видишь ли, время тут еще более относительно, чем в Реале. Оно то застывает,

как смола, то несется, как скорый поезд, то вообще исчезает на время. Время исчезло на время. Ха-ха. Каламбур. Так что я здесь достаточно долго. Достаточно для того, чтобы помочь тебе адаптироваться.

— Я не хочу здесь адаптироваться! Больше всего на свете я хочу проснуться в своей кровати.

— Поэтому, просыпаясь каждое утро в своей кровати, надо испытывать бурный восторг от происходящего. Пойдем, брат, найдем тебе новую постель. Эмо теперь твой мир и твоя жизнь, и советую принять это как должное и не гневить Создателя.

— Да плевал я на вашего Создателя.

— Да ты крут, чувак! Пойдем-ка прогуляемся, полюбуемся эмо-видами.

ГЛАВА 4

Клоун ада

Они шли уже почти целый час, а может быть, пять минут, которые тянулись как целый час. Эгор молчал и зыркал по сторонам единственным глазом. Его длинные ноги все увереннее шли за ни на секунду не прекращавшим трещать красным клоуном.

«Лаптя не хватает, — горько подумал Эгор, — Пузырь и Соломинка присутствуют». И тут же удивился своей способности к самоиронии в такой неимоверной ситуации, удивился способности удивляться, удивился, что уже не удивляется вырастающим ежесекундно у него под ногами грибам удивления. И понял, что совершенно ушел в себя и уже давно не слушает толстого болтуна. Они шли по пустой широкой улице с черной мостовой, по которой стелился розовый туман, а по бокам высались невысокие, этажа в три, пустые, на вид облупившиеся дома, сложенные из розового и черного кирпича, с черными оконными проемами незастекленных окон. И ни одной живой души вокруг.

«Если это не сон и не глюк, то это самый скучный мир из тех, что стоило придумать», — думал Эгор.

— Эй, брат, ты что, меня не слушаешь? Так-то ты ценишь дружескую беседу? Тебе что, мой анекдот не понравился?

— Анекдот?

— Да, мой любимый, про кудесника.

— Я немного отключился, эта розово-черная гамма меня бесит и усыпляет одновременно. Прости, может, повторишь?

— Только для тебя, хотя ты не Толька, а Эгор. Смешно?

— Это и есть твой любимый анекдот?

— Нет, это прелюдия. Любишь прелюдии?

— Ненавижу.

— Сильно. В общем, так. Идут альпинисты по узкой горной тропке в тумане. Вдруг тропка обрывается и перед ними глубокое ущелье метров пять в ширину. Ну, альпинисты встали, чешут репы, а с той стороны ущелья выходит старец с длинной белой бородой — в синем халате, украшенном белыми звездами, и в таком же колпаке. И говорит он: «Прыгай смело, я кудесник!» Ну, первый альпинист, что ближе к пропасти стоял, разбежался, прыгнул, упал на дно ущелья и разбился в сопли. А старец посмотрел вниз, покачал седой головой и говорит: «Да, хреновый из меня кудесник».

— Отвратительный анекдот, — буркнул Эгор.

— Я рад, что тебе понравилось и вообще что мне довелось общаться с таким жизнерадостным парнем. Мне теперь до самой смерти питаться змеями, грибами да крысами.

— Ты наглый толстый энерговампир! Мало того что ты жрешь мои эмоции, так тебе еще и деликатесы подавай.

— Было бы неплохо. Не отказался бы от крольчатины или дичи какой-то.

— Только и думаешь о своем желудке. Смотри, какой ты толстый! Скоро лопнешь!

— С тобой вряд ли. Если только от смеха. Эх, как я бы навернул сейчас твоей радости или веселья.

— А чего мне радоваться? Я покойник, в каком-то нелепом теле, шагаю с дурацким клоуном-эмоедом по скучнейшей улице на свете.

— А вот и врешь! Эта улица вовсе не скучная, просто она пока в тени.

Клоун повернулся к Эгору, чтобы показать ему противный фиолетовый язык. Вдруг он обо что-то споткнулся и плашмя упал на спину, больно ударившись рыжей головой и жалобно заикав. Эгор не смог сдержать торжествующего радостного смеха, который превратился в больших пушистых розоватых кроликов. Одного из них хитрый клоун тут же изловчился поймать.

— Ага, все получилось! Старый трюк действует безотказно тысячи лет. Стоит кому-то упасть и удастся, как те, кто это увидел, дружно начинают веселиться.

— И ничего подобного, — обиделся Эгор, — просто ты очень смешно упал, профессионально. И отпусти зайца, мне его жалко. Неужели ты не наелся?

— Фигушки! Это не заяц, а кролик, и он не настоящий, как и все здесь, зато питательный. Ты толстый, тебе хватает собственных переживаний, а мне все время нужна подпитка.

Клоун ловко подкинул кролика, широко разинул свою пасть и проглотил его целиком. У Эгора снова выступили слезы.

— Ну, давай реви, девчонка! Полей местные скудные земли, заодно и засадишь их травой. Ты ведь когда-то любил засадить? — Толстяк противно засмеялся.

Эгор, не глядя на то, как его слезы прорастают из земли горькой травой, кинулся с кулаками на своего обидчика. Но клоун увернулся с легкостью молодого тореро. Эгор налетел на стену унылого дома, но боли не почувствовал. Зато дом от удара сильно тряхнуло, посыпались кирпичи, которые подняли клубы пыли с грязной земли. Эгор, прислонившись спиной к дому, переждал падение стройматериалов. К счастью, ни один кирпич не упал на него. «А жаль,— подумал он,— может быть, тогда этот дурацкий сон закончился бы». Эгор проводил глазом разбегавшихся в разные стороны розово-черных странных визжащих зверюг с телами гиен и кабаньими мордами. Разглядеть их как следует он не успел, слишком быстро они бежали, к тому же мешала влага, застилавшая единственный глаз. Клоун, кряхтя, сел в трех шагах от него, нарочито испуганно посмотрел на Эгора и махнул рукой на убегавших зверюг.

— Да ты крут, чувак. Такой сложный продукт выдал — тут тебе и злоба, и жалость, и отчаяние в одном флаконе. Осторожней с чувствами, учись контролировать эмоции, иначе, боюсь, здешним местам грозит перенаселение всякими монстрами. Лучше уж плачь, озеленитель.

Эгор молчал, он уже не плакал, а злобно посверкивал на клоуна покрасневшим глазом. Он тоже опустился на землю, придинул руками к подбородку острые колени, обхватил ноги руками, положил

на них голову и закрыл глаз. Длинная черная челка печально свесилась, как подбитое крыло, и вокруг Эгора заколосилась чудесная изумрудная трава.

— Смотри-ка, зеленая. Всего пару часов здесь, а уже меняешь этот мир. Похоже, Создатель в тебе не ошибся. Эй, парень, вернись, я с тобой говорю.

Эгор молчал и не шевелился.

— Н-да, придется засчитать тебе попытку убить себя об стену. Слушай, ты, любитель кроля и кроликов, даже не надейся, что сможешь покончить с собой. Здесь это невозможно. Со мной — другое дело. Но ты еще слабон против меня. Я хочу тебе кое-что рассказать. Надеюсь, ты все-таки слышишь меня. Начнем с самого начала. Раз ты не хочешь со мной говорить, я проведу небольшой ликбез и буду говорить за себя и за тебя.

Клоун откинулся на спину, подняв столб пыли, и смешно заморгал глазами, изображая очнувшегося Эгора.

— Где я? — пропищал он, вскочив на короткие ножки. И ответил сам себе:

— Ты в дивном, тонком, очень нежном розово-черном мире. В мире, у которого нет четких границ, который существует внутри и снаружи реального мира с множеством обоюдных дыр, разломов и прорывов. Это те места, где эмоциональный уровень в Реале зашкаливает. Понятно?

Клоун лег:

— Нет, ни фига не понятно.

Клоун вскочил:

— Ну вот и отлично. Продолжим. Здесь нет ничего материального в обычном понимании. Дом и хозяин дома легко могут поменяться местами, Эмо-

мир несовершен и незавершен, Создатель еще поработает над ним, если вспомнит про то, что он есть. Все, что ты здесь увидишь и услышишь, придется принимать как данность. Например, то, что ты герой, который призван сюда для спасения мира.

Эгор не шелохнулся, но фыркнул. Это было похоже на звук, какой издает выходящий из чайника пар.

— Отлично, меня слушают! — обрадовался клоун и опять упал на спину.

— Кто герой — я? — снова пропищал он и, вскочив, ответил: — Ты. Но ты — не Егор Трушин, а Эгор-Эмобой, слепок чувств и сгусток эмоций Егора, его лучшие воспоминания и тайные желания, его тень в кривом зеркале подсознания, все, чего он когда-нибудь боялся, или все, о чем он тайно мечтал. Ну а форма, которую ты принял, это уже — хвала Создателю. Радуйся, что ты не жаба и не крыса.

Клоун лег:

— И что мне теперь делать, клоун?

Клоун встал:

— Спасать мир, чувак. Эмомир — он очень хрупкий, здесь полно беззащитных созданий, и им необходима твоя помощь. Ты должен защитить их от жутких монстров. А еще тебя ждут подвиги в реальном мире!

— В реальном мире? Значит, я смогу туда попасть? Или ты издеваешься надо мной? — подскочил Эгор, как ошпаренный.

— О! Проснулся! — Клоун радостно запрыгал. — А я тут играю сам с собой в Эмобоя. Кстати, прости, что называл тебя девчонкой, когда ты плакал.

Мужчине плакать вовсе не зазорно, это гендерные ошибки воспитания, замшелые цивилизационные предрассудки. Кто осудит настоящего мужчину за скучную слезу на могиле друга или родителей? А парню с детства твердят: «Мальчики не плачут — не будь девчонкой...» И он держит в себе обиды, боль и горе всю жизнь. Отсюда у мужчин высокая смертность, инфаркты, инсульты, алкоголизм с циррозом печени. А женщины плачут и дольше живут. Это же половой апартеид, заговор слез! Все против мужиков.

— Да остановись уже, чертов клоун!

— О, очередная партия уродов разбежалась. Эгор, остынь, я понимаю, что плачешь не ты, а твое новое тело, с чьими слезными железами ты не можешь справиться. Но зачем так злиться, я же твой друг. Я тот, кому ты всегда сможешь поплакаться в жилет.

Мимо рыжего виска немедленно просвистел кирпич, запущенный Эгороем.

— Друг? Я не ослышался, что еще смогу попасть домой?

— Конечно сможешь. Есть много разломов, дыр, лифтов, точек пересечения между мирами. А также много способов попасть туда и обратно для тебя, о Великий Эмобой, — кривлялся клоун.

— Ну так скажи мне как.

— Всему свое время, чувак. Все впереди.

— Да кто ты такой? Откуда ты все знаешь?

— Я — клоун, рыжий клоун. Твой спутник я и друг. А знаю только то, что дал мне знать Создатель. Я, так сказать, твой персональный развлекатель!

— И почему я должен тебе верить?

— Потому что ты должен хоть кому-нибудь верить, иначе сойдешь с ума.

— Я немедленно хочу обратно в мой родной мир. Если ты мой друг, помоги.

— Этот мир — твой родной, а там ты никому не нужен. Ты не Егор и даже не его тень. Ты — Эмобой. Ни друзья, ни родители, ни Кити не смогут тебя увидеть. А если и смогут, никогда не узнают. А только испугаются до смерти. Ты призрак, ты фантом, урод ты — Эмобой. И не нужны ни ты, ни твоя любовь в реальном мире больше никому.

Эгор схватился за внезапно занывшее сердце, но отдернул руку, вспомнив, что там вместо пламенного мотора черная дыра. Клоун сказал:

— Вот видишь, сердца нет, а боль есть. Фантомные боли — наша призрачная доля.

— Мы — привидения? Я — призрак? — окончательно запутался уже, впрочем, ничему не удивлявшийся юноша.

— Почти. Не здесь. В Реале — да. Вы призраки, пришельцы из другого мира. Пугать людей и страхом их погреть дано не каждому. Ведь надо очень сильным быть, чтоб гнев такой изобразить, чтоб видимым стать для людей. Не каждый может так злодей. Даётся дар такой лишь в наказанье! А остальные просто бродят среди живых, как тени, и ничего не в силах предпринять!

Эгор, сознание которого переполнилось новой информацией и откровенным бредом клоуна, тупо глядел на заговорившего стихами рыжего безумца.

— Даже если я призрак, эмо-бой и черт вступе, я все равно хочу попасть обратно. Там все мои

любимые люди, а я даже не успел с ними попрощаться. Пусть они не смогут меня увидеть и услышать, мне будет довольно того, что их увижу я.

— Ты эгоист, чувак. Ты все еще успеешь. Есть у тебя теперь в запасе вечность, брат Эгор. Ты нагуляешься еще в своем любимом грязном мире. Пойми, теперь он для тебя чужой, ты нужен здесь.

— Ага, кому? Тем тварям, в которых превращаются мои чувства?

Клоун недовольно поправил:

— Материализуются эмоции.

— Ты же говорил, что здесь нет ничего материального, толстый плут!

— Поймал. Но вот в чем парадокс: материального здесь нет, но все состоит из некой материи, только свойства ее необычны. Она соткана из иллюзий и сомнений, настроений и фантазий, в общем, очень тонких энергий человеческого мозга.

— Значит, создатель этого мира — человек?

— Этот вопрос не в моей компетенции.

— А почему ты все время жрешь мои эмоции, а я, наоборот, — не голоден.

— Потому что ты совершенен. Ты герой этого мира, посланный сюда Создателем, тебя все ждут, тебе все верят. И имя твое — Эмобой.

— Круто, только кто меня ждет, здесь же никого нет, кроме нас.

— Ну, да. Просто ты сидишь на задворках эмокоролевства. Сидишь, тупишь и, вместо того чтобы спасать этот мир, населяешь его всякими бесполезными тварями, грибами и травой.

Эгор не нашелся что ответить и задумался. Клоун тоже молчал, хитро поглядывая на юношу.

— Слушай, клоун, а имя-то у тебя есть?

— Имя? — Клоун озадаченно запустил пятерню в рыжую гриву и почесал затылок. А потом выдал: — Если тебе Эмобой — имя, имидж крепи делами своими ж. Зови меня Тик-Так, мой супердруг, мой супервраг, мой супердраг.

— Я буду звать тебя Тик, нервный тик. Или буду звать тебя — Так. Как? Так. Или, может быть, Тактик, ведь ты же тактик, а не стратег, это твой тег.

Сказав эту белиберду, Эгор с ужасом понял, что помимо своей воли копирует манеру разговора клоуна. Тик-Так остался доволен учеником:

— С кем поведешься, с тем и наберешься. Я вижу, ты окончательно пришел в нового себя. Кстати, я готов тебе подкинуть один замечательный довод в пользу Эмомира.

— Какой же?

— Это единственный известный мне мир, лишенный деръма. Его обитатели питаются чистыми энергиями, их не надо переваривать, а выделяют они в мир другие энергии — эмоции. Так что добро пожаловать в мир без деръма. К сожалению, этим миром не правят целесообразность и оптимизм. Им правит королева Маргит. Но зато им не правят клоуны, место которым в цирке по выходным и которых ты так не любишь.

— Так, это точно сон! Я сплю. Ты повторяешь мои слова из спора с Кити, но мы с ней тогда точно были одни.

— В вашем мире, да, почти одни. Прости, но я случайно наблюдал за вами из-за полупрозрачной шторки. О! Сколько страсти я увидел!

— Грязный извращенец, я откручу твою рыжую башку!

Эгор вскочил. Тощее тело слушалось его все лучше и лучше. Он зауллююкал и помчался по дороге следом за смешно ойкающим Тик-Таком, улепетывающим что есть сил на своих коротеньких ножках. Вскоре Эгор понял, что гонится за ним из проформы, зла на клоуна почти не осталось, а то, что рыжий знал в какой-то степени Кити и был посвящен в их отношения, даже как-то сближало их.

«Если это сон, — думал Эгор, — то я досмотрю его до конца. А если не сон, тогда мне все равно не остается ничего другого».

Они бежали вприпрыжку по грязной улице в направлении видневшейся вдали широкой площади, и мертвый розово-черный мир вокруг уже не казался таким ужасным. Когда тебе восемнадцать, трудно долго грустить, даже если ты мертвый эмо-бой.

ГЛАВА 5

Страх и Злоба

В Эмомире резко и неожиданно наступил день. Наступил ярким розовым светом-сапогом на пыльную улицу, разогнав туман по щелям щербатой кладки мостовой. Клоун, а за ним и Эгор выбежали на огромную, залитую солнечными лучами площадь и остановились, жмуясь и тяжело дыша. Солнце в Эмомире было розовое, доброе и теплое, как материнская грудь. Эгор почувствовал себя счастливым младенцем, согретым и убаюканным его теплом, расслабился и забыл, зачем он погнался за вредным толстым вуайеристом. Клоун, стоявший метрах в десяти от юноши, так же глупо улыбаясь, щурился на солнце. Яркие синие птички неожиданной радости осуществились и запели над головой Эгора. «Надо же, как мало иногда нужно для счастья. Всего лишь чтобы вышло солнце», — подумал Эгор и моментально осознал всю нелепость своей мысли. Он мертв, помещен в отвратительное тельце в безумном мире, стоит и радостно любуется своим единственным глазом на розовый блин в небесах.

Но слезы жалости к себе не успели навернуться на его плачелюбивое око. Потому что солнце исчезло так же неожиданно, как появилось. На площадь

пала гигантская мрачная тень. В одну секунду Эгор успел разглядеть все вокруг. Площадь была выложена потрескавшимся розовым кирпичом, в центре ее красовалась пятиконечная звезда, в самой серединке которой спиной к Эгору стоял памятник. Тень, закрывшая солнце, сгустилась, и Эгор почувствовал липкий тошнотворный приступ страха, тут же скативший с него пяток холодных змей. Ноги подкосились, колени задрожали. Клоун из красного стал бледно-розовым, а потом и вовсе побелел. Выпучив глаза, молча, дрожащей рукой он показывал вверх, за Эгорову голову, на хозяина исполинской тени. Затем Тик-Так буквально сжался в комочек не большие спичечного коробка и забился в щель площадной кладки. Эгор почувствовал спиной ледяной мертвенный холод, обогатил Эмомир стадом мурашек и дюжиной змей, втянул голову в худые плечи и медленно повернулся.

Через крыши домов, вдруг показавшихся Эгору игрушечными, переползло огромное отвратительное существо. Оно было настолько мерзким, что Эгора вырвало бы, если б имелось чем. Фантомное сердце бешено заколотилось, тело забило противной неудержимой дрожью, мелькнула мысль: «Хорошо, хоть обделаться не получится». Ее сменила другая: «Ну вот и все». Затем голова опустела и завибрировала, как хороший барабан. Нечто медленно, но неотвратимо спускалось с крыш домов, бесшумно и слаженно работая миллионами волосатых щупальцев-ножек. Его можно было бы назвать насекомым, если бы существовали насекомые размером с трехэтажный особняк. Эдакий клещ-трилобит в черном, поросшем влажными дрожащими волосками панцире снизу демонстри-

ровал розовый студнеобразный трясущийся живот, сплошь покрытый перманентно шевелящимися волосатыми щупальцами с многочисленными ротообразными присосками. Но самое страшное располагалось у чудовища спереди и снизу: сплющенная, дебелая, с отвисшими жирными щеками жирная голова размечром с приличный автобус, увитая волосами-змеями, спутанными и кусающими друг друга. Три пары гипнотических красных глаз-блюдец, без век и ресниц, уставились на Эгора, пробирая его страхом до мозга костей. Бездной алела зубастая пасть с выдвинутой далеко вниз нижней челюстью — именно туда устремился взгляд Эгора. Он смотрел в эту жадную пещеру, видел закипающую в ней слону, капающую на площадь, и ощущал всю неотвратимость своего последующего попадания в нее. По бокам от головы чудища, словно плети, безвольно висели белые щупальца-руки, заканчивающиеся длинными ладонями с синюшными покойницкими пальцами. Эгор не мог отвести взгляда от приближающихся глаз-плошек. Ноги его налились стопудовым свинцом.

Наконец существо плюхнулось на площадь животом-холодцом, и его зловонная пасть оказалась метрах в пяти от Эгора. Руки-щупальца ожили, зашевелились и подобно жевательной резинке стали вытягиваться к юноше. Казалось, они тянутся целую вечность. Мучнисто-белые, словно пролежавшие пару лет под водой, отвратительно холодные червепальцы обхватили щуплую пасть, подняли и медленно и неотвратимо понесли к пасти, слюна из которой хлынула ручьем. «И зачем этому гаду слюна, если тут пищеварение отсутствует», — подумал несчастный и обреченно посмотрел вверх, где над громадой

доисторического панциря снова сияло беззаботное солнце. И тут, озаренный его светом, Эгор пришел в себя. Он вдруг осознал, что больше никогда не увидит солнца и уже точно никогда не встретится с Кити, сгинув навсегда в толстом брюхе этой огромной вши. Умереть второй раз за день — это уже слишком. Эгор взревел от столь вопиющей несправедливости, и его рев превратился в огненный шар ярости, который влетел в пасть насекомуса. Пасть удивленно захлопнулась, руки-щупальца подняли эмо-боя к красным фасеточным глазам-светофорам, и в эту же секунду раздался взрыв. Это ярость Эгора взорвалась в брюхе нездачливого монстра. Мягкий живот с ножками с резким неприличным звуком разлетелся мелкими ошметками по всей площади. Хитиновый панцирь лопнул вдоль. А страшную голову, с руками, продолжавшими сжимать Эгора, отбросило к центру площади, прямо к памятнику. Глаза-плошки медленно потухли, волосы-змеи поникли и замерли. Руки-щупальца медленно, почти бережно опустили Эгора на землю. Пальцы разжались, юноша выбрался из них и огляделся. Вокруг валялись куски волосятого белого пузза. Клоуна нигде не наблюдалось. Эгор наконец понял, что с ним только что чуть не произошло, и его символически вытошило пустотой. Как только его перестало выворачивать наизнанку, он побежал к остывшей голове чудовища и стал пинать ее в потухшие глаза, стараясь выместить всю злобу, накопившуюся за эти страшные сутки.

От этого приятного занятия его оторвал гигантский белый заяц необычных пропорций, который перешагнул на площадь через дом и начал методично, словно заведенный, поедать останки взорванного

насекомого. Зайцу от его шутника-создателя досталось огромное массивное тело с тяжелой задницей и маленькая безобразная голова с пуговицами налитых кровью глаз альбиноса и с красной непомерно большой пастью, усыпанной пирамидальными зубами. В спине его торчал огромный металлический ключ.

«Час от часу не легче», — подумал Эгор и начал пятиться за памятник, надеясь, что плотоядный заводной грызун его не заметит. Заяц был настолько нелеп, смешон и страшен одновременно, что Эгор не смог сдержать истерического смеха. Он заткнул кулаком рот и, не отрывая глаз от белого обжоры, обогнулся широкий черный куб постамента. Лишь тогда он расслабился и, хотя и беззвучно, просмеялся. Правда, хохотал Эгор недолго, так как в поле зрения его глаза попал сам памятник. Наверху стоял он сам собственной персоной, точно такой, каким он себя увидел сегодня утром в зеркале Тик-Така, только раз в десять больше и антрацитово-черный, словно отлитый из ночи. В правой, вытянутой вперед руке статуя держала человеческое сердце, ярко-розовое, а под лучами солнца так и вовсе красное.

«Данко хренов», — подумал озадаченный Эгор, но понять, что чувствует, не успел, потому что через памятник бесшумно перескочил хищный заяц. Монстр в мгновение ока развернулся к Эгору, наклонился и схватил его цепкими когтистыми лапами.

«Опять двадцать пять», — только и успел подумать Эгор, оказавшись перед бледно-розовым, забавно втягивающим воздух сердечнообразным заячьим носом. Нос зайца оказался как раз размером с Эгора. Юноша скосил глаза на заячью пасть

и с облегчением увидел, что она закрыта и даже презгливо кривится.

«Похоже, я тебе не нравлюсь», — подумал Эгор и понял, что уже ничего не боится. Победа над гиперклопом отняла у него способность бояться, он словно истратил весь свой страх. «Трем смертям не бывать, а одной не миновать. Тем более что я и так уже мертв». Эгор попытался подергаться. Заяц нервно затряс лапками, сцепил когти, которые, как решетка, закрыли Эгора от мира, а потом крепко прижал юношу к лохматой белой груди. В рот Эмобью набилась густая, белая, синтетическая на вкус шерсть, когти прижимали его все сильней и сильней. «Не хочет зайка меня живьем есть, брезгует трупоед», — подумал Эгор, задыхаясь. Быть задушенным на волосатой груди гигантского игрушечного зайца — более нелепую смерть и вообразить трудно. Эгор вдруг рассмеялся сквозь снова подступившие слезы, и его смех превратился в дикобразов, которые стали злобно и настойчиво колоть зайца своими иглами, запутываясь в шерсти. Поскольку в этот раз Эгор смеялся над собой, то у дикобразов на умильных мордах вместо носов росли острые клювы пересмешников, которыми они долбили заячью грудь. Не выдержав смеховой атаки, зверюга ослабила хватку и, держа Эгора в одной лапе, второй стала стряхивать с груди своих дальних колючих родственников. «Смехом против меха — надо запомнить», — подумал вполне освоившийся с сюрреалистической ситуацией и даже получавший от нее удовольствие Эгор. Он уже знал, что сделает дальше, и когда заяц справился с дикобразами и распахнул зубастую пасть, в нее уже

летел огненный шар ярости из глаза Эмобоя, подсвеченный и подгоняемый ненавистью и презрением. Голова зайца разлетелась бело-красным фейерверком по площади, которая окончательно стала похожа на поле боя. В этот раз Эгору не повезло. Массивная туша зайца рухнула и погребла его под собой. От удара о площадную брускатку он потерял сознание и погрузился в угольную трясину темноты под тоннами белоснежного меха.

Тьма сменилась ярко-красным пятном. Эгор попытался сфокусировать взгляд, пятно отдалилось, и он увидел перед собой смеющуюся физиономию клоуна.

— Пора вставать, герой, нас ждут великие дела!

Эгор поморщился:

— Какое отвратительное дежавю. Я опять умер и очнулся в эмо-сортире. Все поехали по новой? День сурка продолжается?

— О да, ты бодрее всех Боратов, брат. Нет, ты не умер, мертвые не умирают. Ха-ха. Ты просто отключился ненадолго. Все, конечно, могло быть хуже. Ты мог бы исчезнуть отсюда, и куда бы занесла тебя сансара, я не знаю. Стал бы какой-нибудь устрицей или кактусом. Но я тебя спас. Вытащил из-под этой исполинской туши, хоть это было совсем и непросто. Ну а как иначе? Мы ведь друзья-товарищи. Сам погибай, а товарища вырубай!

— Что-то я не почувствовал твоего дружеского плеча, когда меня пытались сожрать эти бешеные твари.

— Извини, я не герой, я — клоун. Каждому свое занятие. Ты с чудовищами воюешь, а я тебя потом веселю. Но надо сказать, это выглядело круто! Эмобой насмерть! Я ни за что не поверил бы, если бы

не увидел своими глазами. Ты хоть знаешь, кого ты победил?

— Гигантского чесоточного зудня и игрушечно-го зайца, разъевшегося трупами?

— Не совсем. Это воплощенные Страх и Злость, одни из самых сильных и опасных бестий во всех мирах.

— Фу, блин! Насмешил так насмешил. Ну, клещ на страх еще как-то тянет, но заяц — злость...

— Первобытный доисторический страх и нелепая злость на весь мир, которая душит тебя и, если ты не спасешься самоиронией, сожрет. Разве с тобой такого никогда не случалось?

— Я умер в восемнадцать, черт побери. Со мной многое еще не случалось. — Эгор сел и огляделся. Рядом высилась туши злобного зайца. Все вокруг было завалено останками Злости и Страха. — Да уж, веселуха. Слушай, клоун, кто ты такой? Психологические ребусы, психоанализ — ты слушаем не реинкарнация Зигмунда Фрейда?

— Да ты еще и начитанный, Эгор. Цены тебе нет. Ой, а вот и твой благодарный народ. Герой, готовься к встрече.

Со всех концов площади к Эгору и клоуну стали проявляться и стекаться странные существа в огромном количестве. Площадь наполнилась радостным гомоном и буйным весельем.

— Он пришел! Он с нами.

— Эмбой здесь!

— Пророчество сбылось! Бэнг-бэнг!

— Слава Эмбою! — неслось отовсюду.

Эгор оторопело вертел головой, рассматривая бегущих к нему персонажей. В очередной раз ему не-

стерпимо захотелось закрыть глаз и проснуться дома или хотя бы в больнице. Но он находился здесь и сейчас, и все эти расфуфыренные головастые куклы-девочки и куклы-мальчики в человеческий рост, одетые как завзятые эмо-киды, все на одно лицо, с обведенными черным глазами и одинаковыми ровными черными челками, бежали к нему. И заштопанные мишки Тедди с перебинтованными лапками тоже. И кот, элегантный, как нью-йоркский эмо-модник, с сумкой-почтальонкой, в кедах, в черных пластмассовых очках с простыми стеклами на хитрой морде, тоже бежал к нему на задних лапах. А поскольку Эгор сидел в центре площади, рядом с памятником ему же самому, убежать от всего этого зоосадо-мазо не имелось ни малейшей возможности. Он вспомнил любимую присказку Марго про то, что, если тебя насилиуют, нужно расслабиться и попытаться получить максимум удовольствия. Эгор встал и поднял руки в приветствии — или просто хотел показать, что сдается. Как бы там ни было, его красивый жест вызвал бурю восторга у этой публики. Первые куклы и плюшевые мишки уже подбежали к нему и топтались в двух шагах от своего кумира, визжа от восторга. Но вот набежала новая волна с криком:

— Слава герою! Ура Эмобою!

Куклы оттолкнули клоуна, подхватили на руки узкое, легкое тело Эгора и стали качать его, подкидывая как можно выше. Эгор взмывал в небо, а вместе с ним взмывали яркие птички радости и крылатые свинки честолюбия. «Быть героем не так уж и плохо. Жаль, что меня не видят друзья, папа с мамой и Кити. Хотя ведь я — это не я, а лишь транскрипция моя. Как все непросто...»

ГЛАВА 6

Трупозеры и эмо-кот

Над площадью стайками кружили яркие бабочки умиления, а птички радости расселись на памятнике Эмобою, испуская победные эмо-трели. Праздник победы над страшными чудищами, затерроризировавшими местный народ, был в самом разгаре. Клоуну и неожиданно пришедшему ему на помощь коту в очках с трудом удалось вернуть Эгора на землю, убедив ликующую толпу, что герою нужно отдохнуть после тяжелой битвы. И теперь Эгор сидел спиной к постаменту памятника и ревел в три ручья. Ему опять не удавалось справиться с бешеной слезной железой, по иронии судьбы оказавшейся сильнее жутких монстров. От гулявшей толпы его отгораживала массивная фигура Тик-Така. Клоун, достав из своего бездонного кармана носовой платок неимоверных размеров, умильно копировал Эгора, стараясь его рассмешить. Хрюкал, пускал фонтанчики слез и громко сморкался. Кот, который стоял между ними, стоически наблюдал эту сцену и то и дело поправлял очки, съезжавшие с плоского прохладно-влажного розового носа. На площади меж тем кипела жизнь не в самых красивых своих проявлениях. Позабыв на время об Эгоре, куклы

и мишки с радостным чавканьем жадно поглощали останки поверженных титанов. Но Эгор ничего этого не видел. Он тер глаз тыльной стороной ладони, злился на клоуна и испытывал стыд перед интеллигентного вида котом. Гибриды злости и стыда разбегались от памятника забавными недодракончиками — оранжевыми крокодильчиками с недоразвитыми пунцовыми крыльишками.

— Воистину возможности ваши безграничны, сир. Животных такого цвета и вида я отродясь здесь не видывал. Хвала Создателю, что наконец-то вы снизошли к нам, сир.

Кот низко поклонился Эгору и элегантно выхванил из своей сумки красивый надушенный розовый кружевной платок и подал его юноше. Затем достал черную записную книжку и черную чернильную ручку, что-то быстро накорябал и продекламировал:

— Там, где упали героя слезы, повырастали из камня розы!

И действительно, из площадной кладки вокруг Эгора пробивались кусты карликовых роз, которые на глазах поднялись, покрылись листьями и бутонами, полопавшимися изумительными цветками. Эгор перестал плакать и спросил у кота:

— Кто вы?

— Я Кот. Эмо-кот, придворный ученый!

Клоун хмыкнул:

— Эмо-гот, притворный моченый? Что-то ты не похож на эмо-гота. Коты бывают уличные и домашние, а придворных не бывает. Ну а насчет ученого, это может быть. На ботана ты похож.

Кот презрительно фыркнул:

— Сир, этот шут с вами?

— Шут с вами. А я адъютант его плакучества, — парировал клоун.

Эгор улыбнулся:

— Да вроде со мной. Это он меня сюда привел.

— Хотел, чтобы парень поработал фонтаном на площади, у него это отлично получается. Но тут, как на грех, невежественные твари пришли выяснить отношения и все испортили.

— Фонтаны «Эмобой» установлены на десяти из пятидесяти площадей Эмотауна, а это площадь Разбитого сердца, — важно сказал Кот. — Именно здесь, согласно Великой книге, должно было пройти боевое крещение спасителя Эмомира — Эгора Эмобоя Бесстрашного. Так все и произошло, хвала Создателю! А вот про толстого красного клоуна в Великой книге нет ни слова.

— Ой, умоляю, кот ученый! Великая книга — самодельный комикс в тетрадке в клеточку, тоже мне, источник знаний. Меня там нет, потому что я из более позднего периода творчества Создателя. Ферштейн, котик?

— Понятно, но это не разрешает тебе, пес, смеяться над Великой книгой и перебивать меня, посланника самой королевы Маргит.

— Ладно, хватит вам. — Эгор встал, посмотрел вокруг и присвистнул. Вид сказочного пиршества производил гнетущее впечатление. — У меня куча вопросов. Я вижу, Кот, ты серьезный малый и сможешь ответить мне на них без кривляний и издевательств. Не то что некоторые...

— Ой-ой-ой... — обиделся клоун.

— Конечно, сир, — поклонился Кот.

— Тогда, может быть, ты отведешь нас в более тихое место, где мы спокойно пообщаемся?

— С удовольствием, сир. Королева попросила меня ответить на все ваши вопросы по дороге во дворец. А вот про клоунов она ничего не говорила. В Эмомире вообще не место толстым клоунам. Возможно, это какой-нибудь шпион, сир. Может, лучше оставим его здесь, вместе с этим эмо-мусором?

Эгор посмотрел в добрые щенячые глазки Тик-Така, которые наполнились слезами обиды.

— Ну уж нет, этот клоун мой друг, и он пойдет с нами. Вперед и с песней!

Ученый кот, который воспринял это как буквальную команду, тут же двинулся вперед, замурлыкав песню «Cure», и не абы какую, а любимую Егором «Lovecats».

«Спасибо, что не „Boys don't cry“», — подумал Эгор, идя вслед за котом. За ним, обиженно сопя, поплелся клоун. Троица тут же столкнулась с невозможностью быстро покинуть площадь. Увидев Эгора, к нему одновременно кинулись десятки эмо-кукол — мальчиков и девочек. Многие из них держали в руках куски плоти монстров, некоторые судорожно дрожевали и глотали, но все кричали наперебой:

- Эмобой, ты наш герой!
- Эмобой, возьми нас с собой!
- В Эмомир пришла любовь!

Все эти истеричные куклы были словно близнецы с конвейера: одинакового роста, около полутора метров, с одинаково непропорционально большими головами и коротенькими ручками и ножками, одинаково одетые и одинаково накрашенные. Отличались они друг от друга только мелкими деталями:

значками, полосатыми гетрами на руках и ногах, надписями на майках, пряжками на ремнях и рисунками на кедах, размерами сумок-почтальонок или рюкзачков. Мальчиков от девочек отличало еще большее количество косметики и нарочитая манерность. «Смешные куклы, — подумал Эгор, — но только что-то слишком много их». Их действительно было пугающе много и становилось все больше и больше. Под ногами у кукол болтались плюшевые медведи, которые тоже пытались прорваться к Эгору.

— Именем королевы приказываю разойтись! — завопил кот и притопнул ногой в черной узкой джинсине и кеде.

— Нет, мерзкий ботаник! Ты не уведешь у нас Эмобоя! Он наш! Мы так ждали его! — наперебой заверещали куклы, продолжая обступать Эгора со всех сторон.

Тут из толпы в сужающийся круг выпрыгнула одна из кукол с розовыми волосами и черно-белой челкой, упала перед Эгороm на колени и в экстазе рванула на груди футболку с надписью «Tokio Hotel». Футболка с треском разорвалась, и Эгор испытал странное неудобство, увидев две симпатичные аккуратные розовые грудки, на одной из которых красовалось выколотое готической чернильной вязью имя «Эгор», а на другой — такое же разбитое пополам сердце, как и на тыльных сторонах его ладоней. Кукла трагически захлопнула глаза с длинноющими ресницами и прокричала:

— Эгор-Эмобой, возьми меня с собой или просто возьми меня, мой герой.

Толпа негодующе заголосила, кот зашипел, клопун с любопытством поглядывал на кукольные пре-

лести, а Эгор, к своему стыду, почувствовал знакомую тяжесть пониже пряжки ремня.

«Этого еще не хватало. Хотя... Хоть что-то осталось от прежнего Трушина. Только, похоже, великовато наследство».

— Фу-у! — ревела толпа. — Паззерка несчастная.

— А сами-то кто? — огрызнулась кукла, устроившая стриптиз. — Возьми мое сердце, герой!

Она резко воткнула свою правую руку под левую грудь и с розовым фонтанчиком выдернула свое идеальное кукольное сердечко и протянула отпрянувшему Эгору.

— Мы — трупозеры, а ты попозерка, тусовщица дешевая.

Кукла в майке с Губкой Бобом и с проколотым гвоздиком носом схватила стоящую на коленях выскочку за челку и оттащила в толпу. Однако, как известно, дурной пример заразителен, и сразу несколько кукол, в первых рядах осаждавших, с экспрессивными стонами оголили свои бесстыжие кукольные бюсты перед Эгором. Правда, сердца свои вырывать не стали.

— А мне здесь начинает нравиться, — причмокнул Тик-Так, любуясь обнаженными кукольными телами.

Однако в толпе разыгрывалась настоящая заваруха. Куклы поприличнее, а особенно куклы-юноши, которым, видимо, нечего было показать, стали хватать за волосы и пинать раздевающихся, которых становилось все больше. Те, в свою очередь, стали отвечать. Мишки Тедди активно принимали участие в драке, кусая за ноги всех подряд. В воздух

полетели клочья маек и челок, значки и гетры, а вскоре и оторванные кукольные ноги и руки. Над площадью гремело нескончаемым громом:

— Паззер! Паззерка! Трупоззерка!

Быстро поняв, что грех не воспользоваться такой суматохой, кот, клоун и Эмобой стали энергично пробиваться вперед. Под их ногами хрустели россыпи значков, а может, и кукольных сердец. Они шли, стараясь не смотреть под ноги, осторожно обходя драчунов. Безобразия на площади сопровождались жестким саундтреком: плач, стоны, визг, рыки, шепот, срывающийся на крик, вопли, переходящие в вой, — вся эта какофония до боли напомнила Эгору концерт группы «Underoath», до дыр засмотренный на DVD его любимой Кити. Словно услышав его мысли, клоун сказал:

— Жестокое рубилово. Реальный эмо-сейшн.

Тем временем драка переросла в настоящее побоище. В руках у кукол заблестели опасные бритвы, полетели розовые брызги.

— Кровь? — поразился Эгор.

— Нет, — не оглядываясь и ускоряя шаг, сказал кот, — эмо-заменитель.

Хотя троица старалась аккуратно лавировать в толпе, Эгору все-таки пару раз перепало, и довольно чувствительно, сумкой по спине и один раз прилетело по колену круглой тяжелой пряжкой ремня с надписью «AC/DC». Клоуну повезло меньше. Какой-то мишкa, весь заплатанный и в кожаных трусах, впился зубами в его коротенькую ножку. Тик-Так, не останавливаясь, а только тихо подывая, протащил его пару шагов, потом двумя ловкими движениями оторвал незадачливому мишке сначала

тело от головы, а потом мордочку от своей ноги и со вздохом раскидал их в разные стороны.

— Надеюсь, им не больно? — спросил кота Эгор, когда они наконец-то выбрались из толпы, которая уже ни на что, кроме выяснения отношений, не обращала внимания.

— Больно. Но так им и надо, позерам, — ответил ученый кот, резко заворачивая на одну из тихих улиц, отходивших от площади.

От толпы дерущихся отделилась стройная фи-турка и быстро догнала героя со свитой.

— Я с вами. Котик, ты не против?

— Я не против. Королева же сказала, что ты всегда можешь вернуться, Мания, — сказал кот.

Эгор с интересом, а клоун — с двойным интересом рассматривали новую спутницу. Она разительно отличалась от тех кукол на площади. На ней были только простые черные кеды и кожаные черные трусы. И все. Стройное тело, тоннели в ушах, в которых звякали пластины, черные волосы, заплетенные в африканские косички... А еще у нее отсутствовали глаза, на их месте зияли черные дырки. Над неразвитым кукольным бюстом во всю грудь чернела тату «Saosin». На спине Мании висел розовый рюкзачок, весь в значках, из кармана которого выглядывал тряпичный пупсик с зашитым ртом. Отсутствие одежды искупалось отсутствием грудей, они только слегка наметились и не вызывали непристойного интереса, как силиконовые дыньки позерок с нежно-розовыми сосками. Но несмотря на это, Мания была воплощением трогательной женственности, от нее так и веяло феромонами любви и кружило голову от подсознательного желания.

— Бедная девочка! — заголосил клоун. — Как же ей досталось! И раздели, и глаза повыдавливали.

Кукла саркастически хмыкнула.

— Ну конечно. Где уж им. Я такая, сколько себя помню. А глаза мне ни к чему, я все вижу получше вас.

— Знакомьтесь, это Мания. Старожил нашего мира. Она не настоящая эмо-кид, на самом деле она барбиенка-отступница. Когда-то служила со мной во дворце, а потом решила пойти просвещать позеров, нести им свет разума. Хотела стать им гранд-мазером, а стала эмо-кидом. Болезнь уж больно заразная.

— Да ладно тебе, кот. Я просто ищу любовь и пока не сдалась. Хочу сходить с вами во дворец. Ты же знаешь, Мания любит компанию.

Эгор сказал:

— А мы пока во дворец не идем, у меня есть дела поважнее.

— Я все равно пойду с вами,— не сдавалась кукла.

— Пускай идет, сир, так нужно. Терпеть не могу кукол, но так написано в Великой книге.

— Я не против,— сказал Эгор и неожиданно для себя сорвался на крик: — Но для начала я хотел бы послушать, что еще написано в этой чертовой книге, куда мы идем и что это вообще за эмо-королевство на мою одноглазую голову!

ГЛАВА 7

Эмокор

Улица до боли напоминала ту, по которой они с клоуном прибежали на площадь. Такая же бесконечная, пыльная и пустая. Может быть, это она же и была. Эгор совсем не ориентировался в этом розово-черном чужом, безумном и навязчивом мире. Да и ориентироваться стало крайне сложно — солнце ушло, на черное небо вышел розовый месяц и высипали розовые звезды. В Эмомире наступили короткие сумерки.

— Что-то быстро день пролетел, — пожаловался Эгор.

— Сир, у нас не бывает дня. Вам придется привыкнуть. И ночи у нас тоже не бывает.

— А что же бывает?

— Черно-розовые закаты, угольные сумерки, немножко розовощекого утра, пепельный вечер и романтический рассвет. В Эмомире время очень чувственное.

— А как же «время — деньги»?

— В Эмомире нет денег, сир. Да и покупать здесь нечего.

— Когда нет денег, то нет любви! — пропел довольный возможностью ввязаться в разговор клоун.

— О-о! Вот этого добра здесь предостаточно, — гордо сказал кот, помахивая черно-розовым хвостом.

— А вот и нет, — встрияла гордая Мания. — Достаточно для кастрированных ученых котов. Найти настоящую любовь в наше время очень трудно, почти как счастье. Она так редко попадает к нам из Реала. Ну, если только какой-нибудь ротозей потерял или от какого-нибудь хама ушла. Ею ведь нужно еще уметь распорядиться.

— Кукольный эмо-кидский бред. Во дворце у нас целые склады любви. Тебе что, мало?

— Это все заменители, интенсивно обработанные суррогаты. Я предпочитаю натуральную любовь из реального мира, пусть даже и адаптированную эмотронами.

— Чем? — удивился новому слову Эгор.

— Что ж, сир, будем считать, что моя лекция о природе Эмомира, по-нашему — Эмокора, спонтанно началась.

— Профессор, итить твою мать, нельзя ли проще и без понтов? — буркнул клоун.

— Без понтов-мостов нам не обойтись. Мне придется перекинуть мостик из грубого реального мира в легкую материю бессознательного эмо. Так вот, Эмомир соседствует с Реалом, соприкасается, находится буквально в нем и остается при этом невидим, но ощутим на метафизическом уровне. Все в Эмомире соткано из эмотронов: и это небо, и дома, и вы. Эмотроны — частицы, из которых состоит живая материя, принимающая любые формы по желанию Создателя. Создатель сделал этот мир таким, какой он есть, и никто не вправе его

изменять. Кроме Королевы и вас, о бесстрашный Эмобой.

— Кот, ведь так тебя зовут? Давай на ты?

— Я не могу, сир!

— Я тебе приказываю! И перестань меня постоянно обсираТЬ: сир, сир. Или ты намекаешь, что я сир и убог?

Тик-Так заржал, а Кот только развел лапами.

— Есть вопросы?

— Куда мы премся? Я устал, — сказал Тик.

Мания, показывая свое отношение к лекции, демонстративно достала плеер и надела наушники.

— Есть миллион вопросов, — сказал Эгор. — Этот плеер тоже из эмотронов?

— И плеер, и музыка, которую слушает сейчас Мания, которая когда-то звалась просто куклой Машей, и ее трусы, и она сама, и ты, Эгор, — все из эмотронов. То, что попадает к нам из Реала, рассыпается на эмотроны и обретает новые формы благодаря Создателю. Все, кроме бабочек, гвардейцев и меня, но это тема для отдельного доклада...

Коту явно с трудом давался переход на амико-шонство с ЭгороM.

— А сколько лет ЭмомиРу?

— Эмомир существовал всегда. Я как ученьиР подозреваю, что он гораздо древнее мира реального. Первобытный страх, который ты поверг на площади, древнее любого из созданий Реала. А вот эмо-королевству пять лет с хвостиком — по меркам реального мира, конечно, поскольку здесь понятие времени отсутствует. Пять лет назад Создатель призвал в этот бесхозный мир великую королеву Маргит, чтобы она навела порядок и правила здесь до прихода Эмобоя.

А что будет дальше, знает только Королева — хранительница Великой книги.

— А что, Книга и правда — комикс? — улыбнулся Эгор.

— Да. Но это великий комикс предсказаний Создателя.

— И что за порядок навела эта Маргит?

— Когда Королева прибыла сюда со своей верной гвардией, Эмомир являлся взору безобразно многоцветным, наивным и неискушенным. Но вместе с добротой, наивностью и прочими невинными и слабыми тварями типа радости, умиления и вдохновения здесь разрослись и стали активно их поедать различные чудовища — грусть, презрение, отвращение, страх и стыд. Королеве удалось разогнать монстров и запереть их в темных подвалах.

— В Эмомире есть диссиденты? — вклинился в разговор Тик-Так.

— Скорее уж маньяки-убийцы, которые, хвала Создателю, сидят теперь за решеткой.

— И чем вы их кормите? Эмо-кидами? — не унимался клоун.

— Зачем эмо-кидами? Астеническими эмоциями, которые попадают к нам из реального мира. Их в нем так много, что проблем нет вовсе. Как известно, отрицательные, астенические эмоции тормозят все процессы в организме, вот чудовища и спят почти все время.

— Ага, особенно сонными оказались эти два добряка, которые чуть не слопали меня на площади, — язвительно сказал Эгор.

— Нет, это совсем не то. Эмомир безграничен. Эти монстры — пришельцы, появившиеся только

вчера, и они реально страшнее всех, виданных доселе. Королевская гвардия с ними не справилась бы.

— Банда ленивых алкоублюдков, — вставила свое слово Мания, которая вытащила из уха один наушник и прислушивалась к разговору.

Кот бросил на нее неодобрительный взгляд.

— Кстати, эти твари сожрали кучу невинных паззеров, — сказала кукла.

— Шиздить эмо — это круто! — пропел Тик-Так и осекся, взлянув на остановившихся Кота и Манию. — Извините, вырвалось. Слава Эмобою, спасителю славных паззеров! — ерничал клоун.

— И правда. Спасибо тебе, Эгор, от всех кукол эмо-кидов, — просто сказала Мания.

Эгор смутился.

Впереди показалось какое-то пустое пространство очередной площади, тускло освещенной розовыми фонарями.

— А зачем вообще спасать этих кукол? — не унимался клоун. — Для них, по-моему, поуничтожаться — одно удовольствие! Вон какую они бойню устроили на площади. Ужас! А эта чертова кукла, которая себе сердце вырвала? Ведь помрет же, дура.

Мания обиделась.

— Сам дурак. Нельзя ругать кого-то за искреннее проявление чувств. Кукла не помрет, куклы от этого не умирают. Они умирают, когда о них забывают. Подлатают ее, и будет она вечно страдать от неразделенной любви к Эмобою с полным на то основанием. Но в этом и есть смысл ее кукольного существования. Ясно?

— Как божий свет. Все позеры — идиоты, что в Эмомире, что в Реале, — констатировал клоун.

— Судя по безобразной драке — да, можно так сказать. Но только заваруха эта — всего лишь спектакль в честь Эгора, — сказала кукла.

— Фига себе, хеппенинг с отрыванием конечноостей, — присвистнул клоун.

— Ну, может, ребята чуть перестарались, зато от души. Весело же получилось?

— Да уж, — сказал Эгор. — У нас эмо-киды не такие веселые.

— Так ведь это Эмомир, здесь все по-другому.

— Если ты закончила, Мания, я продолжу свой рассказ, — вкрадчиво сказал Кот, злобно щурясь из-под очков. — Тем более что я тоже хотел поговорить про кукол эмо-кидов.

— Без проблем. — Мания демонстративно вставила наушник обратно в ухо и затряслась головой в такт песне.

— Итак, куклы эмо-киды, — с интонацией заправского лектора произнес Кот. — Мир стал розово-черным, и в нем, как тараканы, завелись позеры, или трупозеры, — куклы эмо-киды, как вам будет угодно.

— Ближе к телу, — сказал клоун.

Они уже почти подошли к странной площади с фонарями. Стало видно, что она чем-то заставлена, но очертания предметов были размытыми в рассеянном розовом свете.

— Самые бессмысленные и вредные обитатели Эмомира, его позор и крест — позеры, эмо-киды. Не понимаю, почему Королева так благоволит к ним и всячески их культивирует. Эх, моя бы воля... — Кот вздохнул.

— Чем же они так плохи? — спросил Эгор.

— Пустые бесполезные кривляки, возвели в культ собственные чувства, собственно говоря, их у них не так и много: любовь и страдания. И устраивают из них постоянные спектакли. Для наших с Королевой целей вполне хватило бы трудолюбивых барбикенов, а еще эмо-киды считают, что созданы по образу и подобию Создателя.

— Неплохо, — вставил клоун. — А ты небось считаешь, что Создатель — это Кот с большими усами? О, майн Кот!

— Бред, — обиделся Кот. — Я просто не люблю трупозеров и бездельников. Счастья они приносят королевству с гулькин нос. А любви расходуют ненарено.

— Меня в наших эмо-кидах больше всего бесили их показушные суицидальные попытки. Вещь отвратительная и заразная. Пошкрябают запястья, залпиваются кровью и гордо выставляют фотки в Интернет: вот какие мы крутые. Бе-е... Гадость. В Эмомире тоже так? — спросил Эгор.

— Ну у нас ни фоток, ни Интернета нет. Да и красоваться не перед кем. Но конечности свои целлюлоидные эмо-куклы все равно периодически режут. Зачем? Спросите у Мании.

Мания скривила рот.

— Я все слышу, но объяснять ничего не буду. Все равно не поймете. Вы не знаете, что такое быть живой куклой...

— Да все мы знаем, — вмешался клоун. — Вы просто беситесь с жиру, а вернее, от его отсутствия. Вам ужасно скучно — жизнь не оказывает вам достаточного сопротивления, вам не нужно выживать,

бороться с голодом и холодом. Вот вы и придумываете себе искусственную опасность, бросаете вызов толпе. Но здесь, в Эмомире, вы сами толпа и поэтому полностью деградировали. В Реале девяносто процентов эмо — тусовщики, тринадцати-, шестнадцатилетние подростки, девочки, которым нравятся розовые тряпки и плюшевые мишки. Эмокор они не слушают, слишком страшно и громко. То ли дело смазливая музичка от милашек из «Tokio Hotel». А все эти резаные вены — ритуал выпендрежников. Взять бритву, пару раз чиркнуть по руке, заснять это и гордиться собой — гораздо проще, чем быть личностью и что-то создавать, сопротивляясь лжи и пытаться изменить этот мир, пусть хотя бы проявлениями личных чувств.

— Так, отлично! — не вытерпела Мания. — Все, что ты сейчас сказал, не имеет никакого отношения к Эмомиру. Это у вас в Реале происходит вся эта чушь. Это у вас эмо — субкультура, а у нас — это единственная культура. Мы здесь единственные разумные создания, не считая продажных отщепенцев барбикенов, этого говорящего животного, ну и Королевы, естественно. Для нас «паззер» — это звучит гордо! А вены мы режем, чтобы убедиться, что мы живые, чтобы не забыть, что есть другая боль, кроме душевного страдания.

— Звездострадальцы! — буркнул клоун.

— А хоть бы и так, — согласилась Мания. — В нашей жизни нет ничего важнее любви, мы ищем ее, верим, влюбляемся, любим. Теряем ее — страдаем, находим — радуемся.

— А между делом демонстрируете друг другу нелепые эмо-наряды. Жертвы пубертатной моды,

навязанной вам из другого мира. Где ваша внутренняя свобода? — не успокаивался Тик-Так.

— Ты опять сбиваешься на реальный мир, клоун. Это у вас эмо-субкультура — разделение на два лагеря. Один считает, что эмо — это музыка с корнями в washingtonском хардкоре и стиль жизни, наполненный искренними эмоциями. А второму наплевать на музыку, для него эмо — это мода, одежда и эпатаж. Ради моды эти вторые готовы зарабатывать анорексию и резать вены. У нас же все не так, мы — органичные эмо, мы сотканы из эмotronов, и в каждой нашей клетке звучит эмо-кор, мы — эмо-куклы, созданные для любви и страданий, и нам не нужна никакая философия. У нас свои проблемы. Мы не растем и не стареем, не рожаем детей, розово-черный мир вокруг нас не корумпирует, и мы полностью зависим от Реала, откуда мы черпаем и нашу любовь, и другие эмоции, которыми питаемся. В вашем мире любовь — это действие, процесс эфемерный и неуловимый, но счастья, как и страданий, она приносит людям гораздо больше, чем та, материализованная, которой здесь, в Эмомире, пользуемся мы. Вот в чем проблема. Понятно?

— Не очень, — сказал Эгор, который отвлекся от разговора, разглядывая странную площадь, на которую они вышли. Она была квадратная, гигантских размеров и вся уставлена пустыми застеленными кроватями. — Что за бред?

— Это Спальный район, сир. Извини, Эгор, сбился. — Кот смущился и тут же набросился на куклу: — Мания, ты же понимаешь, что невозможно разобраться в той околосице, которую ты нагородила.

Вот, например, про музыку — она звучит у вас внутри, но ты все время в плеере. Зачем?

— Я — элита, могу себе позволить слушать то, что хочу и люблю, помимо того, что звучит внутри.

— И что ты слушаешь? — спросил Эгор, остановившись у одной из кроватей и присев на ее розовое байковое покрывало. Клоун плюхнулся рядом. Кот и кукла сели на кровати напротив.

— «Saosin» — самый рульный эмо-кор.

— Слово какое-то китайское. Очередная подделка. Ты лучше, Маня, про любовь нам подробнее расскажи. — Тик-Так болтал короткими ножками, не достающими до земли. — Во что она в Эмомире материализуется — в игрушки изекс-шопа, в морских порнозвезд, в разорванные в клочья сердечки?

— По-разному, красный эротоман. Бывают такие сладкие щенки с розовым носом и языком, которым облизывают тебя с ног до головы. Чистый, наивный и добродушный щен, который любит тебя бесконечно и бескорыстно с того момента, как увидел. А может быть, и свинья с бесстыдным розовым пятаком...

— Свиньи самые чистоплотные животные в мире.

— Прости, клоун, я образно и вовсе не хотела тебя обидеть.

Тик-Так возмущенно хрюкнул.

— То есть влюбленные пары просто заводят собачку или свинку? — спросил озадаченный Эгор, и между камнями у его ног бойко повылезали уже подзабытые грибы удивления.

— Можно сказать и так. Легко ошибиться и найти не свою любовь. Или неправильно за ней ухаживать.

вать. К тому же все надо делать вдвоем. Ну и самое главное, любовь — единственная из воплощенных эмоций, которая может умереть. Иногда очень неожиданно и без всяких предпосылок. В Эмомире не счастье кладбищ любви, а эмо-кидов, которые чаще всего хоронят свою любовь и большую часть времени проводят на могилах своих любовей, называют трупозерами.

— Круто, — присвистнул клоун. — Только я не понял, вы сексом-то занимаетесь? У вас вообще пиписьки есть? В детстве меня страшно мучил этот вопрос: есть ли у кукол пиписьки?

— Фу-у, — сказал Эгор, — детский сад какой-то.

За кроватью рядом с ним вырос и расцвел стыдливый розовый куст.

— Все у нас есть, — сказала ничуть не смущаясь Мания, — все как у людей, даже лучше. Показать?

— Давай, — обрадовался клоун, захлопав в потные ладони.

— Не надо! — Эгор даже вскочил. — Верю!

— Ну и дурак, — обиделся Тик-Так.

— Все у нас есть, — тихо повторила кукла, — кроме счастья. Простого человеческого счастья — забирают его у нас.

— Ну, не все так грустно, — подключился к разговору давно молчавший Кот. — Это жизнь. Королевство должно пополнять запасы валюты. Богатеет Королевство, богатеете и вы. Счастье слишком эфемерная и редкая субстанция, даже для Эмомира. Здесь нет денег, и единственной ценностью для торговли с другими мирами является счастье. Королевские фрейлины, эмо-фарфаллы, день и ночь

трудятся, собирая пыльцу счастья на свои крыльшки. Хранится счастье в запечатанных сосудах в казне Королевы и ждет тебя, о Эмобой.

— Кстати, Маня, у людей счастье тоже долго не задерживается. Не парься, — успокоил куклу клоун.

— Будь счастлива, — подпел ему Эгор и осекся.

— И вообще, нечего тут нюни разводить. Забирают у них счастье! — противным голосом сказал Кот. — Все равно что деревья страдали бы из-за того, что кислородом, который они выделяют, дышат все кому не лень. Потребляют углекислый газ — выделяют кислород. Вы потребляете любовь — выделяете счастье. Правда, слишком мало и очень редко.

— Вот урод, — сказала Мания, и из ее дырок глаз покатились круглые черные слезы.

— А я вот ничего не потребляю, — испуганно сказал Эгор, с сочувствием глядя на куклу.

— И не потреблял? — строго спросил клоун.

— Ну разве что пару раз, как все. Фу! Ты опять меня запутал. Не потребляю здесь. Ничего не ем, не пью, и спать не хочется. Ты-то, клоун, уже тонну моих эмоций сожрал.

Кот всплеснул лапами в ярких браслетах:

— Эгор, ты идеальное создание. В тебе уже все есть. Ты можешь менять этот мир, а в будущем и мир реальный, подробней обо всем тебе расскажет Королева. А я лишь преданный хвостатый паж ее. А насчет слова «спать» — в Эмомире такого понятия нет. Во сне не спят, понимаешь?

— С трудом. Но если это сон, то есть ли у него конец?

— Конечно есть, и обязательно счастливый.

— Отлично. — Эгор повернулся к кукле. — Мания, ну хватит плакать. А то я не выдержу и при соединюсь. Скажи лучше, чем так хорош этот твой «Saosin», который ты слушаешь и который увеко вчила на своей груди?

Кукла сразу перестала плакать.

— Ты что, не знаешь? Странно. «Saosin» — это не только группа, это еще и мудрое китайское изречение, которое означает примерно следующее: «Держи свое сердце закрытым, потому что ничто не вечно. Не привязывайся к чему-либо, потому что это что-либо уйдет в конце концов и разобьет твоё сердце».

Эгор похлопал себя по пустой груди:

— Это правда. Услышать бы пораньше. Хотя я ни о чём не жалею. Только очень хочу вернуться и увидеть Кити, одним своим глазком. Причем немедленно! Так как мне это сделать, Кот? Где ваши разломы и точки соприкосновения с Реалом? И зачем в мире, где никто не спит, огромная площадь, заставленная кроватями?

ГЛАВА 8

Инструктаж

Первые лучи эмо-солнца осветили площадь Спального района. Закат плавно перетек в рассвет, не выходя из уже привычной розово-черной гаммы. Четыре совершенно непохожих друг на друга существа сидели на двух старых металлических кроватях с розовыми выцветшими покрывалами и огромными черными подушками с орнаментом из розовых чепцов в изголовьях. Испуганный напором одноглазого героя, ученый кот держал перед ним ответ:

— Спальный район — это такая сложная телепортационная система, которая транслирует образы обитателей Эмомира в сны обитателей Реала. Что-то вроде ваших кинотеатров. У эмо-кукол нет иного способа попасть в мир снов, который в принципе не подвластен никому. Я говорю «в принципе», потому что в Великой книге написано, что ты, Эмобой, сломаешь эти стереотипы и покоришь мир снов. Ты сможешь вмешиваться в ход сновидений и менять их так же, как и Эмомир. А пока это чисто развлекательное заведение. Любой из обитателей Эмокора может прийти сюда, лечь головой на сонную подушку, попасть в сон любого человека в Реале и посмотреть его изнутри.

— И даже в сон Памелы Андерсон? — снова влез Тик-Так.

— Какой же у вас дурной вкус, клоун, — едко сказал Кот.

— Цирковой. И все же?

— Конечно, главное, чтобы она в этот момент спала.

Эгор опешил от открывшейся возможности.

— Тик-Так, а ну-ка пересядь.

— Ты что, хочешь прямо сейчас к Памеле?

— Да убери ты свою толстую задницу.

— Уже убрал. — Клоун юркнул на свободную кровать в метре от Эгора. — Только учти, Памела на сегодня занята!

Эгор не ответил, только махнул на него рукой, как на надоедливую муху. Он уже вытянулся в струнку, вжав голову в черный шелк подушки, и закрыл глаз. «Кити, Кити, где же ты? Я иду к тебе!» Кукла и Кот переглянулись, ученый кивнул на свою левую лапу, где красовались сразу три пары модных часов, и с сожалением покачал усатой мордой.

— Черт побери, я ничего не вижу. Что за тупые приколы? — закричал Эгор.

— Оно немудрено, Эгор, ведь в реальном мире сейчас день в разгаре, — развел лапами Кот.

— Зачем так орать! Ты мне весь кайф обломал, — раздалось с кровати клоуна, — а я только-только познакомился со Скарлетт.

— Какой еще Скарлетт? Ты же хотел в сон Андерсон, — удивилась Мания.

— Андерсон — Йохансон, невелика разница. Большие сиськи и классная задница. Зато Скарлетка

моложе, и сиськи настоящие. И вообще, я борюсь со своим дурным вкусом.

— Нет, нет, нет! — Эгор забегал вокруг кровати, чувствуя, как закипает горючий фонтан в глазу. — Я должен немедленно увидеть Кити. К черту королеву, к черту подвиги, к черту весь ваш слюнявый Эмокор! Пока я не увижу Кити, никуда не пойду.

— Но, сир! Извини, Эгор, опять сбился, я просто в шоке. Это невозможно. Мы должны до заката быть во дворце.

— Я знаю точно, невозможное возможно! — пропел красный шут и сел на шпагат.

Мания повернула к нему голову, приложила два пальца к виску и сделала вид, что застрелилась. Эгор схватил Кота за лацканы его модного «ботанического» пиджака и с ненавистью заглянул в его вертикальные зрачки.

— Кот, ты видел, что я сделал с клопом и с зайцем на площади? С тобой это проделать будет гораздо проще. Я всего лишь хочу увидеть любимую девушку и попрощаться с ней. И все. Ты не можешь мне отказать. И ты немедленно отведешь меня к чертовым разломам, или как вы там их называете. Все понятно?

От Эгора разлетались злые вороны.

— Больно. Мяу. Как больно. Я отведу. Но Королева будет очень недовольна. — Шерсть у Кота встала дыбом, он стал жалок и смешон.

— Скажи, что я тебя заставил под угрозой смерти или... как его... дезактивации эмотронов.

— Хорошо, только отпустите меня, сир, тьфу, Эгор.

Все четверо молча покинули площадь и свернули в маленький кривой переулок, который внезапно закончился розовой глухой стеной с маленькой узкой дверью, закрытой на щеколду. Уходя в небо, стена тихонечко подрагивала и гудела, как улей.

— Не нравится мне это место, — сказал клоун.

— Что это, Кот? Это и есть ваш разлом?

— Да, Эгор. Это ближайшая точка соприкосновения миров. Эмоциональный фон здесь зашкаливает. Причем он крайне отрицательный. Место, действительно, не очень хорошее, даже плохое. Это больничный тупичок. До прихода Королевы здесь жили и столовались два неприятнейших монстра: Депрессия и Отчаяние. Но сейчас они в заключении, под надежной охраной вместе с другими чудовищами.

— Очень хорошо, — сказал Эмобой, направляясь к узкой дверце, — всем пока, спасибо за компанию.

Кот неожиданно резким лихим прыжком перескочил через Эгора, встал спиной к дверце и заталился:

— Нет, ты не можешь так уйти. А инструктаж? Ты ничего не знаешь о Реале. Вернее, все, что ты о нем знаешь, теперь для тебя не годится. Это враждебный и чужой для тебя мир, твой мир здесь, ты нужен нам, нужен Королеве, а там тебя никто не ждет. Там ты найдешь только боль и отчаяние.

— Кот, отойди. Мы все уже решили. Зашибу ведь!

— А ведь ботаник прав, ты должен прослушать инструктаж, — сказал клоун. — А еще тебе нужен проводник. Я пойду с тобой.

— Что? Какого черта! Ты уже здесь достал меня своими дебильными шутками! Или ты хочешь

вернуться обратно в балаган к Петросяну? А, беглый клоун?

— Ну, если только Кот вернется к Куклачеву. Очень смешно. Но ты не понимаешь, что говоришь. Ты сейчас существо из тонкой, прозрачной, невидимой в Реале материи, зато все эмоции мира, а в большинстве своем они негативные, ты будешь ощущать на собственной шкуре. Ты даже не представляешь, какой ты сейчас ранимый. И вообще, если хочешь увидеть Кити, возьми меня с собой, без вариантов.

Клоун состроил обиженное лицо и, повернувшись к Эгору спиной, сел на пыльную мостовую. Мания, неодобрительно посмотрев на него, отошла в сторону. Немного растерявшийся от напора по путчиков, Эгор сдался:

— Ладно, ладно, я возьму тебя с собой, Красный. А ты, хвостатый, давай поскорее инструктируй и уходи с дороги, а то я за себя не ручаюсь.

Обрадованный Тик-Так обратился к Коту:

— Господин ученый, я тоже посоветовал бы вам поскорее приступить к инструктажу, поскольку Эмбой сейчас находится в маниакально-экстатическом состоянии и любые уговоры и аргументы только лишь ухудшают ситуацию. Пусть уж лучше сам во всем убедится, один раз все сам увидит. Тем более что сфера его интересов в данный момент находится по ту сторону стены. Эгор до сих пор еще не понял, кто он и где он, и немудрено. Ведь он всего лишь слепок жизненного опыта, эмоций, памяти, мечтаний совсем еще незрелого юнца. Пусть сходит и скорей вернется, сознательно и по собственной воле. А я уж поохраняю его там, чтоб не перегорел. А Королеве в оправдание напомните, что

интерес является фундаментальной эмоцией, движущей человека по реке жизни, тем более Эмобоя.

Закончив, клоун скрестил руки на груди и задрал красный нос к небу, раздувшись от ощущения собственной значимости еще больше, чем обычно. Кот, Эгор и Мания, открыв рты, молча смотрели на него. Первым опомнился Кот:

— А ты не так глуп, клоун, как казалось все это время.

— Пустяки. Я просто старательно маскирую свою глупость за умными словами. Не поддавайтесь, друзья, первое впечатление самое верное.

— Да кто ты такой, в конце концов? — не выдержал Эгор.

— Я краски слой под кожей на груди. Я встреча — расставанье впереди. Твой Санчо Панса. Твой Ламме Гудзак. Жилет, чтоб плакаться, и шуточек рюкзак. Твой раздражитель и служитель культа твоего, о Эмобой.

— Ладно, черт с тобой, не хочешь, не говори. Давай, Кот, свой инструктаж.

Кот принял лекторскую позу и начал вещать менторским тоном:

— Эмо-создания в Реале не могут находиться более тридцати семи минут, через этот отрезок времени эмотроны начинают разрушаться под воздействием жесткого эмо-фона мегаполиса.

— А если я уйду не в город, а на природу, моя природа продержится дольше? — спросил Эгор.

— Попрошу не перебивать меня и воздержаться от сарказма. Границы соприкосновения ноосфер наших миров ограничены мегаполисом, Эгор, — это данность. Есть еще с десяток колоний, но об этом

как-нибудь потом. Вам понадобятся биппер-часы, которые через полчаса начнут активно напоминать о возвращении, — это первое. Теперь второе. Необходимо надеть розовые очки, чтобы не разрушить психику, по той же причине уши нужно заткнуть берушами. Это хоть какие-то средства защиты, помните, что вы сейчас гиперчувствительны. Вас никто не видит и не ощущает, но зато вы все видите и все ощущаете так, как будто с вас сняли кожу, освежевали и электродами подключили сердце и мозг ко всем нервным системам, попадающимся вам на пути. Передвигаться советую не ногами и транспортом, а силой мысли и воображения. Нужно только четко представлять себе то место, куда вы хотите попасть. И никаких контактов с людьми. Прямой контакт может вызвать необратимые последствия в обоих мирах. Тебе, Эгор, все это еще предстоит. Но для этого ты должен набраться сил, опыта, знаний, любви и счастья. Ну, в крайнем случае ненависти.

— А как можно с кем-то контактировать, когда я невидим и неощутим?

— Если ты нарушишь правила и допустишь в себя сильный энергетический эмо-заряд извне, ты можешь материализоваться.

— Я же уже говорил тебе, — обиделся клоун. — Привидения. Они же только этим и занимаются — материализуются, пугают людышек, получают заряд страха, подпитываются им и дематериализуются.

— Да, это так, — согласился Кот, — но это самые несчастные создания. Они существуют между двумя мирами. Изгои среди изгоев, отшельники среди отшельников.

— Да и хрен с ними. Всё? Инструктаж закончен? Я могу, то есть мы можем идти?

— Да.

— И где мне взять все эти прибамбасы: часы, очки, затычки?

— Все это в твоей сумке.

— Да? — Эгор впервые заглянул в сумку-почтальонку, которая висела у него на плече. — Надо же, как раз две пары. А это что? — Он достал из сумки черный круглый прибор, похожий на компас.

— Чуть не забыл. Это эмофон. Если будет время, постараитесь выйти из разлома с положительным фоном. Из роддома или из кукольного театра, например. А мы найдем вас там по бипперам.

— О, да тут еще и плеер есть. Какой-то он страшный. Эй, Мания, как ты обращаешься с этим куском... не знаю чего, тут даже кнопок нет.

— Это не кусок, это сгусток музыки. Просто вставь наушники в уши, и он заработает, подстроится под твое настроение, выберет любимую музыку в твоей памяти и будет играть.

— А если я хочу новую?

— За новой — в Реал или в мир снов, кому как больше нравится.

— Клоун, пойдем-ка в Реал. Я все узнал и ко всему готов. Кот и Мания, на всякий случай — до свидания!

Эгор и клоун оперативно экипировались в смешные рэйверские розовые очки, Тик-Так заткнул уши берушами, а Эмбой надел плеер, и они важно, как космонавты, подошли к обшарпанной розовой двери. Эгор отпер щеколду и вошел первым, за ним — клоун. Как только они открыли дверь, их чуть не

сбил с ног вихреобразный поток, который проскочил мимо них и устремился в Эмомир. Дверь захлопнулась, и, щурясь от яркого света, который слепил, несмотря на очки, Эгор подумал: «Как же мы выйдем обратно, если они закрыли щеколду?» Но мысль сразу же потерялась. Оглядевшись, Эгор понял, что находится в больничном коридоре и прямо сквозь него проезжает каталка с больным, которую толкает симпатичная санитарка в коротком белом халате. «Я дома, — подумал Эгор, когда девушка уверенно прошла сквозь него и тупо улыбающегося клоуна. — Я в больнице, я на верном пути. Наверное, я все-таки в коме, лежу в реанимации, и врачи борются за мою жизнь. А может, я после операции, отхожу от наркоза и постепенно прощаюсь со своими галлюцинациями. Сначала с Эмомиром, Котом и Манией, а теперь надо попрощаться и с клоуном, открыть глаза и проснуться». Увлеченный этой замечательной идеей, Эгор не заметил, как заплакал, и ощутил это лишь тогда, когда перестал что-либо видеть в мокрых запотевших очках. Он помахал клоуну, прощаясь, и снял очки. Тик-Так в ужасе всплеснул руками и посмотрел на него как на идиота. Эгор не проснулся, зато глаз мгновеннорезануло больничным тихим ужасом, чужой физической болью и немощью, несбывшимися надеждами и ожиданием смерти. В ушах голосил «Finch». Эгор стоял в коридоре отделения нейрохирургии рядом с операционной, он даже не заметил, как надел очки обратно. Но поздно, ему стало плохо. Он понял, что теряет сознание. Фантомное сердце ухнуло и провалилось куда-то в желудок, голова опустела, колени подкосились, и свет исчез.

ГЛАВА 9

Реально плохие новости

Эгор открыл глаз и увидел красный блин. «Солнце», — подумал он. Солнце отплыло и опять оказалось довольною мордой его санчопансы. Клоун что-то говорил, но Эгор ничего не слышал, потому что в ушах играло: «I am not O. K.» Эгор снял наушники.

— Что случилось? Как долго я провалялся в отрубе?

— Все в порядке, шеф. Минуту, не больше. Советую все же заткнуть уши берушами, тогда меня ты будешь слышать, а остальной мир — нет. Я буду стараться орать тебе прямо в уши.

Что ж, Эгор так и сделал и огляделся. В чувстве юмора его спутнику отказать было нельзя, он перенес его из больницы в гораздо более веселое место. Эгор сидел на кладбище, привалившись спиной к чьему-то надгробию. Вокруг Эмобоя высились трава, видимо, эту могилу давно никто не навещал. Клоун сидел на лавочке рядом и как-то слишком нежно смотрел на него своими маленькими глазками.

— Что? — спросил Эгор. — Зачем мы здесь? Кто-то умер?

Клоун кивнул.

— Кити? — ужаснулся Эгор.

Клоун помотал головой и показал толстой сарделькой пальца на него.

— А, ну да, — вспомнил юноша. — И что мы здесь делаем?

— Прощаемся с тобой, — прочитал Эгор по толстым, ярко накрашенным красным губам клоуна.

Эмбой почувствовал спиной холод могильного камня, поднялся на ватные ноги и посмотрел в направлении, указанном клоуном. Его глазу открылась печальная картина. Четверо кладбищенских рабочих с помятыми всепонимающе-испуганными интеллигентными лицами аккуратно укладывали в свежевырытую могилу гроб. А рядом с ними, в упор глядя на него, стояла ничего не видящая от горя, рыдающая мама, которую поддерживал за плечи удивительно небритый отец. «Никогда его таким небритым не видел», — подумал Эгор и понял, как он их любит и как им больно. Понял, что с момента, как он очнулся в Эмомире, он гнал от себя мысли о родителях, прятался от них. Но сейчас прятаться было некуда, он прочувствовал эту боль сполна. В горле спазмом встал ком, слезы клокотали внутри, но заплакать он не мог, черная дыра сердца разорвалась на клочки, и каждый из них болел, как целое сердце. Ему было не жалко себя — Егора, хорошего, веселого парня, который больше не выпьет пива с друзьями и не поцелует ни одну девчонку, не покатается на папиной «Ауди-не». Нет! Ему было жаль маму, папу и скрючившуюся за их спинами и не поднимавшую седой головы свою еще нестарую бабушку. Ему было жаль своих школьных и институтских друзей, которых он никогда не видел такими грустными и растерянными, этих

балбесов и раздолбаев, с которыми он тусил каких-то три дня назад. Ему так захотелось подойти к ним, обнять, попытаться утешить, чего-нибудь ляпнуть типа: «Да, вот он я. Немного похудел и загорел, но это я». Сказать им, как он всех их любит. Почему он никогда не говорил им этого? Эгор, раздираемый чувствами, на прямых трясущихся ногах направился к внушительной толпе тех, кто пришел с ним попрощаться. Здесь стояли и его многочисленные родственники — насупленные дядя и зареванные тетки с племянниками, и дворовые друзья, и товарищи-пловцы, и хмурые одноклассники с ревущими одноклассницами и однокурсницами. Пришла даже группа эмо, стоявших чуть позади. Клоун, шедший за Эгорою по пятам, их сразу заприметил и стал тыкать пальцем:

— Гляди, Эгор, твои новые родственнички пришли попозировать. У тебя, вернее, у Егора Трушина теперь культовый статус среди плакс. Погиб в бою, геройски сражаясь с антиэмо.

— Заткнись ты! — процедил сквозь зубы Эгор, пытаясь найти в толпе Кити. — Мне и так больно, очень больно.

— Подумаешь, какой нежный. Похороны хорошие, пышные, вон сколько народу. Я прямо завидую тебе, Эгор. Ты герой двух миров. Да еще и на собственных похоронах побывал. Это ж мечта! Позырить, кто пришел, послушать, кто чего сказал. А кто не пришел, того в блокнотик на заметку, мы его потом во сне навестим...

Эгор не слушал клоуна, он искал Кити, обшаривая взглядом ряды стоявших вокруг людей. Ни среди друзей, ни среди эмо он Кити не обнаружил. Вот

Риту он сразу увидел — в сапогах на высоченных каблуках и в черном плаще с капюшоном. Она возвышалась над толпой, само воплощение скорби. Эгор никогда не подумал бы, что Рита способна на такое. Готка просто рыдала в голос, размазывая слезы с черной тушью по лицу. Ее постоянный сарказм, скучные эмоции... Неужели за этой маской прятался искренне любящий человек? Эгор был потрясен метаморфозой Риты, но еще больше его потрясло отсутствие Кити.

— Где она, где? — Он схватил клоуна за жи-
лет. — Почему она не пришла?

— Да не знаю я!

— А вдруг ее тоже убили? Последнее, что я по-
мню, это как она бежала ко мне, размахивая сум-
кой.

— Нет, она жива. Жива.

Эгор отбросил перепуганного Тик-Така. Да и че-
го он хотел от жалкого клоуна, откуда тому знать,
где Кити. Спросить бы у ревущей Риты, но это не-
возможно. Испугавшись за Кити впервые за вре-
мя, прошедшее после его смерти, Эгор вспомнил о
своих убийцах, и все его существо в один момент
заполнилось лютой ненавистью. Он буквально за-
хлебнулся новым чувством. «Надеюсь, эти козлы
уже сидят, ведь их столько народу засняло на ка-
меры телефонов. Кстати, для них это лучший вари-
ант. Ведь если они попадут в руки к моим друзьям,
их просто разберут на запчасти». Он полюбовался
на своих колоритных друзей и внимательно при-
слушался, вытащив берушу из уха и сморшившись
от боли — ему показалось, что из уха льется кровь.
Его лучший друг детства Макс говорил о чем-то

с институтским приятелем, борцом Кахой. Суро-вый мужской разговор шел как раз об обидчиках Егора, отправивших его тело в бурую кладбищенскую землю. Приземистый, почти квадратный Каха сокрушился:

— Как их не нашли? Как такое может быть? Менты поганые, работать просто не хотят. На каждом дурацком сайте этот махач выложили. Надо парочку этих антиэмо отловить да поговорить по-мужски, сдадут сразу.

Макс тихо, но твердо апеллировал:

— Да нет, брат, тут все непросто. Менты землю роют. Убили среди бела дня, сотни свидетелей, а козлов этих не найти. Антиэмо от них откостились. Мы тут поговорили с одним, он, короче, уже точно врать не мог, говорит, флэшмоб, короче, это был. Собрались они по Интернету, никто никого в лицо и даже и по именам не знал. А насчет съемки — они все в платки и арафатки лица спрятали, так что — голяк. Может, подружка Егора, когда говорить сможет, что-нибудь вспомнит.

Эгор так напрягся, что единственный глаз чуть не выскочил.

— А что, все молчит? — спросил Каха.

— Ага. Врачи говорят — стресс. Ушла в себя, — ответил Макс.

— Жалко девку.

— Ни фига. Это из-за нее, из-за этих эмо-ушлепков гребаных моего друга завалили. Такого позитивного чувака...

Дальше Эгор слушать не стал, в руку вонзились иглы биппера, времени оставалось семь минут. Одновременно с клоуном они материализовались

в квартире Кити. Той самой комнате, где на узкой кровати Егор провел лучшие моменты своей жизни. Сейчас там стало пусто и тихо, как в заброшенной церкви. На всякий случай Эгор пробежался по квартире — никого. В голове бешено стучали кровавые тамтамы, глаз застилала пелена слез, биппер терзал руку — значит, пора возвращаться... Ни с чем. Клоун жалостливо поджал губы и выпучил глаза. Потом показал на стену рядом с кроватью:

— Дом — там, где сердце, правда, Эгор?

На евроремонтной белой стене алело прошитое канцелярскими кнопками истекающее кровью могучее сердце. Чтобы не оставалось никаких сомнений, Кити подписала рисунок черной тушью, готической латиницей сверху вывела «EGOR». На кровати лежало еще одно сердце, поменьше, вырезанное из розовой бумаги, с надписью «Кити». Девочка не успела его отдать. Выглядело все крайне зловеще и безотрадно. Клоун то ли поежился, то ли пожал плечами:

— Пора в больницу.

Эгара озарила изнутри молния просветления.

— Точно! Я знаю, она там. — И в тот же миг он оказался в палате Кити прямо перед ее койкой.

Его любимая девочка лежала мертвенно-спокойная, под капельницей с питательной смесью, и смотрела сквозь Эгора, который просто впился в нее взглядом. Он попытался ее обнять, но Кити только перевернулась на другой бок, лицом к стене. Игла капельницы выскочила из вены, и жидкость закапала на пол, истекали и последние секунды пребывания Эгора в Реале. Биппер уже отрывал руку, но

Эгор не чувствовал его. Он рыдал в голос, бился головой в мягкое плечо не замечавшей его Кити, готовый растаять без следа на этом родном плече. Но верный клоун ловко подхватил его под мышку и в последнюю секунду сумел оказаться с ним в узких дверях Эмомира, которые как раз распахнул нервничавший Кот. Клоун с Эгороm ввалились в Эмомир вместе с холодными змеями отчаяния, медузами страданий и щетинистыми многоножками переживаний...

В эту же секунду к Кити подбежала молодая медсестра, подхватила трубку капельницы, перевернула девушку обратно на спину и вставила ей иглу в вену. Потом всплеснула руками, обращаясь в никуда:

— Ну что с этой дурочкой делать? Не ест, не говорит, ничего не хочет. Пропадет ведь. Бывает же такая любовь!

Тетка с соседней кровати обрадовалась возможности пообщаться:

— Любовь — это замечательно, вот у меня такой не случилось, чтоб прямо страсть. Завидую вашей дурочке.

— Да уж позавидуешь, парня ее убили ни за что, средь бела дня, у нее на глазах.

К разговору подключилась толстая матрона, которая лежала у окна:

— А я вам так скажу, наркоманка или сатанистка. Ни за что не убивают. Вот зачем, например, у нее губы да нос проколоты? Что за дурь?

Медсестра с ненавистью посмотрела на злую тетку, погладила Кити по голове и выбежала из палаты.

ГЛАВА 10

Королева Маргит

Королева задумчиво смотрела в высокое витражное окно своего готического замка. Хотя стиль, в котором когда-то соорудили это мрачное помпезное здание, скорее относился к нео- или псевдоготике. Всего в нем было слишком: слишком черные стены, слишком большие нагромождения слишком высоких башен, слишком много химер и других представителей бестиария земного мира украсило фронтоны, слишком много розовых черепов и разбитых сердец из стекла впаяно в витражи тусклых окон. Королева начинала нервничать, и ей это не нравилось. Ей не терпелось увидеть того, кто должен вскоре разрушить ее одиночество, того, кто сможет воплотить ее материнские чаяния и разделить тяжесть короны Эмомира. Нервничать ей не к лицу, и она с трудом сдерживала каменные мимические мышцы, чтобы не нахмуриться. Ее огромные глаза прятали огонек интереса за привычным безразличием. Скоро, очень скоро ее мечты сбудутся, но никакие проявления чувств не должны смутить привыкших к ее статуарности, порхающих по дворцу фрейлин. Имидж превыше всего!

— Где же застрял этот старый кастрат? Его только за смертью посыпать. На кошачье кладбище, — процедила Королева, и фрейлины дружно захлопали крыльышками, рассыпая по дворцу убористую пыльцу черного смеха.

Смеялись во дворце крайне редко, юмор здесь был не в чести, разве что его черная разновидность. Отсмеявшись, фрейлины дружно закружились в порывистом танце вокруг внушительного колеса люстры, утыканного множеством свечей. Фрейлины, как и Королева, выглядели ночными бабочками с жирными лохматыми тельцами и короткими блеклыми крыльишками. Только Королева вымахала в десятки раз больше любой из них. Метра два в высоту, с двухметровым размахом черных крыльев, она напоминала бы квадрат Малевича, если бы не обрамленное прямыми черными волосами мертвенно-бледное красивое женское лицо с пухлыми губами и хищным носом, обезображенное фасеточными круглыми глазами насекомого. Три пары блестящих хитиновых лапок Королевы, в отличие от неподвижного лица, находились в постоянном движении. Сейчас, например, они нетерпеливо терлись друг о друга. Спину Королевы украшала большая розовая черепушка. Причем это была не татуировка — Королева происходила из великого рода Мертвоголовых.

Когда пять лет назад Хозяин послал ее блюсти порядок в этом мире, здесь росло много цветов, что идеально для бабочек. Здесь не знали слов «смерть» и «страдание», зато бродили стада пубертатного стыда, детских страхов и беспрчинного смеха. Слишком много радости и веселья, глупости

и позитива. Королева навела порядок при помощи гвардии, которая за время, проведенное в Эмомире, превратилась в жалких пропойц, пьющих собственные воспоминания о бурной молодости. Или, как они говорили, французское вино «Ностальжи». А может, их мучила совесть? Ведь по приказу Королевы они посадили под замок не только чудовищ, но и таких прекрасных на их взгляд существ, как Веселье, Радость и Вдохновение. И теперь выпускали их погулять только в самое темное время, и то на цепи, чтобы другие обитатели Эмокора их не увидели. Все давно уже забыли, что этот мир переливался всеми известными красками до того, как на него взглянула Королева. Ее фасеточные глаза различали всего два цвета — черный и розовый, странную гамму, и мир вокруг стал таким для всех. Это потом уже ученый Кот подвел под эти цвета замечательную теорию о том, что розовый символизирует бессмертную любовь, а черный — все то зло, ложь, насилие и прочие неприятности, с которыми любви приходится столкнуться на своем пути. А теперь национальные цвета эмо-королевства завоевывали реальный мир, смешивая розовый цвет юношеских грэз с черной жестью взрослой жизни.

Королева Маргит хотела бы, чтобы Эмомир стал совсем черным, как ее родной мир, но, к ее сожалению, осуществить это было не в ее силах. Как, впрочем, и покинуть это неприятное место. Хозяин держал ее здесь для своих целей, у нее была миссия, и ее приходилось выполнять. При помощи фрейлин она собирала легкую субстанцию счастья в двух мирах и ждала прихода Эмобоя. Все, что должно произойти в Эмомире, его Создатель изложил в своей

Великой книге, с которой Королева никогда не расставалась. Пять земных лет в окружении немых фрейлин, доставучего кота и отвратительных ей эмо-кукол тянулись для нее вечностью. Она родилась женщиной и хотела любви, но полюбить могла только его — Эмобоя из Реала. Так придумал Хозянин, так написано в Книге, и с этим ничего нельзя было сделать. Пять долгих и томительных лет не прошли даром. Маргит наполнила запасники дворца счастьем и любовью. В основном эти богатства попадали в Эмомир через разломы из Реала. Но какую-то часть поставляли и аборигены Эмомира: эмо-киды и барбикены. Эмо-киды в обмен на свое кукольное счастье раз в неделю получали от Королевы ворох разнообразного эмо-стаффа — тряпок, значков и прочего черно-розового барахла. Счастья от них приходило как от козла молока, и Маргит давно бы распрошлась с психически неустойчивыми куклами, если бы вместе со счастьем они не приносили во дворец столько своих страданий, которые стали любимой пищей для чудовищ, удерживаемых Королевой в темнице и ждущих своего звездного часа.

Так обстояли дела с эмо-кидами. Другое дело — барбикены, которые жили колонией в центре Эмотауна, где находилось большинство точек слияния с реальным миром. Куклы-барбикены строили свою жизнь по глянцевым журналам. Жили они самолюбованием и дешевыми удовольствиями. Последнее Королева в избытке давала взамен на ненужную и презираемую барбикенами любовь.

Вот так замечательно обстояли дела в ее королевстве. И Маргит долгой службой Хозянину заслужила

своего Эмобоя, который прибыл в Эмокор ровно три земных дня назад, но почему-то до сих пор еще не оказался в ее объятиях. Конечно, Маргит могла пару раз взмахнуть крыльями и сама прилететь к нему, окрыленная любовью, но как же имидж, как же этикет — ведь она Королева! Ничего, она терпела очень долго, потерпит еще день. Но Кот точно получит хорошую трепку. Высокая дверь, испещренная горельефными сценками битвы гвардии с эмо-чудищами, протяжно заскрипела и слегка приоткрылась, достаточно для того, чтобы в щель протиснулся легкий на помине эмо-кот. Сердце Королевы сладко замерло в предвкушении встречи с Эгором, но поджавший хвост Кот вошел совершенно один. Шерсть на вкатой в костлявые плечики кошачьей голове стояла дыбом, стекла в модной черной пластмассовой оправе разбиты, ученого колотило мелкой противной дрожью.

— Ну что застыл в дверях, мой котик? Лапки сводит? — вкрадчиво спросила Маргит, но от ее голоса все равно веяло холодом. Она сцепила все шесть своих блестящих рукоюжек.

— Я не виноват, не виноват. Это все клоун, жирный урод. Про клоуна мне никто не говорил. Он влияет на Эгора, он мешает, я не могу с ними справиться! Мания, ну хоть ты скажи, что это так.

Кот говорил быстро и не глядя на Королеву. В незакрывшуюся дверную щель легко протиснулась субтильная Мания и встала рядом с Котом, нагло расставив длинные ноги и уставившись пустыми глазницами на Королеву. В ушах куклы демонстративно торчали наушники плеера.

— Здрасте, — выдавила она сквозь зубы.

— Отлично, вся элита эмо-шушеры в сборе. Самое время разобрать вас на эмотроны, бесполезные создания. Где мой Эмобой? — скрежетал металлом голос Королевы.

— В Спальном районе, ваше величество. Я сделал все, что мог, но чертов клоун! Откуда он вообще здесь взялся, этот сгусток плоских шуток и тупых острот? Его даже в Книге нет, этого красного пса.

— Так! — Королева медленно поднялась в воздух и зависла над Котом и куклой. — Так, значит, наш герой явился не один, а с провожатым? Создатель, как всегда, подкинул нам загадок. Ну, с этим я, пожалуй, разберусь сама. Здесь дело, кажется, не вашего ума. И что же мой герой Эгор в районе Спальном делает сейчас? И почему герой предпочитает дешевую плебейскую забаву прекрасной и влюбленной Королеве? В чьих снах гуляет он вместе моих объятий?

Кот совсем сник, встал на четыре конечности, как его неученые сородичи, поджал хвост и втянул голову. Мания неодобрительно покачала головой.

— Что ж ты молчишь, животное? — продолжала скрежетать Королева. — В чьих снах купается мой суженый Эгор? Девицы своей жалкой из Реала?

— Кха-ха-ха, — прокашлялась Мания. — О Великая Черно-Розовая Мать! Все не так просто. Эгор хочет отомстить своим обидчикам, тем, кто отнял у него жизнь, а клоун посоветовал найти их через сны.

— Он заставил меня. — Кот снова вскочил на лапах в кедах и истерично затараторил: — Он просто

хотел попрощаться, и я отправил их в Реал. Эгор вернулся из Реала такой страшный, он стал втрое больше от распиравшей его ненависти, его красный глаз прожигал дырки в стенах домов — я ничего страшнее не видел. Он просто наплевал на меня, ваше величество. — Эмо-кот расплакался.

— Ну хватит, тварь, довольно хныкать, скопее дальше излагай. В Реал его он запустил, котеныш. Кругом предатели! Все надо делать мне самой!

— А дальше вот что, — выручила Кота кукла. — Эгор рвался обратно в Реал, но клоун объяснил ему, что, не зная места лежки его убийц, он их никогда не найдет. Зато он может попасть в их сны, если помнит, как они выглядят. Эгор обрадовался, и они побежали в Спальный район. А мы — к вам, о Королева! Просить подмоги. Видимо, придется гвардию подключать, чтобы конвоировать его сюда.

— Ну, это не твое куклячье дело, девочка. — Королева потеряла интерес к визитерам и, летая по залу, продолжала говорить сама с собой: — Итак, что мы имеем? Эгор явился в наш мир и победил антропоморфных Насекомуса и Зайчега-обжору, не ведая, что борется со страхом и беспринципной злобой, — все по Книге. Он пришел к нам не один, а со своим нелепым спутником. Что ж, у героя должен быть оруженосец. А если клоун будет мне мешать, я разберусь с ним. Эгор так хочет отомстить за свою смерть и покарать убийц, войдя в их сны? Прекрасно. Поглядим, на что же он способен. Чем больше душ загубит Эмобой, тем больше станет моя власть над ним. И это хорошо! А вы, несча-

стные отродья, сию секунду отправляетесь к нему. Дождитесь возвращения из снов и приведете во дворец.

Королева одним легким движением крыла отправила Кота с куклой восвояси — их просто сдуло в неприкрытую дверь. А Маргит двумя плавными взмахами переместилась к темному окну и продолжила свое томительное бдение.

ГЛАВА 11

Потрясения мозга

Диме Лазареву не спалось. Он ворочался с боку на бок, пытался глубоко дышать и ни о чем не думать, но все напрасно — сон не шел. Полчаса назад он неимоверным усилием воли заставил себя выйти из Интернета, где просидел десять часов подряд. И теперь перед его закрытыми глазами продолжали сменять друг друга картинки с просмотренных сайтов, мелькали заголовки: «Жесть», «Страшная драка», «Живой факел». Мысли хаотично носились в большом Димином мозгу, и их никак не удавалось приструнить. «Проклятый интеллект, — досадовал Дима, — ни днем ни ночью от него покоя». Дмитрий считал себя интеллектуалом и свой пытливый ум, как и небольшой рост, относил к своим недостаткам. Основными же своими достоинствами он не без основания считал кипучую позитивную энергию и сатанинское чувство юмора. Эта гремучая смесь несла Диму по жизни, как волна — серфингиста.

Вот уже три дня он не выходил из дома. В редакции журнала «Охота и рыбалка», где он работал, все думали, что он сильно простудился, купаясь на выходных в Красном озере. Но это было вранье. На самом деле Дмитрий просто умирал от страха. Он

клял себя на чем свет стоит за то, что вписался в эту поганую историю, которая закончилась убийством. Но виноваты во всем эти проклятые эмо. Ну а в том, что он боялся и не мог уснуть, виноват интеллект. «Вот не имелось бы его у меня, как у большинства быдлогопов, что пасутся в антиэмо-сообществах, которые я модерирую, и спал бы я сейчас спокойно. Гопники, они же каждый день этих эмо фигачат, и ничего. Да не я же, в конце концов, этого парня убил. И чего он вообще, дурак, полез, испортил такую позитивную сходку?» Дима, будучи апологетом движения антиэмо, сам на акцию вышел в первый раз, черт дернулся. А с другой стороны, раз он сам организовал этот флэшмоб, как и все предыдущие, чего бы и не поучаствовать? Да и эмо эти ну просто задолбали, житья от этих рефлексирующих нытиков-педиков не стало позитивно-активному человеку-зажигалке Диме Лазареву. А ведь как он только с ними ни боролся последние два года! Тут, конечно, надо копнуть глубже и вспомнить детство. Никаких эмо тогда, слава богу, не существовало. Но разных уродов хватало. Аутистов всяких, тупых толстяков и понтующихся отличниц. На шутки над ними обычно и уходил весь позитивный креатив юного Лазарева. Что он только не проделывал с одноклассниками: и одежду сдергивал с девиц, убегая с диким смехом, и смешные кликухи придумывал, и на спины всякие злые приколы приклеивал. Иногда его били. Особенно сильно его побили после первого курса в строй-отряде, когда он смешно прикололся над панком из своей группы, помочившись ночью в его «Доктор Мартинс». Друзей у Димы ни в школе, ни в институте не завелось, да и зачем ему это быдло? Зато он

нашел массу соратников в Интернете, постоянно зависая на «Удаффкоме», и к концу школы «албанский» язык знал лучше, чем родной русский. Но настоящим подарком судьбы для Димы стали эмо. Вот уж когда смогла полностью развернуться вся его недюжинная позитивная креативность. Эти жалкие фрики взбесили его с первого взгляда: жалкие педики, виктимные нытики, гламурные позеры, слашавые недосамоубийцы — они хотели страданий, и Дима Лазарев всегда готов был им в этом помочь. Он создал первое антиэмо-сообщество в Сети, к нему моментально стали прибиваться товарищи по борьбе с эмо. Музыку эмо Дима не слушал, как, впрочем, и любую другую музыку, считая ее ненужным хламом, засоряющим мозг. Но вот фото их групп его просто бесили. Какие отвратительные твари! Меж тем его сообщество росло как на дрожжах. А после появления «Токио Хотеля» и его фанатов и вовсе разрослось, как будто эти дрожжи бросили в сортир. Пришлось даже разделить паству на сообщества особо радикальных, требующих немедленного уничтожения эмо-погани, и более спокойных, удовлетворявшихся руганью и различными веселыми картинками. Особенно умиляли Диму детские художества с кровавой расчлененкой эмо-боев, которую выкладывали школьники.

И все бы шло замечательно, когда бы не проклятый умище. Чертов интеллект мешал ему радоваться жизни и вставлял палки в колеса позитива. Только Дима возликует очередному прибавлению прихода, а мозг ему: «Посмотри, сколько стало эмо. Чем больше вы их гнобите, тем им лучше. Им же только того и надо, чтоб их заметили и пнули. Только тогда

все их постулаты типа „Меня никто не любит“, „Весь мир против меня“ и станут явью. Вы становитесь с позерами на одну доску — носите значки и нашивки с упоминанием их дурацкого названия. Орете на улицах: „Эмо — сакс“ в спину маленьким девочкам, стремясь хоть на секунду отвлечь на себя внимание толпы. В общем, льете, как можете, воду на их мельницу».

Бот такой вредный мозг жил в голове у Димы Лазарева. Так ведь ненароком можно и начать считать себя ответственным за рост числа эмо. А тут и до дурки недалеко. И так на работе его странным считают, мол, с ним лучше не говорить, все одной эмо-темой закончится. Да он бы и рад про этих эмо забыть, да вот только как, если они его бесят? Вот, например, зачем они падонкаффских священных животных — «медведов» — узурпировали? Или вот: эмо до сих пор живы, потому что не умеют резать вены, надо вдоль, а они — поперек. Дмитрий им целую креативную инструкцию в Сети выложил, как правильно шпилиться, даже на себе проверил. А мозг проклятый опять нудит, что не хотят эти эмо умирать, а просто эпатируют друг друга, и главное — себя, видом крови, дети глупые. Ах дети глупые? Так надо их ремнем пороть почаше, решил Дима и собрал первый антиэмо-флэшмоб. Ой, давно это было. Ворочался-ворочался Дима Лазарев, а сон все не идет. Тогда начал он играть с мозгом в свою любимую игру «За что я их так ненавижу». Говорит Дима мозгу:

— Они пидорки, ни мальчики, ни девочки.
Эмо — это оно.

А мозг ему в ответ:

— Ну, девчонки эмо тебе, допустим, нравятся. А про гомоэмо ты тоже все знаешь. Это же самый легкий способ настроить против себя толпу. На восемьдесят процентов — чистая игра, и от общего числа их всего ничего. А выглядят они ничуть не эпатажней, чем звезды глэм-рока восьмидесятых. На тех косметики даже еще больше лежало. Возьми хоть старину Фредди. А панки эти из твоего антисообщества, поди, даже не ведают, что все их кожаные штаны да булавки, весь их панк-стиль родом из лондонского магазинчика под названием «Sex» для модников и извращенцев. А протопанки «New York Dolls» на концерты одевались как трансвеститы, а накрашивались так, что Билли Каулицу и не снилось. А Сид Вишес, чтобы всех бесить, носил футболку с ковбоями-педерастами. А знают ли эти панки, сколько в мире существует гей-панк-банд? А знают ли они, что одно из сленговых значений слова «punk» изначально было — пассивный гомосексуалист...

— Все, мозг, довольно себя разрушать. Хватит про панков, я понимаю, что у тебя на них личный зуб, давай про других.

— Ну, кто там у тебя еще пасется? Скины всякие, бонхеды, любители «зиг хайля». Я бы им напомнил про старого «доброго» педика Рема, дружка Адольфа и предводителя его штурмовых отрядов.

— Да уж, конечно. А я б не стал им ничего напоминать. Хорошо, что я тебя отключаю, когда в Сеть вхожу.

— Спасибо, друг. Хоть тогда отдохнуть от тебя можно да от эмо твоих. Да, кстати, про основной твой контингент забыли, тех, которые «я сам по себе».

— В смысле быдло?

— Ну зачем так грубо? Нормальные пацаны. У них кто авторитет? Тот, кто в тюрьме сидел. А в тюрьме какой секс? То-то и оно. Причем я не про «петухов» говорю, а про тех, кто их пользует, про «реальных мужиков». Таким быть не зазорно, а наоборот — уважуха.

— Ну, это, мозг, ты загнул. Откуда ты знаешь? Ты что, сидел?

— Я, Дима, в твоей черепной коробке уже двадцать два года чалюсь, и ты меня своими задвигами на эмо последнее время совсем зае...

— Так, довольно этой скользкой гомотемы. Вернемся назад. Я ненавижу эмо еще за то, что они режут напоказ свои ручонки.

— Ну тут опять без панков не обойтись. Кто первый стал резать вены на сцене? Милашка Игги Поп. И ничего, старый хрен до сих пор скачет самым крутым панк-коzлом. Сиду Вишесу повезло меньше, он так вошел в образ, что стал резать вены не только на сцене, но и в ванной, что его и погубило.

— Ну вот, за это эмо и не любят, что они у всех всего понахватали, ничего своего, позорные.

— Слушай, Митя! А может, ну их нах, этих эмов? Через пару лет о них никто и не вспомнит, а ты на них столько здоровья потратишь? Лучше б девушку завел постоянную, а то вроде и балагур ты, и весельчак, а девушки после ночи с тобой больше не показываются.

— Это не твое дело, мозг.

— Эт точно, тут тебе с другим органом пообщаться нужно. Хотя скажу тебе по секрету, я им непосредственно заведую.

— Молодец, смешно пошутил. Позитифчик. Антиэмо, сто пудов.

— Ну вот, опять. Дима, я серьезно беспокоюсь за свое здоровье. Мне из-за тебя в последнее время везде эмо мерещатся. И на работе, и во сне, и в зеркале. Ну, к эмо-Гитлеру я уже привык. А тут смотрю «Человека-Паука» и понимаю: все, писец. Он скрытый эмо — и одежда, и причесочка с челкой.

— Ы-ы-ы, мозг, какой же ты у меня креативный.

— Это так. Ой, Дим, а это что за уроды? Откуда клоуны?

— Так, мозг. Похоже, мы заснули. Пойду посмотрю.

Дмитрий уверенной походкой направился к своим гостям. Стояла чудесная летняя погода. Светло, тепло и безмятежно стало у Димы на душе. Все его дневные страхи улетучились, злосчастное убийство забылось, и он с интересом разглядывал колоритную парочку, сидевшую на кровати с черной подушкой и розовым покрывалом. Кровать стояла на ярко-зеленой лужайке, и Дима, идя к ней, с удовольствием топтал сочную траву, вминая ее в податливую землю босыми ногами. «Блин, я ведь в одних трусах, причем с надписью „Эмо — сакс“», — подумал он. — Да плевать, это же сон». И тут на голове у Димы нарисовался черный классический цилиндр. «Вид, конечно, идиотский, но не более, чем у этих двух придурков», — утешил его мозг. «Это точно, мерзее парочки я не видел. Еще сидят, взявшись за руки, и ногами болтают, как дети. Может, зашвырнуть их вместе с кроватью куда подальше?» — подумал Дима и обратился к фрикам:

— Вы кто?

Ответа он не дождался. Непонятно откуда раздалась музыка из любимого Диминого мультика «Нарру Tree Friends». Толстяк клоун с сардонической улыбкой в тридцать три лошадиных зуба, сам весь в красном, с красной рожей и в красном парике, поднял руку, и от его толстого пальца в воздухе прочертилась жирная красная пунктирная линия прямо до лица онемевшего Дмитрия. Пунктир осыпался. Клоун спросил сидевшего рядом с ним карикатурного эмо со страшно горящим прищуренным глазом:

— Это он? Ты уверен?

Тот отрицательно помотал головой. Черная челка на секунду сдвинулась, обнажив обуглившийся череп с пустой глазницей.

— Я видел его лицо долю секунды, когда после моего удара он упал и бандана съехала, потом он схватился за живот, а я уже рубился с другим.

— Вы кто? — уже с меньшим энтузиазмом настаивал Дмитрий, которому почему-то очень захотелось проснуться.

— Ну, судя по надписи на трусах, это наш клиент, по любому, — продолжал клоун. — Надо бы заглянуть ему в башку, покопаться слегка.

— Идите в жопу, а я иду домой. В Бобруйск, животные! Вы просто плод чьего-то воображения, — забеспокоился Дима, — может быть, даже и моего. Жалкие картинки. У меня столько креатива в последнее время, всего не упомнишь. Вот тебя, карикатура, я точно сто раз видел. А клоун, похоже, с какого-то тату-сайта прибрался.

— Сообразительный, чубрик. Люблю таких. У них большой жирный вкусный мозг, — сказал клоун елейным басом.

Тема из «Happy Tree Friends» с новой силой заиграла у Димы в ушах. Пытаясь избавиться от нее и инстинктивно защищая голову, он пониже надвинул цилиндр.

— Сколько тебе лет? — спросил тощий.

— Двадцать два.

— А мне еще восемнадцать не исполнилось. Помнишь меня? Ты со своими дружками убил меня три дня назад. Хорошо повеселились?

Дима запаниковал. Напрасно он пытался обратиться за помощью к мозгу, того явно свело судорогой страха. Дима тщетно попытался проснуться, попробовал убежать от страшной парочки, но ноги словно вросли в землю и пустили там прочные корни. «Все, надо завязывать с Интернетом, не больше шести часов в день. Такой боян снится». Карикатурный эмо тем временем вскочил с кровати и в одно мгновение оказался прямо перед Димой. Его налитый кровью глаз заглядывал в Димину позитивную душу, словно пытаясь узреть в ней истину.

— Узнал меня?

— Нет, я вообще не понимаю, что за предъявы. Ты в моем сне. Так что забейся в угол, поплачь и умри. Эмо так себя не ведут.

— Много ты знаешь про эмо!

— Я про эмо знаю все. Я вашу мерзкую братию уже два года пиарю! А вы в благодарность мне каждую ночь в кошмарах приходите, правильно вас все гноят.

— Так это ты третьего дня флэшмоб после концерта затеял? — поднимаясь с кровати, прокурорским голосом пробасил клоун.

— Нет, — на всякий случай соврал Лазарев, но тут поляна превратилась в комнату, вместо стен в которой стояли включенные мониторы, на них через один загорелись разные картинки. На четных засветился текст интернет-призыва на флэшмоб, а на нечетных побежали ролики побоища, выложенные в Сети. Опять заиграла проклятая музыка.

— Ах ты гаденыш! — услышал Дмитрий эмо-крик и получил в лоб эмо-крюк. Он запрыгал от боли и страха и проснулся в мокрой постели.

«Бля! Вот дерымо! Вернее, моча. Какое счастье, что я все-таки проснулся!» Дима вскочил с кровати и побежал в ванную, переодевать трусы. На этот раз он надел черные с надписью «Эмо», где первая буква исправлена на букву «Ч». «Может, сразу желтые?» — продемонстрировал мозг свою полную реабилитацию. Последний раз Дима писался в постель во втором классе, когда посмотрел «Дракулу Брэма Стокера» и ему приснился кровожадный вампир. Но клопы и этот эмо напугали его гораздо больше.

«Я ведь никого не убивал, что же я так ссу? Нужно взять неделю за свой счет и уехать к родителям в Казань. Там никаких эмо. Хотя фиг знает. Они уже везде. Даже во сне. Лучше на рыбалку на Селигер или в Астрахань. Помедитировать на природе».

Дима зашел на кухню и налил себе колы. Зубы клацали о стакан. Он дрожащей рукой растворил в чашке большую шипучую таблетку снотворного, не сознавая, какую ошибку он совершает. Добравшись до постели, он понял, что его знобит. «Черт с ним, — подумал Дмитрий, — главное — забыться глубоким темным сном. А утром займусь здоровьем. Может, даже заброшу антиэмо, пусть кто-нибудь

другой сообществом рулит. А что, энтузиастов до хрена. А я на покой, буду свои хохмы на „anekdot.ru“ выкладывать. А эмо-киды сдохнут сами, эмо-кеды, эмо-педы... О! Круто! Надо запомнить эту эволюционную цепочку. Что, мозг, неплохой креатиффчег?» Мозг молчал. Зато ужасно болел лоб. Дима пощупал его и обнаружил странную рельефную шишку.

— Не понял. Комар, что ли, укусил.

Дима тяжело вздохнул и опять поплелся в ванную. Включил свет и уставился в зеркало:

— Что за шутки?

На лбу красовалась налитая кровью шишка в виде черепа с перекрещенными костями, а за спиной Димы стоял высокий бледный эмо из сна.

— Ахтунг! — просигналил мозг и скрылся в снотворном тумане.

— Эгор, ты видишь? Наш друг сменил трусы, — раздался снизу голос толстого клоуна, его аморфное тело заполняло Димину ванну. — Эти мне нравятся больше. Смотри, у них на заднице «кирпич».

— Ты забыл это, — сказал мрачный эмо и напялил на Диму черный цилиндр. — Ну что, Тик? Убивать мы его не будем. Он и вправду меня пальцем не тронул, а вот мозги ему промыть было бы не плохо. Ты вроде рвался с ними повозиться.

Дима молча смотрел в зеркало. Он не шевелился и всеми силами пытался проснуться. Но чертова таблетка оказалась на редкость действенной, только сердце билось все сильнее о прутья грудной клетки и тек из-под цилиндра холодный противный пот.

— Ну ладно. Давай его сюда. Только не урони. Потом ползай, собирай, — проворчал клоун и включил душ.

Эмо взял цилиндр двумя руками, провернул его на Диминой голове, как крышку на банке с огурцами, против часовой стрелки и снял вместе с верхней частью Диминой головы. Потом ловко, как за-правский повар, выложил клоуну на грудь содержимое цилиндра.

— Четкаш, — похвалил его Тик-Так, — начинаем промывать. О, сколько здесь всякого хлама. Милейший, да вы интеллектуал.

Дима обрадовался комплименту, улыбнулся и скосил глаза на клоуна. Тот, лежа, держал в пухлых руках его большой мозг, покрытый серо-зеленой, местами белесой пленкой, и старательно полоскал его под душем. Дима наклонил голову и, закатив глаза наверх, заглянул в зеркало — голова стала похожа на пустую рюмку.

— Бугага, — сказал Дима, — первонах! Превед, медвед! Йа креведко. Сичас предед чилавег-свенья. Аццки жжом. Пацталом. Ржунимагу.

— Ни фига себе, — сказал клоун. — Я давно подозревал, что мозг здесь ни при чем.

— Жалкое зрелище, — сказал эмо. — Кончай плескаться, давай вернем все на место.

— У меня другая идея, босс. Кстати, мозг, как зовут твое тело?

— Дима, — пропищал мозг, пользуясь бороздками извилин для извлечения звука.

— Тики, ты о чем? — забеспокоился эмо.

— У меня отличная идея, тебе понравится. Дима, я выяснил, в чем ваша проблема. У вас розово-черная опухоль мозга, очень качественная, поздравляю. Так вот чего я тут подумал. Мой друг Эгор очень страдает без своего потерянного тела. Потерянного,

кстати, благодаря вам. Ваше тело, конечно, не подарок. Но я думаю, Эгор будет и ему рад безмерно. А ваш черно-розовый мозг отлично проведет остаток своих дней в теле Эгора. Здорово я придумал?

Эгор вопросительно уставился на клоуна, как бы спрашивая, не шутит ли он, но Тик так серьезно надул щеки и сузил глаза, что вопрос отпал сам собой. Мозг Димы запищал, как устрица во рту:

— Нет, нет, нет!

Дима посмотрел в зеркало на скелетообразного одноглазого урода, потом на свой блестящий под душем мозг, и его глаза, давно уже державшиеся на одном честном слове, выпали на пол, как две дохлые медузы. Ничего не видя, он почувствовал, как ледяные пальцы коснулись его затылка, он запаниковал, сердце сбилось на рваный ритм R-n-B. Дима Лазарев сделал последнюю дерзкую попытку проснуться, перенапрягся и умер от обширного инфаркта.

ГЛАВА 12

Рождение поэта

Тяжело дыша, резко хватая черными губами воздух, Эгор, только что вернувшийся из кромешной топкой тьмы, сидел на кровати в Спальном районе и пытался прийти в себя. Клоуну гораздо быстрее удалось адаптироваться. Он стоял рядом с Эгором, участливо склонив голову набок, и виновато смотрел на Эмобоя.

- Он что, умер? — наконец спросил Эгор.
- Да, брат, случайно получилось. Одним гадом больше, одним меньше — чепуха, дело житейское.
- Не смей цитировать моего любимого Карлсона. Он был добряк. А ты только что убил человека.
- Виновного в твоей смерти.
- Косвенно! Мы договорились, что не будем его убивать, только посмотрим, что мы можем делать в этих чертовых снах.
- Хочу тебе напомнить, что ты первый зафинтилил этому гоблину в лоб. Дворовое детство прошлоось?
- Ну да, не удержался.
- Вот и я не удержался. Люблю пошутить, дать, так сказать, позитива. Покойник, кстати, тоже слыл известным хохмачом, к тому же, если ты не понял,

это именно он организовал тот убийственный флэш-моб.

— Это ужасно, Тик, выбираться из сна умирающего. Ничего более отвратительного со мной не случалось. Я насквозь пропитан его страхом и отчаянием. И сейчас меня грызут черви сомнения и раскаяния — эти мерзкие угрызения совести. — Эгор встряхнулся, как мокрый пес, и во все стороны от него разлетелись влажные сороконожки и мокрицы.

— Эй, чувак, — клоун пихнул Эгора в плечо, — не надо все так близко принимать к дырке в груди. Ты ни в чем не виноват. Кто же знал, что у этого парня такое трусивое сердце. И заметь, он испугался перспективы жить в твоем теле, а ты это тело получил благодаря ему. Так что нечего его жалеть. Это по одному они все такие жалкие и несчастные, а как собыются в стаю, разорвут любого, и без всяких сентенций.

— Я не такой, как они. И не хочу таким становиться.

— Но ведь тобой, как и ими, движет ненависть. Они ненавидят эмо, а ты за это ненавидишь их. Ты антиантиэмо.

— Черт тебя побери, Тик! Я только хочу отомстить конкретным людям за их конкретное зло, и мне плевать, какая бирка на них при этом наклеена.

— И все-таки зря ты себя обманываешь. Люди, убившие тебя, — антиэмо — такие же убогие, как эмо, только вывернутые наизнанку. Это — обычное дело для гомо сапиенса — большинству людей для самоидентификации и душевного комфорта необходимо кого-то ненавидеть. Все сообщества постро-

ены либо по принципу любви, либо по принципу ненависти. Последние, естественно, гораздо агрессивнее.

— Ты хочешь сказать, что ненависть сильнее любви?

— Нет, думаю, слабее. Без любви не было бы ничего. Поэтому ненависть и бесится.

— Ты совсем меня запутал, толстый. Короче, вывод такой. Я продолжаю мстить. Я четко помню троих: крепыша, девицу с дезиком и блондина, брызнувшего мне пламенем в лицо. Тебя с собой я больше не беру.

— Если смерть врагов не доставляет тебе радости, а приносит только душевные страдания, может, ну ее на фиг, эту месть?

— Зло должно быть наказано, Тик. Ничего, переживу, помучаюсь. Око за око. Вспомни пустой взгляд Кити, вспомни слезы моей матери. Эти ублюдки должны ответить за все.

Эгор заплакал и отвернулся от клоуна. За криватую сразу выросли розовые кусты, в корнях которых клубились изумрудные змеи. Клоун аккуратно похлопал Эгора по узкой спине.

— Ладно, ладно. Страдания очищают душу. Но лучше по возможности ее не пачкать смолоду. Только помни, брат, что любая война, даже самая справедливая, — это кровь, грязь и слезы... В любом случае в Реале наступил день, и продолжить мстить ты сможешь часов через двенадцать, не раньше. И что прикажешь делать все это время?

— Мне все равно. Слушай, Тик, меня, похоже, отпускает. Поревел — и стало легче, совсем как в детстве. Я что, и вправду становлюсь эмо?

- Хм, как бы тебе сказать, чтоб не обидеть...
- И еще, Тики. Такая странная штука, даже не знаю...
- Какая штука?
- Я стих придумал. Это нормально?
- Нет, чувак, это ненормально. Но у эмо это случается. Зачти-ка, не стесняйся.
- Неужели ты простишь мне
Все, что не было у нас?
Неужели к чудо-двери
Подберется ключ другой?
Неужели мне не надо
Отводить в смятенье глаз?
Неужели ты не будешь
В них глядеть с такой тоской?
- Спасибо, брат!
- Придурок, это для Кити!
- Все равно мне нравится. Советую записать, чтобы не забыть. В сумке эмо-боя обязательно должен быть черный ноутбук.
- Эгор залез в сумку, покопался и выудил тетрадь-ежедневник с пружинкой переплета и черную ручку.
- Странно, что я его раньше не замечал, — проговорил юноша и стал записывать свое первое стихотворение.
- Я думаю, там все появляется по мере необходимости, — сказал Тик-Так, но Эгор погрузился в себя и не слушал его.
- Эй, поэт, я тоже кой-чего могу, — обиделся клоун. — Я поэт, зовусь я Эмо, от меня вам трепонема! Круто?

Эгор, не слушая, кивнул. Густые розовые кусты, выросшие из слез героя и закрывавшие его с клоуном от площади, раздвинулись и оттуда появились понурые Мания и эмо-кот.

— Отвратительное стихотворение, — буркнул Кот, сменивший черную оправу на розовую.

— Мы тоже рады вас видеть, — и вправду обрадовался запрыгавший на месте толстяк. — Обнаженная с котом.

— Тики! — рыкнул Эгор.

— В смысле, натурщица с ученым животным. А мы тут мозг модератора антиэмо-сообщества замочили, а теперь стишечками балуемся, — радостно басил клоун.

— Модератор — большой человек! Королева будет недовольна. Обезглавили часть ее армии, — закрупался Кот.

— Королева дружит с антиэмо? — изумился Эгор.

— Эмо и антиэмо реального мира — тайная армия Королевы Маргит, — важно ответил Кот.

— По-моему, это бред, — сказал клоун.

Кот только неодобрительно помотал круглой головой:

— Нам сейчас не до диспутов. Королева Маргит в гневе. Нас с Манией чуть не растерзали. Мы должны немедленно выдвигаться во дворец.

— Ладно, я не против. Сейчас, только стих про кота допишу, и идем, — сказал Эмобой.

Мания села рядом с ним на кровать и заглянула в ноутбук.

— Я тоже хотел бы послушать про кота, — обиженно загнусил учений.

— Пожалуйста. — Эгор встал и продекламировал:

Очень грустный розовый кот
поскакал на трех лапах вперед,
а за ним, не зная преград,
как суровый и верный солдат,
вислым пузом по лужам стучит,
черный пес вдогонку бежит.
По дороге, съев комара,
черный пес, залаяв, встает.
И кончается вдруг игра,
только кот все бежит вперед.
Скачет в мир он, где нет собак,
где котов большая семья.
О, трехногий хвостатый дурак,
как тебя понимаю я.

К моменту, когда Эгор закончил, Кот уже выти-
рался кружевным платочком, а Мания размазывала
слезы ладонью по щекам.

Клоун три раза громко хлопнул в ладоши:

— Зачет тебе по котоведению. Хотя сырвато —
вон какое болото развели.

— Прекрасно, прекрасно, сир. Прости. Эгор.
— Ну что, пошли к королеве. Я готов.
— И я готов любить котов, — добавил клоун.

Сначала они шли молча: Мания, как обычно, в
плеере, Кот, шмыгая носом, клоун, глупо улыбаясь,
и Эгор, весь в себе, возможно сочиняя следующий
стих. Ничто вокруг не привлекало внимания, все те
же пыльные улицы, одинаковые дома из розового
кирпича, никакие живые твари им на глаза не по-
падались. Первым не выдержал тишины Тик-Так.
Он решил поумничать с Манией, к которой был
явно неравнодушен.

— Послушай, куколка, я вот все равно никак не пойму, каким образом увязывается брутальный хардкор родоначальников эмо и нынешняя черно-розовая туса. Или ты по Реалу не специалист?

Мания сняла наушники:

— Ну почему же. Могу ответить. Никаким. Думаю, что если бы эти хардкоровцы увидели гламурных богатеньких бездельников, которые сейчас называют себя эмо, они бы сильно обломались. С другой стороны, это общая беда различных музыкальных субкультур и их последователей. Ну а почему так происходит, я не знаю.

— Я тебе все объясню, — сказал Тик-Так и взял куклу под руку. — Дискредитация прогрессивной идеологии и ее подмена — это реакция техногенного общества потребления, не терпящего никакого проявления индивидуальности, которая может помешать продавать толпе свой товар, в данном случае — свою культуру, свой стиль жизни. Самый простой способ — это приручить прогрессивное явление. Каждое новое поколение пытается вырваться из оков общества, придумать свой язык, свою систему ценностей. В ответ на поиски себя в ЛСД и свободной любви вместо рокеров-бунтарей появились удобные для продажи карманные глэм-рокеры. Саморазрушающиеся, злых, эпатажных, социально ориентированных панков быстренько подменили веселыми поппанками, которые при всей своей забавности вряд ли могли кого-нибудь напугать или растроить. Ну и конечно, появление первых эмо не могло не поколебать основ общества потребления. Искренние личные чувства, настоящие эмоции, а не суррогат, поставляемый масс-культурой, — это непорядок. И как

реакция появляются догматические правила поведения эмо: что эмо должны носить, как говорить, море стаффа, узкие, как штаны эмо-боя, гламурные розово-черные рамки... Глядишь, и все в порядке — хорошая идея погребена под потребительским мусором. Где теперь эти мифические твари — тру-эмо, никто не знает. Их не видно, потому что они не выпячиваются. Видно одних позеров. Но несмотря на все это, даже позеры несут определенную миссию в мире сериалов с закадровым смехом. Они будят эмоции настоящие и самые разные — в первую очередь раздражение, неприязнь, отвращение, презрение, жалость и, уж вне всякого сомнения, интерес, формируя зеркальное движение своих антиподов — антиэмо. «Они такие же, как мы, только со знаком плюс», — говорят эмо про антиэмо. Но на самом деле и те и другие ущербные, потому что пытаются разделить человеческую личность пополам. Одни — угрюмые изгои, нытики с печатью аутизма и мрачной рефлексии на искусственно заплаканных лицах. А вторые — пластмассово-позитивные, хохочущие по любому поводу псевдооптимисты, целенаправленно ненавидящие первых и этим ограничившие смысл своей жизни. Как можно отделить смех от слез, а радость от печали, ведь это так же искусственно, как и безыскусно! Вывод простой: человека разумного общество превратило в человека тупо потребляющего, и теперь, когда он пытается вернуть себе хотя бы право чувствовать и выражать свои эмоции, его моментально ставят в стойло. Веди себя так, если ты эмо, выгляди так, слушай то... Вот, собственно, и все.

Эгор, кукла и Кот слушали монолог скачущего клоуна с открытыми ртами.

— Коллега, — наконец, приddy в себя, сказал Кот, — вы не перестаете меня удивлять. Теория антинаучная, но довольно интересная. Хотя и ересь.

— Банальная социопсихология Реала. — Обиженная за позеров, Мания опять надела наушники.

— Послушай, Тики, — зло сказал Эгор, — в следующий раз, когда захочешь склеить эмочку, выбери другую тему. Меня еще в той жизни достали эти бесконечные разговоры о явлении, которое и выеденного яйца не стоит. Но тогда я знал, что эти разговоры с Кити заканчиваются классным сексом, вернее, его классным подобием, но это не важно. Важно, что в этих разговорах-спорах про эмо мне нравилась только та часть, когда они заканчивались. А поскольку нам с тобой эта фаза не грозит, я больше никогда не желаю слышать всей этой эмо-хрени. Понятно?

— Понятно, — сказал клоун и показал пальцем вперед. — Это что? Кладбище, что ли?

Улица выходила на бесконечный пустырь, заставленный черными вертикальными плитами. У многих надгробий рыдали безутешные эмо-киды, рядом с ними паслись плюшевые мишки и тряпичные куклы с вышитыми ниточными крестиками вместо глаз.

— Это кладбище несчастных любовей. А это дворец Королевы Маргит, — указал Кот на огромный готический замок, который высился посреди кладбища, пронзая острыми башнями небо.

— Отличное место для дворца, — осклабился Тик, — и энергетика замечательная.

— Для Маргит плохой энергетики не существует, — парировал Кот. — Королева способна преобразовать любую отрицательную энергию в положительную для себя. В реальном мире здесь тоже кладбище.

Эгор смотрел на мрачную громаду дворца, построенного очевидным безумцем, и понимал, что это то место в Эмомире, где ему находиться хотелось бы меньше всего. Мания, незаметно подошла к нему и шепнула на ухо:

— Ничего не бойся, ничему не удивляйся и за-прячь свои чувства как можно глубже.

Эгор усмехнулся. Чего ему еще бояться, чему удивляться? Но совет запомнил. Они шли уже по кладбищу мимо надгробий и плачущих, не обращавших на них внимания эмо-кидов. Дворец приближался, и Кот занервничал:

— Эгор, сир, прости, но я уверен, что все, что я рассказывал тебе про Эмокор, вылетело у тебя из головы. Поэтому я хотел бы еще раз быстренько все повторить, дабы ты не ударил в грязь лицом перед великой Маргит.

— Валяй, — невесело согласился Эгор.

— Значит, так, — затараторил Кот. — Кроме эмоций в Эмомире после прихода Королевы стали жить куклы. Самые разнообразные. Обычные, с непропорционально большими головами, стали эмо-кидами, а плюшевых мишек и тряпичных кукол они забрали себе в качестве братьев меньших. Селисья эмо-киды стали в местах позитивных разломов. Наш мир тонкий, а где тонко, там и рвется. Так вот, концертные площадки, стадионы, роддома — вот наиболее любимые места поселения эмо-кидов.

— А как же цирк? — встрял Тик-Так.

— Цирк находится в центре Эмокора и, как многие кинотеатры и театры, является местом поселения других аборигенов Эмокора — барбикенов. Их меньше, чем эмо-кидов, и они отличаются внешне.

Их пропорции гораздо ближе к человеческим. Они больше похожи на манекенов, если угодно. Да что тут говорить, вон Мания — типичный представитель барбикенов.

— Только внешне, — огрызнулась Мания.

— Да, Мания у нас бунтарка. Она порвала со своими корнями и живет с эмо-кидами. Так вот, барбикены во всем пытаются подражать праздной человеческой богеме. В их стане царит культ вещей и украшений, естественно игрушечных. Они имитируют семейную жизнь, шоу-бизнес, шопинг, офисную работу. Главная задача их жизни — получение максимального количества удовольствий. Они гнушаются чистыми эмоциями из Реала, поэтому в обмен на добытые ими в Реале любовь и счастье Королева дает им модифицированные и сублимированные удовольствия в порошках и каплях. У барбикенов преувеличивает практически одна эмоция — самодовольство, ну еще презрение по отношению к эмо-кидам. Если для эмо-кукол главное в жизни любовь, то фетиш барбикенов — секс.

— Они считают, что получают от него кайф, но это самообман. На самом деле без любви они просто обкрадывают себя. Жалкие, пустые создания, — сказала Мания.

— Вот так считают эмо-киды, — продолжал Кот, — и не без основания. Барбикены действительно пустые, полые внутри создания, зато у них действительно есть первичные половые признаки, в отличие от кукол эмо-кидов.

— Ага, — зло обрадовался клоун, — я же говорил, что у позеров нет пиписек, они — бесполое «оно». Барби — полые, а эмо — бесполые.

— Зато у них есть чувства и, в отличие от барби-кенов, они наполнены любовью, — парировала Мания.

— Так, — поправил очки Кот, — тут мы подошли к самому интересному. Великая Королева Маргит создала всю эту черно-розовую моду. Когда чудо-вища были побеждены, гвардия ушла в свой перманентный запой, а Королева села на трон, она спросила у своего народа, чего он хочет. Тогда барбикены попросили центр города, и еще пополнить их запасы розового золота и черных отправляющих веществ, а эмо-куклы попросили заполнить их тела душой. И Королева выполнила их просьбы.

— Лучше б пиписьки попросили, — вставил Тик.

— Тела всех эмо-кукол и одной безумной барби Мании заполнили квинтэссенцией любви и метафизиологическим раствором, рецепт которого принадлежит вашему покорному слуге.

Не дождавшись аплодисментов, Кот продолжил:

— Поначалу эмо-куклы никак не могли поверить свалившемуся на них счастью и все время проверяли, на месте ли их жидкая душа, прорезая свои запястья. Прошло несколько лет, все уже привыкли к своему заполнению, а дурная привычка резаться осталась, и уж совсем непонятно, как она просочилась в реальный мир.

— Подожди-ка, Кот, — сказал Эгор. — Черно-розовую моду придумала ваша королева и она здесь началась раньше, чем в Реале?

— Да, да, Эмобой. Это Королева Маргит является ответственной за появление моды на эмо в реальном мире. И армии эмо и антиэмо всего лишь

часть ее грандиозного замысла, главной действующей фигурой которого являешься ты.

— Зашибись, — сказал Эгор.

— Кот! — сказал клоун. — С куклами более-менее все понятно, а вот ты-то кто такой?

— Я паж, советник, первый и последний министр Королевы, к тому же известный ученый. Пять лет назад я прибыл сюда с Маргит и тех пор гордо несу свою службу.

— А по-моему, ты гордо несешь ахинею. Откуда это вы с Маргит тут нарисовались?

— Не твое песье дело, — надулся Кот и замолчал.

Закат уже обнял всю линию горизонта, когда разношерстная компания подошла к глубокому рву, опоясывающему мрачный дворец, который заслонил полнеба. Через ров к парадным воротам вел горбатый черный мостик с розовыми перилами. На той стороне рва по бокам от мостика хранили два дюжих тела.

— Гвардейцы, — прошептала, показав на них рукой, Мания.

Здоровенные бугаи лежали на спине во весь свой исполинский рост. Одеты они были в черные джинсовые шорты и черные футболки с белыми надписями «S. O. I. A.» и «Madball», на ногах — тяжелые гриндерсы. Все открытые глазу части тела, даже белые черепа с пустыми глазницами, которые заменяли гвардейцам головы, покрывали бесчисленные татуировки.

— Алкашня, — поморщился Кот, проходя мимо них.

— Они клевые, ты с ними подружишься, — опять заговорщики шепнула Эгору Мания.

Как только они подошли к воротам дворца, над которыми розовела надпись «Бог ест любовь», тяжелые створки распахнулись и из-за них вылетели мириады ночных бабочек. Они подхватили Эгора и, изобразив из своей массы некое подобие летающего трона, внесли его во дворец, где в полумраке дрожали розоватые язычки пламени свечей в черных канделябрах и в исполнинском колесе люстры.

— Ну, здравствуй, мой Король! Моя награда и отрада! Мой Эмобой, мой мальчик, мой герой! — услышал Эгор низкий утробный голос, от которого сладко защекотало внутри.

ГЛАВА 13

Королевские приемы

Эгор сидел на черном янтарном троне, украшенном витиеватой резьбой, где мотивы бабочек переплетались с причудливой вязью из рун, черепов, разорванных сердец и шипастых роз. На этом троне вполне могло бы разместиться еще пять таких «толстяков», как Эгор. Ноги его болтались, не доставая до черного каменного пола огромного приемного зала королевского замка. В правой руке Эгор держал кубок с пенящейся перебродившей амброзией, или, как ее называл ученый Кот, квинтэссенцией счастья. Из этой традиционной пищи богов королевский технолог научился делать пьянящий напиток, который был скорее плотным газом, чем жидкостью. Но химический состав амброзии сейчас интересовал Эгора меньше всего, главное, чтобы не кончалось его действие. Он никогда еще не чувствовал себя так хорошо, спокойно и весело одновременно, может быть, только в далеком грудном детстве. Все переживания, страхи и мысли тихонько булькали где-то далеко внизу, в районе впалого живота. А он, довольный и послушный, внимал вкрадчивому низкому голосу королевы.

— За пять пустых и долгих лет моя награда, мой мальчик, как тебя я видеть рада! В тебе родную душу сразу вижу, я, как и ты, здесь все давно уж не-навижу, но, как и ты, творю для Эмомира лишь добро. Мы родственные души, мой Король. Мы вечно вместе будем Эмомиром править, другие же миры мы будем на колени ставить! Настала новая эпоха — твоя эпоха, Эмобой. Апофеоз Любви и Счастья в Бессмертии нас ждет с тобой.

Голос королевы казался сильным и вкрадчивым одновременно. Густым потоком сладких обещаний он вливался Эгору в уши и клубился теплым дымом в тяжелеющей голове. Сеанс королевского гипноза длился уже около часа, а всего во дворце Эгор пробыл вдвое дольше. Сначала летящее кресло из ночных бабочек вихрем пронесло его через зал, так что он даже не успел ничего разглядеть, кроме полосок света от тысяч свечей. Затем маленьким пестрым смерчем — по винтовой лестнице одной из бесконечных башен дворца в полутемную комнатку, большую часть которой занимала обсидиановая квадратная ванна, куда его и опустили бабочки-рикши. Тут же от черных стен и потолка комнаты отделились тысячи таких же невзрачных чешуйчатокрылых, как и те, что принесли его сюда. Они отличались размером и цветом телец, правда, в одной серо-буро-коричневой гамме, но все они были одинаково лохматыми и шерстистыми, и голову каждой украшали ветвистые усики-антенны. Комнату наполнил бархатный шум суеты шуршащих крыльев. Стارаясь вспомнить все, что он знал про бабочек, Эгор подумал: «Королева, похоже, увлечена лепидоптерологией, кажется, так называется на-

ука о бабочках. Хорошо, что эти твари питаются нектаром и не хотят меня сожрать».

Эгор видел свернутые спиралью хоботки пролетающих рядом с его головойочных созданий. «Хотя в Эмомире можно ждать чего угодно. Может, они собираются выпустить мою кровь в это жертвеннное корыто», — посмеивался про себя Эгор. Страха он не чувствовал. С того момента, как он влетел во дворец и услышал голос королевы, он стал спокойным и умиротворенным, словно воздух здесь пропитали какой-то анестезией. И действительно, если присмотреться, в темном воздухе можно было рассмотреть взвесь из крупиц розовой пыли, которую старательно взбалтывали крыльями трудяги-бабочки.

«Я, конечно, предпочел бы увидеть их ярких дневных красавиц-сестер, но, в конце концов, и так неплохо». Бабочки меж тем показали, что они умеют не только летать. Около сотни мохнатых насекомых с полосатыми брюшками и двумя парами полу-прозрачных узких крыльев, больше похожие на огромных пчел, вдруг облепили Эмобоя. Пока Эгор соображал, что происходит, они сгрызли всю его одежду и теперь приятно щекотали лохматыми усиами и волосатыми брюшками его изможденное тело. Не успел Эгор испугаться, что его знания по поводу вкусовых пристрастий бабочек не оправдались, как бабочки так же неожиданно отпрянули от него и снова сделались невидимыми, слившись с общей летающей массой. А затем все бабочки в комнате разом исчезли, рассевшись обратно на потолок и стены. Эгор, совершенно голый, сидел в пустой комнате в глубокой черной ванне и недоумевал,

в чем прикол. «Эмо-моли слопали эмотронную одежду, ради этого меня сюда и притащили? Хотя нет, точно, в Реале моли ничего сами не жрут. Они откладывают яйца в одежде, и ее едят их личинки. Но я же не в Реале».

Эгор посмотрел на дыру в своей груди и с приятным удивлением заметил, что она стала гораздо меньше, края раны уверенно затягивались черной коркой. Двери бесшумно распахнулись, и в комнату грациозно вошли две девушки, вернее куклы. Одна из них, хорошо знакомая Эгору Мания, держала в руках кувшин и кубок. А вторая — одежду и полотенце. Незнакомка походила на Манию как сестра-близнец, только волосы ее были белые, тело в розовом купальнике не украшал никакой бодиарт и глаза были на месте — голубые и ясные.

«Барбиленка», — понял Эгор. Уроки Кота не прошли даром.

— Это — Бабета, — представила спутницу Мания. — Мы сейчас подготовим тебя к королевскому приему, герой! Расслабься, пожалуйста. Ого, ничего себе штучка! Смотри, Бабета!

Эгор, успев отметить, что Бабета выглядит очень даже неплохо, проследил за ее взглядом и впервые за все время в Эмомире как следует рассмотрел доставшееся ему мужское хозяйство. Размеры впечатляли.

«И зачем мне все это теперь?» — подумал Эгор. Член, словно услышав его, решил посмотреть, кто им интересуется, и, поймав бесстыжий взгляд барби, как глупый щенок, рванулся познакомиться, моментально высунувшись из ванны. Эгор растерялся, но, похоже, кукла смутилась не меньше и отверну-

лась, кокетливо прикрыв руками глаза. Царивший полумрак в комнате, освещенной только луной, свет которой пробивался через маленькие бойницы наверху, и присутствие двух прекрасных девиц настраивали на интимный лад.

«Эх, недельку бы назад», — посетовал Эгор, во время вспомнив, что и он не Егор, и девушки всего лишь живые куклы. Он закрыл глаз и сразу увидел Кити, что совсем не способствовало успокоению разыгравшегося великана между ног.

«Какая нелепая ситуация», — подумал Эмобой. Но тут сверху на него полились волшебные прохладные струи, вмиг снявшие напряжение, как телесное, так и душевное. Он открыл глаз, прикрыв его ладонью, посмотрел вверх и увидел множество бабочек с красивыми розово-бурыми крыльями. Они порхали над ним, выпуская из хоботков розовые струйки то ли жидкости, то ли пара, конденсировавшегося в воздухе. Струек было очень много. Они ласкали уставшее тело, как теплый летний дождь, и в то же время бодрили, как утренняя роса. Этот живой душевный душ отвлек Эгора от всех мыслей. Он лежал, млел, слушал успокаивающий ритм струек и ровный стук фантомного сердца. Вода — вот чего ему так не хватало в новом мире, он же водяной, пловец. «Вот бы поплавать сейчас, а еще увидеть бы Кити, ее счастливую улыбку».

— Это ванна безмятежности, — услышал Эгор в ухе шепот Мании, — фарфаллы собирают в реальном мире нектар цветов, а здесь он превращается в розовую воду радости. А это — любовный напиток счастья, подарок тебе от Королевы.

Эгор почувствовал, как ему в рот вливают что-то неудержимо легкое, пенистое и приторно-сладкое, инстинктивно глотнул и погрузился в полную нирвану. Не открывая глаз, он лежал в ванне и наслаждался. Сначала ласковой радостью насекомного душа, затем ласковой настойчивостью четырех девичьих ручек, делавших ему легкий массаж, который постепенно перешел в более близкое знакомство. Робкие и нежные кукольные руки как бы случайно скользнули Эгору между ног. Он не сопротивлялся. И тогда быстрые, мягкие пальцы легли на его древо желания, которое мгновенно выросло и высунуло из ванны слепую голову, как перископ. Эгор лежал, не открывая глаза, и тяжело дышал, то поднимая, то опуская голову под воду. Волшебные пальчики знали свое дело, и вот уже вся кровь Эгора ушла под них, выбирируя в бешеном ритме. Юноша нырнул и увидел счастливое лицо Кити. Он хотел, чтобы эта сладостная мука тянулась как можно дольше, но в то же время, как истинный пловец, все быстрее рвался к финишу, и вскоре острый пик наслаждения, готовый разорвать сознание в клочья, замаячил на горизонте, сил сдерживаться уже не осталось, и он тихо застонал. Чьи именно неудержавшиеся любопытные ручки ласкают его в этот сладостный момент, герой предпочел не смотреть, в мыслях он все равно был только с Кити. В эмо-реальность его вернул собственный страшный дикий рык, от которого содрогнулись стены башни. Он полулежал в заполненной розовой водой ванне. Куклы и бабочки в испуге жались у противоположной стены, вода расплескалась по полу комнаты, который зарос плотным ковром неестественно ярких, пахучих экзотических цветов.

— А где полотенце? — спокойно спросил Эмбой и встал во весь свой немалый рост. — И не пора ли уже увидеться с королевой?

Мания и Бабета молча и с опаской подошли к нему и насухо вытерли огромным розовым полотенцем. Вместо съеденной бабочками одежды Эгору перепали черные кеды, черные боксерские трусы в розовых черепушках, черные джинсы с точь-в-точь таким же ремнем, как и раньше, черная футболка «Aiden» и черный балахон, на груди которого красовалась бабочка в короне и с черепами на крыльях, вышитая розовым золотом.

— Королевский герб, — пояснила вполне оправившаяся Мания и подала ему его старую сумку-почтальонку, которую заботливые бабочки оставили рядом с ванной.

Бабочки-носильщицы снова подхватили Эгора и понесли на встречу с Королевой, шок от первого взгляда на которую он благополучно пережил только благодаря амброзии. Последняя, к сожалению, уже заканчивалась в кубке, и Эгор чувствовал, как страшная реальность все больше накрывает его. Память начинала возвращаться, розовый туман рассеивался.

Вот уже целый час он сидел на огромном троне и слушал песню любви своей самопровозглашенной невесты — бабочки с лицом голливудской богини. Слева и справа от трона стояли Мания и Бабета, символизируя народы Эмокора. В ногах у трона лежа пристроился удивительно молчаливый красный клоун. Хотя его молчание легко объяснялось — он ни на секунду не выпускал из руки бутылку амброзии. Эгор зачарованно глядел королеве в рот.

Этот рот достоин отдельного описания — живой и влажный, пухлогубый и жадный, которому позавидовала бы и Энни Леннокс, он жил собственной жизнью на лице королевы. С тех пор как Эгор увидел Маргит, рот ни разу не закрылся, только иногда черные губы быстрым, почти неуловимым движением облизывал длинный острый язык. Эгор смотрел королеве в рот еще и потому, что выше, в страшные выпуклые мозаичные зеленые глаза он смотреть боялся, а ниже, на огромное жирное волосатое брюхо, пересеченное тремя парами сцепленных лапок, причем средние сжимали тетрадку с надписью «Эмобой» на обложке, он не мог смотреть без омерзения. Чтобы не выпустить из себя эмоции, все сильнее рвавшиеся наружу, Эгор все чаще прикладывался к кубку, пока не понял, что алкоголь его уже не берет, и не увидел, как от него отделяются и спрыгивают с трона дрожащие белые мышки волнения. Эгор весь сосредоточился на том, чтобы не выпустить из себя змей страха и пауков отвращения, и давно уже не слушал королеву. Он чувствовал себя накуренным старшеклассником на уроке, которого пробило на смех и он с трудом сдерживает себя, чтобы не запалиться. Тем более что все так и было, только вместо учили — огромная черная бабочка с женской головой, зависшая метрах в десяти от трона и плавно покачивавшая лохматым вельветом крыльев. Мышки волнения меж тем продолжали разбегаться по залу. Клоун даже успел закусить одной, глотнув в очередной раз амброзии. Кот-ученый, весь этот час аккомпанировавший выступлению Маргит на большом, почерневшем от старости органе, чуть не свернул себе

шею, с вожделением глядя на разбегавшихся мышек. Только королева не видела их или делала вид, что не видит, продолжая разглагольствовать под попурри из «NIN» и «Sisters of Mercy» в исполнении кота-виртуоза. В плотном воздухе зала, подогретом амброзией и свечами, висела пыльца спокойствия, висела королева Маргит и теперь повис ее вопрос в воцарившейся после него тишине. Королева замолчала, Кот тоже взял паузу. До Эгора с задержкой, но все же дошло только что сказанное королевой.

— Такое же, как я, ты совершенное созданье, Эмобой. Готов ли ложе царское любви делить со мной? Зачать детей — правителей Вселенной? Ответь мне честно на вопрос, трепещущий и откровенный.

Пауза затягивалась. Эгор смущенно потупил глаз, и его взгляд упал на возбужденно дрожащий вытянутый кончик лохматого тельца королевы, с блестящей капелькой на крайнем волоске. Вариантов ответа у него не родилось. Любовь с бабочкой — полный абсурд. Чувства, клокотавшие внутри и рвавшиеся на свободу, готовы были это подтвердить. Так что сорвать не получится, а обижать Маргит горькой правдой ему тоже почему-то не хотелось. Он чуял серьезную, неведомую ему пока опасность, таившуюся в ее зеленых с металлическим блеском глазах. «Во попал», — подумал парень. Спасение неожиданно пришло снизу. Клоун театрально отставил в сторону руку с бутылкой амброзии и громогласно заявил:

- Это невозможно.
- Что? — действительно не поняла Королева.

— Ну, *это*. Это невозможно, ваше готичество, — повторил красный шут.

— Что, гость непрошеный, ты мелешь? — потрясла тетрадкой Королева. — Ты только шут и в разговор господ встревать не смеешь!

— Это невозможно, потому что у тебя нет письки, — невозмутимо продолжил Тик-Так.

Королева аж перевернулась в воздухе от такой наглости. А Эгор, мысленно поблагодарив глупого и хамоватого приятеля, наконец смог выпустить из себя всех змей и пауков, как будто они предназначались клоуну.

— Замолчи, Тик, — картишно закричал он, махая рукой.

— Нет, ну как вы сможете народить суперсуществ, если у нее нет письки. Это технически невозможно, — защищаясь, рассуждал клоун.

— Вон! — закричала Королева. — Как мог ты, подлый шут, всех нас здесь оскорбить упоминанием такого мерзостного и отвратительного слова? Как мог произнести его при мне?

— Писька! — Клоун, похоже, вошел в раж.

— Гвардейцы! Выбросьте его на кладбище скопей.

— Писька! Писька! Писька!

— К чудовищам его. Пусть там орет от страха и от боли, — окончательно вышла из себя Маргит.

Из дальних далей зала к клоуну понеслись невидимые до этого гвардейцы-здравояди в черных куртках-бомберах, голубых джинсах и тяжелых ботинках. Как и у тех красавцев, что хранили у моста, от голов у них остались только выбеленные ветрами черепа, любовно украшенные татуировками и

пирсингом. Особенno потрясал металлический гребень у одного из громил, ввинченный ровно в середину блестящей черепушки. Гвардейцы, как пушинку, подхватили увесистого Тик-Така под руки и побежали с ним к выходу. Ноги клоуна жалобно задергались в воздухе, но он не унимался:

— Все равно у вас ничего не получится! За правду страдаю. Эгор, держись!

Поняв всю серьезность ситуации, Эгор взмолился:

— Королева, мой клоун позволил себе лишнее, но виновата в этом лишь пьянящая амброзия. Шут просто перебрал. Простите его ради меня, не кидайтe на растерзание. Сжальтесь!

Королева, помедлив секунду, крикнула гвардейцам:

— Стоять, покойнички! Лишь ради моего избранника не будем эту тварь сегодня убивать! Кидайте пьяную скотину за ворота. И больше во дворец мерзавца не пускать! — И, сразу успокоившись, вновь зависла перед Эгором с вопросительным видом.

Кот, воспользовавшись суматохой, успел поймать пару белых мышек и, спрятавшись за органом, довольно урчал.

— Так все же, Эмобой, я не услышала ответа на свой вопрос.

Деваться было некуда, и Эгор сказал:

— Королева! Я здесь по чьей-то воле, так же как и ты. И я готов... гипотетически... делить с тобою бремя власти над Эмомиром и все остальное, раз так мне уготовано судьбой. Но объясни мне, как мы будем править мирами, что сейчас нам не подвластны.

— О юноша. Я понимаю все твоё волненье и смятенье. Я понимаю, почему твои слова полны смиренья, а не буйной страсти. Ты первый раз столкнулся со столь идеальной и совершенной женщиной, как я. И ты заворожен, повергнут в прах моей красотою. Ты думаешь, достоин ли меня? Все хорошо, а будет еще лучше. Мой мальчик, успокойся, ты привыкнешь. Поверь мне, привыкаешь ко всему. Я выбрали тебя, и ты меня достоин. Вселенную ты завоюешь для меня, ведь ты Супергерой, ты Эмбой, ты Волин. И армия давно уж ждет тебя. Грядет война с Регалом. Готово уже все, и дело лишь за малым. За тобой!

Эгору показалось, что королева не просто говорит, а играет хорошо заученную роль. И он спросил:

— С кем воевать, что за война, какие цели?
— Благие цели. Мы возвращаем в мир любовь. «Бог есть любовь» — наверно, ты забыл. Чтобы вернуть свободу чувств несчастным людям, придется нам разрушить их Рeal, их общество двойных стандартов, лжи, денег и подмены естества. Я армию набрала в два захода, сначала эмо запустила в мир людской, как провокацию, всеобщий раздражитель, что сконцентрирует мне зло вокруг себя. Создаст поля высокого напряга, объединит совсем уж разных, но ненавистью полных к эмо — антиэмо. Ты их возглавишь и разрушишь мир. Ведь чтобы построить новый райский сад, все старое придется уничтожить. Людей, что старше тридцати, не переделать. В топку их. Но лучший возраст — это лет пятнадцать, потом уже в любовь ты не поверишь так, как в этом возрасте веселом, нежном. Поверь, Эгор, ты будешь беспощаден. И всех, кто старше

восемнадцати, убьешь. Оставшимся мы воздадим любви и счастья. И будет мир людей спасен и бабочками яркими заполнен!

«Блин, да она просто безумная сатанистка, — подумал Эгор. — И еще она, похоже, считает, что я полностью в ее власти, под действием ее магнетизма и всех этих поганых психотропов».

— Скажи мне, Маргит, ведь в реальном мире я девушку оставил, как же с ней? Ей скоро восемнадцать.

— Не повезло бедняжке. Прошлое лишь сон, ведь у тебя есть я. Взойдем на трон и будем вместе вечно править. А уж любви в запасниках моих не счастье компьютерам любой суперсистемы, со мной забудешь обо всем, исчезнут все проблемы.

— Звучит все убедительно, но нужно мне хотя бы пару дней, чтобы дела свои все довести до точки. Чтоб с чистой совестью и головой, не замутненной местью, на трон с тобою сесть.

— Тебя пять лет ждала я, Эмбой, что пара дней? Песчинка в море. Иди, убей их всех, посей в них страх, пусть знают, кто Хозяин. Пусть ждут тебя и помнят. Ты придешь и поведешь к кровавым их победам, во славу той одной, что их спасет, — Любви.

«Полный трыйндец! — подумал Эгор. — Тема крылатого эмо-гитлера раскрыта и закрыта». Но вскидывать руку в римском приветствии не стал, спрыгнул с трона, церемонно поклонился и, не оглядываясь, быстрым шагом направился к выходу из дворца черно-розового безумия.

— Я буду ждать тебя здесь через два реальных дня, любимый мой герой, мой Эмбой, — услышал он в спину.

Зашелестели прощально бабочки по всему залу. Кот заиграл что-то из «Depeche Mode», здоровяк гвардеец услужливо открыл перед ним тяжеленную дверь, отсвечивая железными зубами. Эгор вышел на кладбище, вдохнул чистый воздух Эмомира и выпустил свое негодование, обиду, отвращение и все, что еще скопилось в душе за время аудиенции с черной невестой. Смешавшись, все эти эмоции превратились в отвратительного гиеноподобного ящера, который с воем ускакал, петляя между надгробий. От свежего воздуха Эгора зашатало. Чтобы не упасть, он облокотился на ближайший надгробный камень и сразу увидел Тик-Така, который лежал без движения. «Неужели убили?» Эгор осторожно потрогал ногу клоуна носком кеда:

— А? Что? Я что, отрубился, что ли? Эгор, ты все-таки сбежал от этой шизанутой проповедницы разврата с насекомыми?

— Я в командировке. Вернее, получил отсрочку. Короче, нам нужно за два дня придумать, как выйти из этой идиотской ситуации.

— Она, что, продолжает требовать от тебя близости?

— Она хочет, чтобы я уничтожил все взрослое население Земли.

— В обмен на отказ от интима? Я бы согласился.

— Нет. Все включено, чертов шутник.

— Дело плохо, но что-нибудь придумаем. Безумная одинокая баба-чка, видать, прочитала в Великой Кулинарной Книге, что сможет завести с тобой потомство. Ее не переубедишь. Ха-ха, представляю этих милых гусениц с твоим лициком!

— Хватит нести чушь. Лучше скажи, сколько времени?

— В Реале четыре утра.

— Отлично. К шести будем в Спальном районе. Нужно навестить «друзей», солдат моей армии. Блин! Попробую решить этот вопрос сегодня, а днем увижуся с Кити, и будем думать, как выбираться из объятий Маргит.

— Патетично. Кстати, Маргит не так уж и глупа. Ваше потомство, в возможности зачатия которого я — и не без оснований — позволил себе усомниться на приеме, действительно могло бы покорить Вселенную. Ведь бабочки единственные создания, которые свободно перемещаются между мирами, из тени в свет перелетая.

— Да? Интересно. — Эгор полез в сумку и достал ежедневник. — Стих родился, почти про Маргит, хочешь — прочту?

— Валяй!

— Главная фигура сексуальной революции,
вождь секс-коммунизма — Комиссар Поллюции,
диктует права, милует невинных,
удовлетворяет неудовлетворимых.
Сегодня его день, сегодня его ночь,
сегодня он хочет всем нам помочь.
А если кто считает, что в этом не нуждается,
то только опасно и трагично ошибается.
От каждого по способностям,
каждому по потребностям.
Нет места для ложной скромности!
Нет места для лютой ревности!
Комиссар ходит, целуя, походя,
тех, кто сходит с ума от похоти.
Глаза его, уверенные и нахальные,

злы и сжаты, как отверстия анальные.
Все будут довольны — взошла секс-заря!
Тех, кто не хочет, — услать в лагеря!
Тех, кто не может, — схватить-расстрелять!
Остальных насилино удовлетворять!

Эгор закончил читать и спросил притихшего
Тик-Така:

- Ну как?
- Знаешь, про розового кота мне гораздо больше понравилось.

ГЛАВА 14

Нормальный парень

Паша Чачик не любил выпендрежников. Чего выделяться на ровном месте? Ну ладно, выделяться там умом или силой, как нормальные мужики. Но вот чтобы слушать в плеере какие-то там дебильные вопли или носить сережки, как баба? Блин, это вообще никуда не годится. Так ведь можно полностью деградировать. Паша был нормальным пациентом и очень этим гордился. Он всегда мог сказать любому уроду:

— Я — нормальный член общества (и никто бы не засмеялся при слове «член», потому что это тупо). У меня есть цель в жизни, в отличие от тебя, урод. Может, я не слушаю непонятную музыку и не смотрю непонятные фильмы, зато я такой же, как все. И я заработка нормально бабла, куплю себе «хаммер», ну и там, женюсь, заведу детей, подниму их...

Можно, конечно, еще и страну было бы поднять, но за непосильные цели Паша не брался. Дома он поднимал гирю, прокачивал широчайшую и бицур. Он любил слова «поднимать», «опускать» и вообще знал цену словам. Он окончил автотранспортный колледж и работал в сервисе, мастера его хвалили

и говорили, что из него обязательно выйдет толк. Выглядел он абсолютно нормальным: крепкий, не высокий, темно-русый. Как все, мог забухать, поддержать дружескую беседу. Как все, он ходил на дискотеки и рейвы снимать телок и, как все, обычно обламывался, но иногда и ему перепадало. Паша, как все, фигачил в компьютерных клубах в «Каунтер страйк» и, как все, ненавидел эмо...

Хотя это спорный вопрос. С этими розово-черными педиками у него были особые счеты. Началось это давно, еще в школе. Эмо еще никаких не завелось, зато педики уже шлялись везде. На перемене в туалете восьмиклассник Пабло Чачик normally курил и никого не трогал, но тут в тубэ заскочил какой-то наглый старшеклассник и стал, не обращая никакого внимания на Чачика, мочиться в писсуар. Чачик, от нефиг делать, посмотрел на наглеца, отметил разницу в размерах члена в свою пользу, и тут с ним случилось нечто неприятное. Теперь-то он знает, что это пришла обычная самоизвольная эрекция, а тогда он реально испугался. Он, конечно, не дурак и уже пробил все про такое явление, как стояк, но чтобы так, без участия баб, рук и порно? Он решил, что докурился или вообще серьезно заболел. Когда же он понял, что с ним произошло, то испугался еще больше. Слава богу, старшие пацаны во дворе, лучшие друзья Олег и Витос, смеявшись над ним не стали, а сказали уверенно:

— Пидор. Этот чувак в туалете — реально пидор. Точняк. Чего бы ему в кабинку не зайти. Встал перед тобой, красовался. Привыкай, Пашка, пидоры везде. Только умело прячутся.

Не сразу Паша-Пабло осознал, какой важный и полезный инструмент у него теперь всегда имелся под рукой. В следующий раз это случилось на борьбе, когда он уже учился в колледже. Паша шесть лет ходил на классическую борьбу и стал камээсом, но, видимо, раньше пидоры ему не попадались ни на тренировках, ни на соревнованиях. А тут он стоял в партере, а его спарринг-搭档 Сурен как заорет:

— Эй, бля, я с ним не буду бороться, у него стоит!

Вот педрила! А ведь действительно стоял. Паша тогда отлично отметил этого гада после тренировки, но борьбу пришлось бросить. А ведь раньше гомики на борьбе не светились. И Паша спокойно ходил в душ, хотя там всегда было холодно и даже летом почему-то стояли клубы пара. Так из-за педиков не сложилась спортивная карьера Паши. Чтобы не терять форму, он пошел в качалку. Но прижиться там не смог. Качалка оказалась переполнена гомиками. Паша даже не смог переодеться, посидел минут десять в зале, сокрущенно глядя на их раздутые мышцы, с трудом успокоился и ушел. Кто бы мог подумать, качки как один напрягали чуткий Пашин орган. Но не таков был Пабло, чтобы сдаваться. Он стал тягать тяжести дома и на какое-то время забыл про педиков, уверенно двигаясь к своей цели и постигая в колледже азы автомобильной науки.

Общественный транспорт — от него все зло. В автобусах не увидишь голых тел наглых педерастов, зато они умудрялись прижаться к Паше в утренний переполненный час и возбудить его даже через толстую куртку и штаны. Один раз Пабло даже кончил прямо в автобусе, не доехав остановку

до колледжа, и уныло побрел домой переодеваться. С тех пор пришлось ему ходить в колледж и домой пешком. Нет худа без добра, зато теперь он жил в отличном тонусе, каждый день по три часа проводя на воздухе в движении. Пошел самый трудный период в Пашиной жизни. Его простую душу грызли подлые мысли. Наглые пидоры стали приходить в его сны, принося с собой поллюции, и Пашу впервые посетили сомнения в собственной нормальности. И поделиться-то ими, как назло, не с кем. Не будешь же говорить об этом с родаками, особенно с отцом, который, придя с работы и завалившись на диван перед теликом, сразу начинал причитать:

— Вот, пидоры. Надь, ты только посмотри!

Независимо от того, какой канал, фильм, концерт или передачу он смотрел. Не было рядом с Пабло и верных старших друзей, Олега и Витоса. Олег сел за «хулиганку» на год, а Витос служил в стройбате. Тяжело пришлось Паше, но он справился, рос в нем настоящий мужской стержень. Он продолжал ходить пешком и качаться дома. Перестал смотреть телевизор, его вполне заменил комп, на котором можно рубиться в «мочилки» без устали. Перестал париться по поводу снов. Должен же быть от пидоров как-то толк. А по выходным он долгими вечерами обычно дежурил у какой-нибудь концертной площадки, дожидаясь конца мероприятия. Потом выбирал себе гомика посочнее, инструмент отбора в штанах его никогда не подводил, с серьгой или волосатого, с гребнем или просто в красной футболке, не важно. Главное, чтобы он шел к метро один. Паша провожал подлеца в темноте до самой станции, потом резко подбегал — и раз, раз! С левой, с правой, ногой

по наглой пидорской морде, за все поруганные Пашины ночи и душевные страдания. А потом убегал. Иногда во время мести он так возбуждался, что замечал, что эякулировал в процессе казни, только прия домой. Зато спал он после этих праведных насильственных актов как убитый. С телками у Паши было тоже все в порядке. И любовь происходила как положено — по взаимной симпатии и после распития крепких алкогольных напитков. Вот только не снились они Паще, подлые педики не пускали девок в его сны. Так он жил, убив в себе сомнения в своей нормальности, и совершенно правильно делал. Жизнь не замедлила подбросить аргументы в пользу его стойкой позиции. Вернувшись с отсидки Олег с упоением рассказывал, как опускал «чушков» и гонял по зоне «петухов». Дембель Витос не отставал и подкидывал веселые истории про то, как гнобил с друганами духов-пидоров. «Я нормальный, я такой же, как все!» — возликовал Пабло и поделился с друзьями своими победами над гомосячиной.

— Правильно, — поддержали его друзья. — Долбить их надо во все дыры, чтоб Родину не позорили. А то, это, погружают страну в пучину педерастии.

А потом Паша увидел эмо-кидов и понял, что ждал их все последние годы. В Пашиной парадной богатые соседи провели себе кабельный Интернет, и ему повезло подключиться почти задаром. Первые две недели он реально подвис на порносайтах, но вскоре пресытился и стал просто гулять по Сети, произвольно перелистывая страницы. И вдруг его верный «пидометр», а именно так он уже давно называл свой любовный орган, встал в такую стойку, что Пабло чуть со стула не упал. Сайт был не

порнографическим, обычные розовые сопли богатых девчушек, выкладывающих любимые фото. На ровом фоне два полуоголых ушлепка с полузакрытыми волосней лицами целовались взасос. «Ись какие лапуськи — эмо-киды. Чмафф!» — гласила подпись. А под ней некто оставил волшебные слова «эмо — сакс», ставшие впоследствии девизом новой жизни Пабло. Он еще раз, будто не веря в свое счастье, внимательно посмотрел на фото. Нет, таких наглых пидоров он еще в жизни не видел. Подтверждая его мысли, «пидометр» выдал оглушительный выстрел семенем в голову и, если б не трусы, вполне мог бы Пабло завалить. Так Паша Чачик стал эмо-хейтером, охотником за эмо-головами. Теперь он знал про этих ушлепков все, дня не проходило, чтобы он не отвесил тумака кому-нибудь из розово-черных. Вечерами он сидел в Сети и оставлял на эмо-сайтах свои посты типа: «Гребаные эмо, у меня встает, как только я вас вижу. Я тр-у вас в ж-у. Эмо — сакс». Последние слова для Пабло стали воистину волшебными. Стоило ему их мысленно произнести, и он моментально получал полный сатисфекшн. Еще ему очень нравился лозунг глупых позеров: «Эмо — состояние души». Пабло с удовольствием душил бы и душил это состояние. А самое главное, что он чувствовал себя на сто процентов нормальным, в отличие от этих моральных уродов. Ведь подобные посты на сайтах оставлялись в огромном количестве. Судя по ним,екса с малолетними эмо-придурками жаждало полстраны. Ну, или около того. Правда, вплотить свои желания в жизнь антиэмо не спешили, и Пабло с ними был солидарен. Бить — бил, а любовного наслаждения ему хватало в мечтах и, конечно же,

в снах. Вот там он драл их как сидоровых коз, не на жизнь, а на смерть. Его внутренняя половая жизнь стала настолько пресыщенной, что он даже на время позабыл про телок. Но это нормально, вот расправится он с пидовской эмо-заразой, спасет молодежь от деградации, тогда и займется женским вопросом. Он свою жизненную цель помнит, с пути не собьется: бабло — «хаммер» — семья, ну там, жена, дети. Но пока еще бьется в штанах могучий «пидометр», он должен спасать планету. Так что первым делом эмо-бои, эмо-бои. Ну а девушки? А девушки потом. Нормально, нормально. Он такой же, как все.

А ненормальный придурок — это тот пацан у метро, который белобрысому нос сломал. Тоже мне, защитник эмо. Кто не с нами, тот против нас. Конечно, жестко получилось — Пабло не являлся сторонником убийств, но тут уж ничего не попишешь. Либо мы их, либо они нас. Этот гад чуть ему, Паше, своей здоровенной ногой по морде не попал, еле увернулся. А белобрысый, когда они убегали, распереживался, даже разревелся: мол, я не хотел, сам не знаю, как вышло. Неустойчивый тип, надо б и его «пидометром» проверить. Четыре дня прошло после зачетного мочилова, и все это время Паша не трогал эмо ни на улицах, ни в мыслях. Не сутился. Но даже в Интернете волна интереса к событию спала, и завтра Пабло обязательно выйдет на охоту, ведь это последнее лето перед армией и нельзя терять ни одного дня. А пока пора ложиться спать, завтра ему, слава богу, во вторую смену, можно спать...

«Ни фига себе обстановочка», — подумал Эгор и захотел немедленно вернуться в Эмомир к оставшемуся у кровати клоуну. Но это равнялось бы

малодушию, и он скрепя дырку от сердца остался. Его черная сонная кровать стояла на самом краю десятиметрового бассейна в шикарной бане. В огромном зале, облицованном красной плиткой, и огромном бассейне с голубой водой было полно обнаженных юношей с одинаковыми эмо-прическами, пухлыми губами и подведенными глазами. Все они выглядели бледными и изможденными, и на фоне их тощих тел прежде всего в глаза бросались гипертрофированные размеры их мужских достоинств, которые находились в перманентной боевой готовности. «Какая гадость, — поморщился Эгор, прикрыв глаз рукой. — Я попал в сон к какому-то извращенцу. Может, это день рождения Элтона Джона в Сандунах? Может, я вообще не туда попал? А не свалить ли из этой клоаки?» Пока он мучился сомнениями, юноши, как зомби, переминались с ноги на ногу, не обращая ни малейшего внимания на Эгора. Поборов отвращение, Эгор решил все-таки дождаться хозяина сна. «Если это не сон маленького крепыша, то я полный идиот. Но я не полный, а тощий идиот. Меня убили, закинули в чье-то безумие, и единственное оправдание моего нынешнего существования — это возможность отомстить, если не считать лестного предложения жирной бабочки стать ее мужем... А в бассейне я бы поплавал, может, наплевать на этих хренастых доходяг и проплыть соточку быстренько...» Его сомнения прервал громкий властный рык.

— Эмо — сакс!

Эгор быстро убрал руку от глаза. Из двери парилки, которой он сначала не заметил (по понятной причине), вышел распаренный красный дымящийся

мужичок в простынке, перекинутой через плечо, на манер римского патриция. Роста он был небольшого, телосложения крепкого, и Эгор сразу узнал его злые, словно горящие обидой глаза. Только прошлый раз они горели над банданой, закрывавшей лицо. «Жалкий извращенец», — думал Эгор, с отвращением глядя, как крепыш, не замечая его, по-хозяйски хлопает в ладоши, и зомби-эмо начинают подходить к нему, вставая на колени. Постепенно образовалась целая шеренга стоящих на коленях зомби с полуоткрытыми ртами. Не желая видеть продолжение этого кошмарса, Эгор закричал что есть сил:

— Эй, больной ублюдок! Да ты же просто ненормальный, тебе лечиться надо. Я пришел тебя убить, но, похоже, тебя достаточно кастрировать.

— Что такое? — оторопел Пабло. Он посмотрел на трясущегося от гнева высокого эмо во всем черном. — Это что-то новенькое. Какая-то кровать. Ты почему одет? Ну-ка, ко мне, педик!

Эгор молча щелкнул пальцами, и Пабло увидел себя на экране родного телевизора глазами отца.

— Надь, иди скорее, посмотри. Совсем уже охренели — пидоров в бане показывают. А это ж Пашка! Вот пидор! Ты гляди, что делает, сукин сын! Недоглядили!

— Я нормальный! — закричал Пабло и вместо отца увидел зеркало, а в нем свое отражение с остолбеневшим «пидометром».

— И ты, Пабло... — с горечью сказало отражение и манерно махнуло на него рукой.

— Я — нормальный, нормальный. Это вы, суки, выпендриваетесь, выделяетесь одеждой своей пидовской и музыкой. Я — нормальный, я такой, как все!

Паша встряхнул упрямой круглой головой и топнул сильной ногой по красной влажной плитке бассейна:

— Ты кто такой, гад? А ну проваливай, а то убью.

— Так ты ж меня уже убил, теперь моя очередь.

— Врешь ты все, я никого не убивал.

— Не узнаешь? Ах да... Я сам себя не узнаю.

— Я знаю, кто ты, — тихо сказал Пабло и отошел от своихекс-рабов. Его «пидометр» уныло повис. — Ты тот придурок, который вступил за эмо. Ну что, давай биться, я вас, пидарасов, не боюсь.

— Вот еще — руки об тебя марать, — презрительно поморщился Эгор. — Съеште его, ребята! — И хлопнул три раза в ладоши. А потом прямо в одежде прыгнул в бассейн и поплыл, понимая, что сон крепыша подходит к концу.

— «Съеште его» — вот придурок. — Пабло засмеялся, но, повернувшись к своим жалким жертвам, увидел, что они встали с колен и медленно пошли на него. Глаза их горели из-под чепак плотоядными красными огоньками.

Пабло с удивлением увидел, что у них есть зубы, да еще и такие острые.

— Эй, вы куда прете? Офигели в атаке? Ну-ка, эмо — факс!

Зомби окружили Пашу, вытянув вперед руки с черными ногтями, и он впервые в жизни реально испугался, в большей степени из-за того, что забыл волшебные слова.

— Эмо — такс! Эмо — пас! Эмо — фас! — надрывался он, в ужасе понимая, что ему уже не вспомнить правильное сочетание слов, всегда превращавших

эмо в покорных жертв. Черный колдун, самозабвенно плавающий в бассейне, украл их из его головы.

— Эмо — ска-с-с, — промямлил Пабло, взглянулся на склокоженный «пидометр» и заплакал. — Не ешьте меня, пидоры. Я нормальный, я нормальный.

Но это не помогло. Голодные эмо-зомби, вышедшие из-под его контроля, уже впились острыми зубами в его горячую распаренную плоть и стали рвать Пашу на куски. Какой-то пидор укусил драгоценный «пидометр», и Пабло бешено заорал. Черный эмо вынырнул на крик, дельфином выпрыгнув из бассейна, и припечатал костлявым кулаком голову Пабло к кроваво-красной банной плитке прямым ударом в лоб. Голова треснула, как спелый арбуз, семечки и куски красной сладкой мякоти разлетелись по бане...

Пабло сидел на кровати, весь в холодном поту, голова раскалывалась от боли. Он встал и, стараясь не думать о приснившемся кошмаре, пошел в свой совмещенный санузел. Паша включил свет и посмотрел в зеркало. На лбу красным сургучом горела адская печать — череп с костями. «Фига себе». Паше немедленно захотелось отлить, он сунул руку в трусы, но ничего там не нашел. Снова заливвшись холодным потом, Пабло, пересилив страх, заглянул в трусы. «Пидометр» висел на месте. Просто рука не узнала его, такого чужого и бесчувственного. Паша понял, что пришла беда, сел на край ванны и горько заплакал. Потом взял себя в руки, прекратил реветь, встал под холодный душ и стоял под ледяными струями, пока все тело не заледенело и не онемело, как мертвый орган между ног. Выйдя из-под душа, Пабло залепил пластырем крест-накрест шишку на лбу

и, пытаясь ни о чем не думать, вернулся к кровати. «Нужно просто заснуть. А когда я проснусь, все будет нормально», — успокоил он себя. Но не тут-то было. На будильнике высвечивались семь часов утра, за окном расцветало тихое летнее утро. У соседей сверху лаяла собака, стараясь обратить внимание хозяев на свои туалетные проблемы. Во дворе урчал заводящийся «жигуль». Мир просыпался, обычен, реален и прост. Противный скрежещущий шорох привлек внимание Паши. Он посмотрел на потолок. Там, словно гекконы, держась за побелку всеми четырьмя растопыренными конечностями, ко-пошлились с десяток бледно-голубых зомби из проклятого сна. Вывернув на сто восемьдесят градусов тонкие шейки и свесив с потолка рваные челки, они плотоядно разглядывали Пабло, облизывая жирными проколотыми языками острые пики зубов, и ждали, пока их жертва заснет. Пабло молнией вскочил с кровати, наступив на высунившуюся из-под нее руку с черным обгрызенным лаком на ногтях. Рывком схватил со спинки стула спортивные штаны и метнулся к окну, на лету умудрившись натянуть треники. Рванув на себя оконную раму, он ловко выбросил со второго этажа хрущобы свое спортивное тело и без проблем приземлился на мягкое газоне. Не останавливаясь ни на секунду, Пабло бросился бежать прямиком в отделение милиции, которое было в двух кварталах от дома, затылком чувствуя, как за ним, не торопясь, но и не отставая, бегут голые голодные страшные существа.

— Врете, пидоры, не взять вам меня!

Паша бежал легко — сказывались тренировки — и вскоре пулей ворвался в отделение. Дежурный

лейтенант Петров проснулся и, отвалив могучую челюсть, уставился на полуголого крепыша, мячом влетевшего в дверь и сразу заблокировавшего ее всем своим телом.

— Ты что, огузел? — заорал Петров.

— Пидоры идут. Зомби-пидоры! Они нас всех сожрут! Запирай дверь, зови подкрепление. Объявляй тревогу по городу. Эмо-кидоры уже здесь.

— Белочку поймал? — выдохнул Петров. — Я тебе сейчас покажу кидоров, мать твою!

— Скорее! — взмолился Пабло. По дверям с той стороны противно заскребли острыми ногтями. — Скорее подмогу!

В обезьяннике проснулся и засуетился недовольный шумом синий бомж.

— Сейчас, сейчас, — сказал Петров. — Сейчас.

Он и правда вызвал подмогу. Но почему-то подбежавшие к Паше милиционеры стали отрывать его от двери, крутить руки и бить по почкам дубинками. Заломать Пашу было непросто даже вчетвером, он боролся до последнего, хрюпал, выворачивался и кусался. С одного из сержантов слетела фуражка, и Паша в ужасе увидел выпавшую из-под нее засаленную челку. Тут же огромная ладонь с черными ободками грязи под ногтями вцепилась ему в лицо.

— Ага, — закричал Паша, — вы уже здесь! Ментовку захватили!

Четыре могучих милицейских тела наконец-то справились с буйным крепышом, заломили ему руки за спину, уронили на пол и теперь пытались надеть наручники. Захлебывающийся страхом, обидой, кровью и соплями Пабло, находящийся в центре

кучи-малы, неожиданно испытал знакомое чувство наполненности жизни. «Это конец, — понял он. — Пидометр заработал, ура!» От радости он перестал сопротивляться на какое-то мгновение, которого и хватило милиционерам, чтобы повязать его по рукам и ногам, запихать в рот кляп, засунуть в обезьянник и спокойно вздохнуть.

— Пипец, какой здоровый, — пожаловался сержант с разбитым глазом, — ну в смысле, больной. Но здоровый.

— Бухой? — зевнув, поинтересовался Петров.

— Нет, вроде выхлопа нет. Обдолбался чем-то. Грибами, наверное.

— Не, не грибами, — сказал молодой милиционер. — Не сезон еще. Похоже, филателист.

— Да уж, редкостный мутант! Чего с ним делать-то? Оформлять? — спросил Петров сам у себя. — Может, в камеру к таджикским цыганам его?

— Да ладно тебе, Леха, — вступил сержант, — нормальный пацан, ну убрался, с кем не бывает? Вызывай психиатричку.

Пабло лежал в обезьяннике, над ним с любопытством склонился бомж. На бомже были рваные кеды и грязный джемпер в ромбик. Один глаз заплыл фиолетово-черным бланшем, а на второй свешивалась рваная челка. Пабло захрипел и червеобразными движениями забился в угол, откуда его и достали быстро приехавшие санитары. Пожилой угрюмый доктор скептически оглядел его и попросил вытащить кляп. Сержант опасливо выполнил просьбу врача.

— Я нормальный, — незамедлительно сообщил Пабло. — Отделение милиции захвачено пидорами. Это менты-эмо-зомби. Убей эмо — спаси мир.

— Достаточно, — сказал врач и вздохнул. — Это наш клиент. Забираем его в «Скворечник».

Через час Пабло оказался на белой кровати в смирительной рубашке, и хотя внешне, после серы в четыре точки, он быстро и надолго успокоился, внутри кипели страсти. «Все, пропал этот мир, — сокрушался Пабло. — Ну хоть пидометр жив. Мы еще повоюем!» Так простого нормального парня Павла Чачика эмо-пидоры до дурки довели...

Над Эмомиром поднималось розовое солнце. Фонари на площади Спального района продолжали гореть, потому что никогда не выключались. Под ножками черных кроватей расползался уже такой знакомый розовый туман. Эгор встал с кровати, его худое тело передернуло долгой судорогой. Он словно пытался стряхнуть с себя не только виртуальную воду из бассейна, но и всю грязь больного сознания Пабло, которая, как ему казалось, налипла на него жирными кляксами.

— Б-р-р, — сказал Эгор, — эй, толстый, я уже здесь!

Клоун оторвал голову от подушки.

— О, брат. Быстро ты управился. А я тут с Тиной Канделаки языком зацепился. Как крепыш? Ты его убил?

— Все гораздо хуже, чем я думал. Он оказался безнадежно больным на голову прикурком и грязным извращенцем.

— Н-да? — Клоун прищурился. — Так ты убил его?

— Его сожрали геи эмо-зомби, герои егоексуальных фантазий.

— Трэш какой-то. Не пойму, он умер?

— Я убил его морально, чувак. Физически он слишком крепок, даже для меня. Можно попробовать еще раз, но я ни за что больше не окунусь в эту клоаку. Сколько там времени?

— Семь утра, а что?

— Хочу покончить со всем этим прямо сегодня. Боюсь, что злобная бабочка может передумать и сорвет все мои планы. Короче, хочу прямо сейчас отправиться к блондину со сломанным носом, который меня фактически и убил. Надеюсь, у него сны поприятней.

— А как же телка? Ну, та, которая дала ему баллон? Ты же хотел и ее...

— Нет, я передумал. Не геройское это дело с бабами в бабских снах воевать.

— Понятно. Ну что ж, удачи. Мочи белобрысого, а я, пожалуй, тоже в бабские сны сегодня больше не полезу. Зайду для разнообразия к Абрамовичу, интересно же, что ему может сниться.

— Потом расскажешь. Все, я ныряю.

Эгор лег на кровать, вжался лицом в подушку и представил себе прозрачную ненависть голубых глаз блондина в арафатке.

ГЛАВА 15

Тридцать ненаписанных писем

Эмобой стоял на крыше в центре города. День явно устал и пытался смениться вечером. Нервный ветер гнал пушистые облака. Везде, куда мог достать взгляд Эгора, были крыши, крыши, крыши. Старые, не крашенные десятилетиями, и модные везунчики, обитые жестью и рувероидом, игривые башенки арнуво и далекие пузатые купола соборов — все они казались пустыми и грустными, словно за их покатыми спинами прятались понурые головы и нервно сцепленные руки. На душе у Эгора стало тревожно. Он пошел по крыше, обойдя сначала огромную усатую телевизорную антенну, потом, обогнув атавизм общей печной трубы, увидел их. Они сидели к нему спиной, свесив ноги с крыши, в полуметре друг от друга.

Блондинка он узнал сразу, а девушку... С ней все обстояло гораздо хуже. Глаз Эгора налился кровью, фантом сердца подскочил к горлу и перекрыл дыхание. Своим силуэтом на фоне угасающего солнца, светлыми прядями на затылке и розово-черными гетрами на руках она просто парализовала сознание несчастного Эмобоя. «Не может быть! Кити здесь, но почему? Он похитил ее, взял в заложницы, хочет скинуть с крыши», — метались кометы-мысли уже

бегущего к парочке Эгора. Блондин, сидевший к девушке вполоборота, уже протягивал ей руку, когда услышал стук шагов по крыше, и в этот же миг девчонка легко, как пушинка, скользнула вниз.

— Нет! — одновременно завопили в отчаянии две мужские глотки.

Эгор, продолжая кричать, летел головой вниз с вытянутыми вперед руками, пытаясь схватить ногу в смешном кеде в ромашках. Но тщетно, девушка упала раньше. А Эгор, как кошка, мягко приземлился рядом с ней. Она лежала на спине замысловатым иероглифом, нелепо раскинув руки и ноги. На красивом лице застыли обида, непонимание и удивление. Белые волосы, белая блузка и задравшаяся белая кружевная юбка, надетая прямо на джинсы, на глазах меняли цвет на красный. В маслянистую лужу крови на асфальте вокруг тела скользнула тонкая струйка из уголка рта самоубийцы. Мертвая девушка оказалась совершенно незнакомой Эгору, и вблизи она совсем не была похожей на Кити. Боль и страх за Кити сменились жалостью и чувством вины перед этим несчастным созданием. Эгор встал на одно колено, взял холодеющую тонкую руку в ладонь и стал гладить ее, как замершую птичку. Его душили слезы, он забыл, кто он и зачем сюда пришел. В себя его привел сильный толчок в бок. Эгор упал, больно ударился и сразу вспомнил, что он во сне у своего убийцы, в абсолютно пустом и чужом городе. Он резко вскочил, готовый к бою, и увидел, что белобрысый сидит в двух шагах от него, бережно держа на коленях истекающее кровью тело девушки. Тело его сотрясалось от молчаливых рыданий. В глазах блондина зоркое око Эгора читало

боль, отчаяние и ненависть такой силы, что под стать им были лишь его собственные чувства. Удивительное дело — он пришел сюда, чтобы убить этого человека, а теперь стоял и безуспешно пытался подобрать слова, способные утешить его, понимая, что это не под силу даже супергерою.

— Что, доволен, гад? — по-своему истолковал его блуждающий взгляд поднявший голову блондин.

— Я пытался ее спасти.

— Что ж не спас? Хотя бы разок, для разнообразия. Каждую ночь ты убиваешь ее у меня на глазах.

Эгор оторопел от неожиданного обвинения:

— Во-первых, я первый раз ее вижу. Во-вторых, она спрыгнула сама.

— Нет, это ты послушай, чмо. Во-первых, я тебя вижу каждую ночь с тех пор, как узнал о ее смерти. А во-вторых, она не прыгала сама, она просто глупая влюбленная девчонка, а вы забили ей голову своими суициальными задвигами. Всего месяц от меня не приходило писем, ну, может, два, но вам, сволочам, хватило, чтобы убить ее.

— Слушай, парень, не офигевай! — закипел Эгор. — Не знаю, что ты там видишь каждую ночь, но думаю, что твоя вина в этом тоже есть. Если у тебя такая чувствительная девчонка, чего же ты ей тогда не писал?

— Не твое дело, жалкий эмо-чмошник, тебе вообще меня не понять!

— Я не эмо!

— Ха! Ты себя в зеркале-то видел?

— Ах ты сволочь! — взорвался Эгор. — Неделю назад я бегал по свету веселым, молодым и живым,

но ты, гад, плеснул мне огнем в лицо, и теперь я мертвый мститель. И пришел я не за твоей подружкой, а за твоей трусливой душонкой, которую ты прятал за арафаткой.

— Ты тот парень? — Блондин встал, аккуратно уложив мертвую подругу на тротуар. — Егор Трушин? Я не хотел тебя убивать. Ты сам нарвался. Я ждал, что ты придешь, но не думал, что в таком виде. Я не боюсь тебя и не раскаиваюсь, но мне правда жаль, очень жаль тебя.

— Смешно слушать твою дешевую ложь. Я все равно убью тебя, но сначала хочу знать, что случилось с твоей девчонкой.

Белобрысый молчал, было видно, что в нем борются противоречивые чувства, но желание поделиться мучившей его болью все-таки победило. Когда он заговорил, голос его был тихим и грустным.

— Я никому еще этого не рассказывал. Мы встречались до армии, но я ей ничего не обещал, не знаю, чего она там себе напридумывала. У меня были еще подружки. Другие. И после армии я собирался отжигать по полной, а она присыпала мне письма: про вечную любовь до гроба, что без меня ей свет не мил, что она считает каждую секунду до встречи и не отпустит меня ни на миг. Я испугался полного рабства... Я облажался, Егор. Я хотел еще немного погулять и не понимал, как сильно я ее люблю. Взял паузу, хотел подумать, собраться с мыслями. Ну и до дембеля оставалась всего пара месяцев. Не хотелось из-под армейского сапога попадать сразу под женский каблук. И если бы я знал тогда, что творится в ее душе. Она ждала моих писем два месяца, а раньше я писал ей через день.

А потом она оделась во все белое и спрыгнула с крыши. За день до моего возвращения. Оставила мне записку: «Мир без тебя ничто, и меня без тебя нет, не буду тебе мешать, уходя, выключаю свет». Себя убила и меня убила. Я же эти два месяца, пока не писал, все думал, думал и решил ей предложение сделать. Понял, что она мне дороже свободы. Да только поздно.

— Грустная история. Только при чем здесь эмо и за что ты меня убил?

— Да не хотел я тебя убивать. Да и эмо этих поганых я тоже убивать не собирался. Сказали мне друзья, с кем Светка моя тусовалась, посмотрел я в Интернете картинки эмовские, лозунги всякие и понял, кто ей мозги набекрень свернул. Розово-черная зараза, суицидные подпевалы.

— Понятно. Ты со своими чувствами слишком долго разбирался, а виноваты эмо, давай их валить.

— Не валил я никого. Это профилактика, пойми. Мы запугиваем девок, чтобы они уходили из этой депресухи суициdalной, а ты просто под руку попался. Я сейчас весь мир ненавижу. Если бы у меня на дороге тогда лучший друг встал, я бы и его...

— Ненависть тебя ослепила. — Эгор осекся. — Кстати, как тебя зовут?

— Виктор, — угрюмо сказал блондин, опасаясь, что странный эмо сейчас протянет руку.

— Победитель, значит. Ладно. Я, Виктор, как ни странно это прозвучит, по поводу ненависти понимаю тебя в данный момент, как никто не поймет. Это она, голубушка, меня сюда привела. И вот что я хочу тебе сказать. Если б я знал точно, что после

того, как я тебя убью, ты попадешь к своей Светке, я бы тебя убил, хотя это уже не месть, а подгон какой-то получился бы. Но убивать я тебя не буду, у меня про тебя сейчас другая идея появилась.

— Убивать он меня не будет. Идея у него. Ты сначала попробуй. Пока 1:0 в мою пользу.

— Не понтуйся, красавчик. Я ведь не Егор, я теперь совсем другая птица.

И, сам поверив в свою мощь, он резко обернулся и обрушил здание на противоположной стороне улицы взглядом-молнией. Когда грохот утих и пыль осела, он сказал притихшему Виктору, заслонившему руками труп подруги.

— Достаточно? И это в твоем сне, парень! Ты спиши, поверь мне, но когда ты проснешься, ты будешь помнить мои слова. Твоя Светка всю твою жизнь будет рядом с тобой, это я знаю точно. И ты никогда не сможешь увидеть ее или почувствовать, но она всегда будет рядом. И единственное, что ты теперь можешь сделать для нее, это быть счастливым по мере возможности. Сложно теперь тебе будет, но ты уж постараися. И вот еще что, услуга за услугу. Ты говоришь — я каждую ночь на крышу прихожу, когда ты там со Светкой сидишь и прощения просиши?

— Да, именно так. Только я не прощения прошу, а в любви объясняюсь. Ты выходишь, и она падает. А я просыпаюсь...

— Ну да, тридцать ненаписанных писем ей читаешь. Так вот, Витя. Не буду я больше в твоем сне появлятьсяся. Слово даю, хоть и не знаю, как раньше тут оказывался. Больше не буду. Но с одним условием.

— Душу, что ли, попросишь? — криво усмехнулся блондин. — Или чтобы я в эмо пошел?

— Да, в башке-то у тебя — каша. Девушка у меня есть. То есть была. Зовут Катя Китова. И люблю я ее так же, как ты свою Светку. Хотя я это тоже слишком поздно понял. Уж больно мы с тобой похожи, Витя.

— Хочешь, чтоб я ей тебя заменил?

— Меня ей никто не заменит. А новую любовь она себе сама найдет. Слушай внимательно. Лежит она сейчас, по твоей воле, в Первой городской больнице на неврологии. Поедешь туда утром, купишь ей розовые кустистые розы и скажешь ей про меня то, что я тебе про твою Светку сказал. А чтоб поверила она тебе, скажешь, что я сердце ее на кровати видел — красивое, а вот новую татушку так и не разглядел. А еще скажи, что я теперь не против, пусть клоуны правят миром, но только добрые. И не вздумай признаваться ей, кто ты. Скажешь, что приятель мой. Все понял? Все запомнил?

— Да, все понятно.

— Но и это еще не все. Залезешь в Интернет и раскидаешь по всем эмо- и антиэмо-сайтам следующую инфу: Диму Лазарева и Пашу Чачика за свое убийство покарал Эгор Эмобой, страшное чудовище, и если кто-то мою девчонку или ее друзей обидит, с ним то же самое будет. Понятно излагаю?

— Ну да, — неохотно процидил Виктор, решив не спорить со страшным созданием.

— Ну, раз ты такой понятливый, живи пока. Я тебе только напоминалку оставлю, чтоб ты не думал, что это всего лишь сон.

Резким ударом Эгор поставил свою фирменную печать на лоб Виктору. Тот пошатнулся, но устоял на ногах.

— Ты что, гад, охренел? — схватился за голову блондин.

Эгор усмехнулся:

— Думаю, за убийство это не слишком страшная расплата. Правда, боюсь, придется тебе теперь чечочку отпустить и носить всю жизнь, чтобы украшение мое скрывать. Главное — не лысей. Ладно, прощай, Виктор. Целоваться не будем. Если все, что я велел, выполнишь, больше не увидимся. Общайся со своей Светкой во сне. Сколько хочешь.

Эгор открыл глаза и, сильно выдохнув, сел на кровати. На его обычно несчастном лице блуждала улыбка, освещенная утренним эмо-солнцем. Он почему-то был уверен, что Виктор выполнит все его просьбы.

ГЛАВА 16

Эйфория

Телу свободно и весело,
хочется дрыгать ногами,
а день — такой, как вчера.
Странно.

Хочется, чтобы весь мир
танцевал и забыл обо всем,
что печалит его.

Странно.

Силу просторную чувствую,
словно резиновой радостью
тело заполнено.

Странно.

И в голове все настроено
ясно, спокойно и понятно,
как на море в штиль.

Странно.

Может быть, это от воздуха
или от сна, где безумно
тебя целовал.

Странно.

Эгор записал в свой дневник очередное стихотворение. Его просто распирало от чувств, и если бы он не смог выпустить их на свободу, то рисковал бы получить шарообразную комплекцию клоуна.

Тик-Так, хотя и не мог поймать ежесекундно разлетающихся от Эгора птичек радости, уже досытая наелся поросятами самодовольства и зайчиками веселого смеха, которыми в изобилии его снабдил Эмбой. Они гуляли, шутили, веселились, в общем, отдыхали как люди, выполнившие свой долг, и, надо сказать, имели на это полное право. Утром они побывали в Реале и проконтролировали свидание Кити и Виктора. Все прошло отлично, белобрысый слово в слово повторил все так, как его просил Эгор. Кити уже не лежала под капельницей. Она сидела на кровати, держала в руках букет и безучастно выслушала Виктора, не сказав ни слова. Но в ее глазах Эгор умудрился увидеть не только осмысленность, но и некое подобие улыбки. Во всяком случае, ему очень хотелось в это верить. На коротко стриженной голове блондина была бандана, закрывавшая раненый лоб. Как только Виктор ушел, Кити встала с кровати и пошла искать своего врача, которому сказала, что все прошло и она готова выписаться. Она говорила, Эгор слышал ее тихий, пусть пока слабый, не окрашенный ничем голос, и душа его пела, как соловей. Он вернул ее к жизни, и она будет жить. Ему удалось то, что не удавалось врачам. Значит, он все сделал правильно, не поддавшись ненависти и не убив белобрысого. Радостный и довольный, пробыв с Кити все тридцать семь отпущенных ему в Реале минут, он вернулся в Эмомир, который все больше становился ему родным. И с тех пор они с клоуном бесцельно болтались по улицам и площадям Эмотауна. Хотя цель в процессе прогулки все-таки появилась. Эгоро нравилось менять этот мир, перестраивать его под себя. Чем

больше добрых чувств он испытывал, тем больше разноцветных существ и растений появлялось вокруг. Некоторые, конечно, сразу исчезали в ненасытной утробе Тика, но ведь накормить друга — это тоже приятно... Эгор целовал встречающихся на пути девчонок эмо-кидов, которые визжали от неожиданной радости и срочно бежали делиться ею со своими подругами. Он жал руки встречным парням эмо-кидам и обнимался с ними, как со старыми друзьями. Он гладил плюшевых мишек и делал уси-пуши тряпичным куклам. На огромной площади, где из глаза его статуи била в воздух тугая струя водяных слез, Эгор разделся и полез купаться в небольшой круглый бассейн фонтана. Вокруг сразу собралась толпа зевак эмо-кукол, которые улюлюкали, подбадривали его, пускали розовые слюни и кричали:

— Эмобой — наш герой!

Плюхнувшись в воду, Эгор осознал, что он совершеннейшим образом пьян. Как тощий, но очень довольный тюлень, он лег своей дистрофической грудью с почти затянувшейся дырой на парапет бассейна и потянулся татуированными руками к клоуну, с любопытством наблюдавшему за площадным действием. Бассейн фонтана к этому времени наполнился веселящимися эмо-кидами и их медведями. Куклы бесновались на полную катушку, вода бурлила под руками и лапами барахтающихся тел. Эгор попытался обнять клоуна, но тот сделал шаг назад.

— Толстяк, а ты чего не купаешься? — с трудом ворочая языком, сказал Эгор. — Тут офигенно, чувак!

— О-о-о, брат, да ты же в пьян в дрова. Хорош Эмобой! Герой — невменько.

— Я ничего не пил, не знаю даже... как я так
нажрался? Клоун! Может, тут вода пьяная?

— Нет, брат! Это все в тебе. Ты пьян своею
эйфорией. Звучит как марка старого доброго вина.
А купаться я не могу, у меня много новых татуи-
ровок, не хочу их мочить.

— Да? Что-то ты темнишь, толстый. Ну и ладно.
Мне весело, Тик! Я помог Кити. Черт побери! —
И Эгор, оттолкнувшись от бортика, торпедой ушел
в толпу радостно завизжавших купальщиков.

— Ну-да, прямо цирк какой-то, только морских
котиков не хватает, — пробормотал себе под крас-
ную грушу Тик-Так.

— Может, ученые подойдут? — нарисовался не-
известно откуда эмо-кот в роскошном парчовом ро-
зовово-черном пальто и в новых кедах, черных, в
розовую мышку. — Признаюсь, я такого веселья в
Эмомире еще не наблюдал, разве что в Барбикен-
стве. Я думал, эмо-киды только плакать и канючить
умеют, ну, в крайнем случае, ругаться друг с дру-
гом.

— Добрее надо быть, животное. Глядишь, и
жизнь тебе в ответ улыбнется, — сказала вынырнув-
шая из неожиданно, но очень своевременно опус-
тившихся на площадь сумерек кукла Мания. Она
быстро сняла свои шорты и сумку. И не успел кло-
ун, у которого челюсть отвисла на метр, отпустить
какую-нибудь сальность про ее прелестный зад, как
она бросилась с головой в кипящую телами воду.

— Ну вот, вся банда снова в сборе, — сказал про-
водивший жадным взглядом полет Мании Тик. —
А ты не хочешь искупаться?

— Я же Кот!

— Ну да. Кот в кедах — герой моей любимой эмо-сказки. Гы-гы-гы, — заржал клоун.

Эгору, резвящемуся в бассейне, совсем не понравились наступившие сумерки. Серпик луны не соответствовал его настроению. И хоть розовый рассвет уже проклонился на горизонте, он решил его не дожидаться. Эгор встал в полный рост и произнес:

— Да будет свет!

Темное небо Эмомира покорно отреагировало на его приказ, засияв переливающимся неоновым разноцветьем. Все тусующиеся на площади радостно завопили и захлопали в ладости.

— Вечеринка продолжается! Жжем не по-детски! Зажигаем небо! — кричал в экстазе Эгор.

Не хлопали только клоун и Кот. Вернее, хлопали, но только глазами — от удивления и недоумения.

— Он сам не знает, что в него заложено, — бормотал Кот. — Он становится все сильнее и сильнее и меняет Эмомир под себя. Королева не обрадуется.

— Да. Какому же правителю понравится, когда рядом кто-то в сто раз могущественнее тебя. Вот она и стремится загнать Эгора под каблук, наивная. Интересно, а по трезвяку у него получится повторить этот фокус с северным сиянием?

— Не думаю, что Эмобой сильнее Королевы. Они равны по силе, единственные высшие создания в Эмомире. Но Королева — зрелая женщина, а Эгор — еще просто ребенок. Посмотри, как он развится в лягушатнике с этими куклами.

— С эмо-кидами. Ну да. Дети. Эгор как будто снова в ванне со своими разноцветными игрушками.

Взрослые не получают такого кайфа от купания. У них другие игрушки, хотя у некоторых все равно резиновые.

— Вот. Обязательно надо спошлить. Еще и так плоско.

— Видишь ли, Кот, я и сам раньше был плоским. Теперь я круглый, а шутки так и остались плоскими.

— Ну ладно, эту nudistскую вечеринку пора заканчивать. Ваше сиятельство! — сложив лапы ру-пором, закричал Кот. — Ваше сиятельство! Госпо-дин Эмбой!

Но Эгор не обращал на него никакого внимания, продолжая баражаться в воде.

— Чего ты прикопался к парню? Пусть веселится. Наконец-то он забылся и может не думать про свои беды. Вали в свой дворец, у него еще два дня. Зачем весь кайф обламывать.

— Нет. Нет у него никаких дней. Королева переоценила свои душевые силы. Она не в силах больше ждать. Она просто рвет бабочек и мечет ножи во всех придворных. Она летает по дворцу, как привидение, и стонет, как сто голодных львиц. С тех пор как Эгор вышел из дворца, она ничего не ест, лишь пьет амброзию и кричит: «Приведите его скопей!» К тому же, как я понял, Эгор покончил со своими делами чести в Реале.

— Не нравится мне вся эта ваша затея с союзом бабочки и Эмбоя! Ничего хорошего из этого не выйдет. К тому же Эгор добрый и не будет ни с кем воевать. Он даже своих убийц пощадил.

— Простить своих врагов есть высшая мера наказания для них. На такое способны лишь самые

великие воины. И только такой воин и может стать королем Эмомира. А насчет потомства не беспокойся, это не твоего ума дело, клоун.

— Тыфу, зануда хвостатая, — в сердцах плюнул Тик и отвернулся от Кота.

— Мания! — истошно завопил Кот, будто вспомнив мартовскую молодость. — Эгор! Пора заканчивать мальчишник.

— Котяра! Здорово, псих! Чего так орешь? Клоун на хвост наступил? — Эгор вынырнул из воды прямо перед ученым и, мокрый и голый, полез обниматься. — Вот теперь ты точно моченый. А я гуляю — жгу — тусую. Имею право. Я Кити спас, Кот. Правда, правда. Скажи, клоун.

— Ваше сиятельство, — вывернулся юлой из объятий Эмобоя Кот, — вас ждет Королева, срочно.

— Что случилось? — сразу приуныл и осунулся Эгор. — У меня еще два дня. Никаких королев, Кот! Ну что за подстава.

— Прикройтесь, сир, тыфу, Эгор!

— О, точно. Извините. — Стремительно трезвея, Эгор кое-как натянул свои узкие джинсы и балакон.

— «Праздник кончился. Добрые люди второпях надевают кальсоны», — грустно продекламировал клоун.

— Ну что, доволен, котяра? Не можешь видеть, когда кому-то хорошо? Испортил веселье? — спросил одетый Эгор. — Рассказывай, чего твоей бабочке приспичило?

Из бассейна выпрыгнула Мания, на секунду обняла Эгора сзади, прижавшись к нему всем телом, и сразу отпрыгнула, испугавшись то ли своего по-

рыва, то ли непонятных зверьков — смеси обиды и недоумения. Они были похожи на гибрид ехидны с голой кошкой, на длинных, словно надломленных, птичьих ножках и скатывались с Эгора вместе с хмелем.

— Ну, я весь внимание, — сказал Эгор, вопросительно глядя на Кота, который встал в позу, готовясь произнести речь, и выдерживал паузу, как обычно нервно поправляя очки.

Паузы хватило Мании, чтобы натянуть шорты, клоуну — чтобы пустить слону, подглядывая за ней, а Эгому — чтобы окончательнопротрезветь и разозлиться. Внезапная темнота, накрывшая площадь шапкой-невидимкой, разрядила атмосферу. Будто огромная черная туча закрыла сияющую цветомузыку зажженного Эгорм неба. Тусовка в бассейне замерла в ожидании, и как только черная туча обрушилась на площадь тысячами фрагментов-бабочек, куклы, не одеваясь, бросились бежать прочь. Все пространство вокруг фонтана шелестело крыльями, словно бархатная душа ночи ожила, спустившись с неба и порхала вокруг Эгора. Траурницы, бражники, мертвые головы... Кроме них, вокруг ничего не было видно.

— Эй, кто девчонок заказывал на вечеринку? Эгор, не ты? Путана, путана, путана — ночная бабочка, но кто же виноват? — пропел невидимый в бабочном роении Тик-Так.

— Опять пошлиши ты, красный недоумок, — услышал Эгор знакомый гипнотический, чуть скрежещущий голос.

Вмиг на площади снова стало светло. На пылающее разноцветное небо всходило солнце, фрей-

лины королевы сели на площадь, образовав широкий круг, в центре которого зависла Маргит, вперив зеленые глаза в Эгора и трепеща, как квадратный черный флаг.

— Приветствую тебя, мой юный Эмобой! Как утренние воды, не прохладны? Я слышала, тебя поздравить можно, всех ты победил? Огонь в душе и злобу в сердце в воде фонтана ты надежно дотушил? Я знаю, добрая душа, ты подарил желанье снова жить своей подружке. Что ж, ты — дитя, и я не буду отбирать твои игрушки. Мне главное, чтоб ты со мною был и телом, и душой. Через два дня сольемся мы с тобою. Пока же ты играй в игру свою! Вот только все вокруг крушить не надо, не мной и не тобой небес порядок заведен. Здесь Эмомир, не станет он ни раem и ни адом, оставим все как есть. Согласен, Эмобой?

— Согласен, — сказал Эгор, снова глядя в рот Королеве.

— Так небо потуши. К чему пожар? Остыла вечеринка.

— Так в этом весь прикол? Фигня делов. — Эгор хлопнул в ладони, и небо стало привычно розовым.

— К чему нам этот штиль, и пафосный, и скучный. Нам в рифму говорить с Эгором — западло. — Клоун поскакал немного на одной ноге. — Кстати, приходить на мальчишник — дурная примета.

— Дурной приметой звали меня в детстве, шут, — зло огрызнулась Маргит. — С тобой потом, сейчас дела не ждут. Я здесь по делу, очень срочному приятом. В нем не помогут даже бабочки с Котом. К одной знакомой нашей общей смерть пришла, не без ее, надо сказать, стараний. И я сама б ее, конечно же,

спасла, но, к сожалению, это в области мечтаний. Ведь усыплять — моя стезя, а разбудить — совсем другую силу надо. Мужскую, добрую. Нам нужен тут герой. Пришла пора спасти еще одну подругу, ты помнишь Маргариту, Эмобай?

— Ритку? Риту Белоглазову?

— Да. Она накушалась колес. Сноторного в себя премного закатила.

— Вот дура! Господи! Зачем?

— Она во всем винит себя. Она же познакомила вас с Кити. Тебя она любила очень. И Кити, свою лучшую подругу. Друг к другу ревновала вас. Могла бы давно разрушить ваш союз. Но потерять обоих вас боялась. Теперь обоих потеряла навсегда. Одна ушла в себя, другой — в сырую землю. Не выдержала слабая душа своих же обвинений. В Эмомире проще с этим, здесь можешь ты убить сомнения и боль и с чувствами всегда своими разобраться.

— Она еще жива? — спросил Эгор.

— Жива и будет жить, если проснется не позже чем через час. Не хочешь попытаться разбудить ее?

— Хочу.

— А что за трогательная забота о какой-то психованной бабе? — встриял в беседу клоун. — Откуда вдруг такой гуманизм у высшего существа и откуда, о Королева, вы вообще знаете об этой Рите, ее мыслях и делах?

— И правда, Королева, откуда знаете вы Риту?

— Эгор, случилось так, что в этой, прошлой, будущей ли жизни я знаю все, что хоть касается тебя. Частично это здесь, — Маргит потрясла комиксом, с которым не расставалась никогда, — но большей частью здесь. — Она показала лапкой на свои фасетча-

тые глаза. — А с Ритой у меня давнишняя кармическая связь, астрально связаны мы от ее рождения. Она тебя и отобрала для меня. Такая вот история любви, — окончательно запутала Эгора королева, — она одна из многочисленных моих проекций, что раскиданы в Реале, как ты — одна из черт Егора Трушина, ты часть его души, его геройство, что с лихвой воплотилось в этом мире. А Рита — часть моей души вселенской, ее один забытый закоулок, но очень трогательный и родной. Так что, оставим умирать ее во сне?

— Нет. Я пойду и разбуджу ее! Делов-то.

— Тогда вперед, карета подана!

— Эгор, подумай! Что-то очень гладко стелет Королева! — шепнул на ухо верный клоун.

Но думать не пришлось — быстрые фрейлины подхватили Эгора в уже знакомое ему летучее кресло из собственных тел и унесли с площади, где остались ошарашенные Тик-Так, Кот и Мания, а также вполне довольная собой Королева. Эгора перенесли в Спальный район. Было забавно спускаться сверху на площадь, утыканную спичками фонарей и кукольными кроватями. Эмбоя мягко уложили на розовое покрывало, головой на подушку, и для ускорения процесса погружения в чужой сон фрейлины укутали его сверху донизу легким, но плотным одеялом из собственных тел. Эгор моментально провалился в тягучий и вязкий, как болотная трясина, сон самоубийцы.

ГЛАВА 17

Танцы на грани

В безбрежном, тихом и спокойном океане, мирно освещаемом красным, словно зардевшимся от стыда вечерним солнцем, плыл айсберг, по форме похожий на трон. На его плоском девственno-белом сиденье стояла огромная черная кровать из резного палисандра под темно-синим балдахином. На кровати в любовной схватке сплелись три молодых прекрасных тела, и стоны их и сладостные крики сливались с криком чаек. Эгор уже минут пять стоял как вкопанный у края кровати и абсолютно ничего не предпринимал, только смотрел, вернее, любовался происходящим. Он ожидал увидеть все, что угодно, но это зрелище его просто парализовало. Эгор в полном смятении уставился на троих любовников, в пылу постельной битвы не замечавших ничего вокруг, ведь на смятых простынях лежали Егор Трушин, Рита и Кити, и они были бесконечно счастливы, услаждая друг друга. Три самых близких Эгору тела занимались на его глазах любовью. И это меньше всего походило на порно. Безумный танец и переплетение белых тел на черном атласе завораживали, сила страсти и полное отчуждение вызывали трепет, а красота и грация движений — восхищение.

Эгору в прошлой жизни, конечно, приходилось заниматься любовью во сне, но к нему приходили обычно странные возбуждающие подростковые видения, когда оргазм испытывался от жадного взгляда или полуобнаженной груди, и было так приятно и стыдно непонятно отчего. Или жаркие, душные, влажные, как джунгли, сны предвестья будущих постельных битв, или таинственно-печальные истории с трогательной героиней, которую так томительно хотелось пожалеть, что перехватывало горло, но с ней рядом спалось так хорошо и тепло, что, проснувшись, приходилось бежать в ванную. Поллюционные сны Егоровой молодости абсолютно не походили на зрелую реалистичную и в то же время фантастически красивую сцену, которую Эмобой наблюдал сейчас. В его душе боролись противоречивые чувства, настолько сильные, что он не мог в них разобраться, и ни одно из них не могло победить остальные. Так и стоял истукан Эгор, глядя на свое тело, стонущее и ревущее от переизбытка удовольствия, подаренного ему прекрасной Кити и — о ужас! — не менее прекрасной Ритой. «Это только сон», — пытался пробиться через кордоны рефлексов и гормонов забитый чувствами разум Эгора. Смотреть на себя со стороны — странное испытание, и страшное, и забавное одновременно. В Эгоре клокотали жалость к себе и ненависть и ревность к своему телу, вот нелепость, обнимавшему (и не только) Кити, о девственности которой уже не могло быть и речи. Но в то же время в нем бурлило восхищение собственной мощью и неутомимостью. Он встал так близко, что его обдало жаром любви. Эгор совсем забыл, зачем он здесь. Рассудок

провалился вниз и ощутимо выпирал из джинсов. Эгор оказался перед дилеммой — нужно было присоединиться к этому празднику плоти, но как это сделать? И как быть с собственным телом? Конечно, ему, как и любому мужчине, приходилось заниматься сексом с самим собой, любовью это действие назвать язык не поворачивался. Но вот так, вчетвером, с собой и с двумя желанными красавицами, причем одной действительно любимой, и со своим бывшим телом, которому он теперь проигрывал эстетически во всех компонентах, кроме одного, хотя и самого необходимого в данный момент. Нет, пожалуй, эта оргия не для него. Может, выкинуть в море самозваного Егора, а заодно и чересчур красивую Риту и остаться вдвоем с совсем не замечавшей его Кити? Хотя да, Кити же занималась с ним любовью в данный момент. С ним — настоящим Егоро, а не жалкой и страшной проекцией-фантомом. Так и не приняв никакого решения, Эгор все-таки сделал шаг навстречу призрачному счастью, прижавшись к кровати, и почти занырнул под балдахин, но в этот момент Егор, решив спонтанно поменять положение жарких тел на кровати, резко развернулся и попал могучей ногой пловца прямехонько Эмобою в грудь. От удара Эгор отлетел, как кегля, и упал головой вниз, в океан.

Эмобой сидел на кровати ошеломленный, на лбу выступила холодная испарина. Сон ушел. Он тут же вспомнил, где он был и зачем. Рядом с ним, вернее, над ним, освещенная снизу фонарем и от этого демонически страшная, зависла Королева Маргит.

— Ну, как? Удачно, Эмобой?

Эгор молча помотал головой.

— Осталось полчаса. Успеешь?

— Постараюсь.

Эгор уже вжался головой в черную подушку. На этот раз он был готов к тому, что увидит. На айсберге ничего не изменилось, разве что он слегка подтаял снизу и вода казалась ближе. На кровати все полыхало так же жарко. Рита была внизу. Она лежала с закрытыми глазами. Ее губы сверху оказались заняты Кити, а снизу — Егором. Эмбой выключил все чувства и действовал быстро и четко, с холодным разумом и нечеловеческой силой. «Это не Егор и не Кити, это сон умирающей Риты. И я должен ей помочь», — сказал он себе и двумя могучими рывками за плечи скинул в океан псевдо-Егора и псевдо-Кити, даже не проводив их летящие тела взглядом. Открывшая пылающие страстью и затуманенные блаженством глаза Рита машинально прикрыла грудь и межножье руками, насколько это было возможно. Эгор накинул на нее край черной простины. Рита испугалась:

— Кто ты? Где Егор, где Катя, что случилось?

— Егор и Катя ненастоящие, все вокруг тебя не-настоящее. Это сон. Ты приняла смертельную дозу снотворного, и, если сейчас не проснешься, ты умрешь.

— Какой бред! Кто бы ты ни был, ты только что испортил самое счастливое событие в моей жизни. Я занималась любовью с двумя самыми желанными людьми, и мы могли дать друг другу все счастье мира.

— Ты не поняла? Если ты не проснешься — ты умрешь.

— Я умру. Что с того. Все когда-нибудь умрут. Умереть вот так красиво, в океане на закате, что может быть круче?

— Ты не в океане на закате, а в своей кровати, тупо обожравшаяся таблеток, а может, тебя уже нашли и над тобой бьются врачи в больнице.

— Чушь. Если это сон, то, как только я об этом узнала, я сразу бы проснулась. Логично?

— Не совсем. Боюсь, ты слишком крепко спишь и не можешь проснуться.

— Или не хочу.

— Дура, какая же ты дура, Ритка Белоглазова! Что же ты наделала?

— Как ты меня назвал?

— Рита. Ты что, не помнишь, кто ты?

— Я королева Ритуал, это мой айсберг, мой океан, мой закат, мой мир, мой сон. А вот кто ты? Может, ты падший эмо-ангел, который пришел забрать мою душу?

— Еще минут двадцать, и так оно и будет. Прозыпайся немедленно!

— А если я боюсь просыпаться?

— Чего тебе бояться, сейчас двадцать первый век — неудавшихся самоубийц больше не вешают вверх ногами и не кидают их трупы на живодерню, как делали в Европе в Средние века.

— В Средние века меня давно бы сожгли на костре как ведьму!

— Хватит болтать, прозыпайся!

— Тоже мне, будильник одноглазый. В Индии женщин-самоубийц, между прочим, канонизировали.

— Канонизировали вдов, покончивших с собой, а у тебя нет мужа. Прозыпайся.

— Вот пристал. Тебе надо, ты и просыпайся. Может, я буддистка и моя прошлая земная жизнь принесла мне только страдания, а сейчас я жду новой счастливой жизни.

— Ты не буддистка — ты нудистка. — Эгор ткнул пальцем в еле прикрытую наготу Риты, которая продолжала его смущать и сбивать мысли в плохую сторону. — Просыпайся!

— Нет, это ты — нудист. Нудишь и нудишь. А если я не хочу просыпаться? Если я не хочу вспоминать, кто я? Если я, с твоих слов, решила покончить с собой, значит, на это есть очень серьезные причины, и я не хочу их вспоминать и портить окончательно прекрасный вечер.

— Прекрасно. Не хочешь просыпаться? А чего же ты хочешь?

— Тебя.

Рита посмотрела своими ясными, холодными и удивительно прекрасными глазами на Эмобоя, и он тотчас же потерял контроль. Ее тело, едва прикрытое тонкой простыней, притягивало его, как Солнце Землю и все, что есть на ней. Это космическое чувство поглотило его, и он не мог с ним бороться.

— Мне кажется, что я тебя хорошо знаю, хотя не могу вспомнить. К тому же я вижу, что ты тоже весь дрожишь от желания. Ну а если мне действительно суждено сейчас умереть, я хотела бы, чтобы это произошло в твоих объятиях. Поцелуй меня. Нет, вижу, ты не ангел — ангелы бесполы.

Рита откинула простыню, обняла замершего и вконец утратившего разум Эгора за шею и потянула к себе. Вкус ее сладких губ наполнил голову Эмобоя, как веселящий газ, и он покорно провалился

в черную дыру любовного водоворота. Тело Риты плавилось под его руками, одежда Эмобоя сгорела от соприкосновения с ее пылающей кожей, а все его тощее жилистое и костиистое тело превратилось в единый орган — генератор удовольствия госпожи Ритуал. Он даже не заметил, как оказался в ней, и айсберг заходил ходуном вместе с кроватью, а балдахин сорвало от немыслимой амплитуды, и он улетел в океан. Хорошо хоть кровать прочно вплывилась в лед из-за жара их тел, которые сплелись, как гуттаперчевые плети. Их стоны лились ариями адских опер страсти, они сливались в поцелуях каждой порой тел. Эгор, о миссии своей подспудно помня, пытался Риту разбудить могучими ударами о лону изнутри, но в результате он забылся сам, опомнившись от страшного рычания, сопровождавшего теперь его оргазм. Конвульсии под ним вдруг прекратились, он руки расцепил и в ужасе смотрел на бледное и мертвое лицо. «Убил ее, — подумал он. — И Ритку я не спас, и Кити изменил. Но это ж только сон». И сразу вспомнил, что кульминация у Риты и раньше завершалась только так. Из глаза Риты побежала по бледному лицу ее предательская жалкая слеза. «Жива! — возликовал Эгор. — Еще минуток десять есть у нас. Успею разбудить во что бы то ни стало!»

— Егор, — не открывая глаз, сказала грустно Рита, — спасибо, что пришел. Спасибо за любовь. Теперь могу уйти от вас спокойно.

— Нет, только не теперь! О чём ты говоришь!
Так ты меня узнала, Рита?

— Сразу! Я ждала тебя. Хотела еще раз хотя бы я с тобой побывать. И ты пришел, и, значит, ты

прости! — сказала Рита, все так же не открывая глаз, из которых бежали медленные круглые слезы. Она положила бледную ладонь на руку Эмбоя и крепко стиснула ее.

— За что тебя прощать мне, что за бред?

Рита открыла глаза, села и отвернулась от Эгора, не отпуская его руки.

— Ты погиб из-за меня! Из-за моей жадности, трусости и похоти. Я давно должна была сказать Кити про нас. Вы поссорились бы, и ты не пошел бы встречать ее после этого чертова концерта. Ты был бы жив, а Кити поревела бы немного, но пережила и не превратилась бы в немого овоща, как сейчас. Мое сердце разрывается, когда я вижу свою веселушку Кити безмолвной старушкой, оно обливается слезами, когда я вспоминаю тебя, твою дурацкую улыбку и белый ежик. Я одна во всем виновата, и я себя наказала, совершила правосудие. Я очень сильная, но жить без вас, с разбитым сердцем и чувством вины не хочу.

— Отлично. А теперь послушай меня. Да, Егора Трушина убили, и его действительно не вернуть. Но ты передо мной ни в чем не виновата. Вот если б ты меня спалила Кити, я бы тебя никогда не прощил, а она тем более. Уж я-то ее знаю. Я спас ее, и она больше не овощ. И думаю, сейчас она называет тебя. Говорить тебе, какую страшную глупость ты совершила, я не буду, некогда. Ты думаешь, я тебе снюсь?

— Да, конечно, так же как и все. — Рита повернулась к Эгому и покачала головой с жалостью.

— А вот и нет. Я настоящий, просто теперь я в другом мире и по-другому выгляжу, но это я. И я

вытащу тебя отсюда, даю слово. Потому что, если ты умрешь, я никогда себя не прощу. Веришь? — Эгор с силой сжал ее белые плечи и встряхнул, глядя в глаза.

— Уже почти верю. А что за другой мир? Там хорошо?

— Ага, оффигительно. Меня принуждает к сожительству здоровенная бабочка, которая хочет поработить Вселенную.

— Большая черная бабочка. — Рита встала на колени, в глазах ее проснулся страх. — Я видела ее сегодня во сне, она так странно посмотрела на меня и что-то говорила, но что — я не могу вспомнить, а потом я проснулась, взяла таблетки... О господи, я и правда это сделала. — Рита заревела и прижалась к груди Эмобоя.

— Так просыпайся! — Эгор опять тряхнул ее за плечи.

— Не могу, я не знаю как. Стараюсь, но не получается.

— Чертова лгунья Маргит, играет со мной в свои подлые игры! — Эгор с силой ударил кулаком по кровати. — Ритка, я вытащу тебя, но ты обещай мне, если и правда хоть чуть-чуть меня любила, что никогда, никогда не будешь больше сводить счеты с жизнью. Потому что я уже не смогу тебя спасти. И еще потому, что я отдал бы сто вечных жизней в Эмомире за одну лишь ночь с любимой в Реале.

— Со мной? — тихо спросила Рита.

— С тобой, — тихо соврал Эгор.

— Обещаю, — твердо сказала Рита, — я хочу жить!

Эгор обнял ее и прямо с кровати головокружительным прыжком нырнул с Ритой в океан. Пенистая пучина с радостным хлюпом поглотила их. Вода вокруг айсберга была ледяной, и обнаженные любовники окоченели. Медленно кружась и не расцепляя объятий, они опускались на дно. Из их легких вырывались пузыри и убегали вверх. Последнее, что увидел Эгор, были переполненные ужасом глаза Риты.

ГЛАВА 18

Барбекю у барбикенов

Клоун стоял перед кроватью Эгора, слегка наклонившись и приблизив рыжую кудлатую голову к его лицу. Час, который Маргит отвела Эмобою на спасение подруги, только что истек, но юноша не возвращался из сна самоубийцы, и это очень пугало Тик-Така. Королева, как только вышло отпущенное время, тихо взмахнула шерстистыми крылами и беззвучно улетучилась, за ней бесконечно длинной тенью-шлейфом последовали ее усатые чешуйчатокрылые фрейлины. У кровати Эмобоя остались только клоун — по дружбе, Кот — по работе и Мания — по зову кукольной души. Прошло еще несколько минут тягостного ожидания, и вдруг Эгор так резко сел на кровати, что бедный Тик, получив серьезный удар лбом в лоб, отлетел, перевернувшись через голову, на соседнюю кровать. Эмобой, словно не почувствовав удара, сидел, тяжело дыша, с болезненной тревогой в краснеющем глазу, и смешно, как тюлень ластами, перебирал длинными руками.

— Я успел. Я успел?! — Эгор с надеждой смотрел на понурых куклу и Кота, которые предпочли промолчать.

— Успел... чуть не убить меня своей чугунной башкой, — сказал Тик-Так, поднявшись на коротенькие ножки и потирая здоровенную шишку на лбу. — Не Эмобой, а долбобой какой-то!

— Черт, да скажите же скорей, я уложился в час? И где эта черная невеста, лгунья Маргит? Я же видел ее здесь.

— Боюсь, Эгор, что чуда не случилось. Час закончился пару минут назад, — развел лапами участливый Кот. Мания понуро кивнула головой.

— Королева улетела, сказав, что завтра ждет тебя во дворце.

— К черту дворец! Маргит подставила меня. Решила показать мне свою силу. Ну ладно, я уверен, что успел. Я уже выбирался из сна мертвого человека, и это было совсем иначе. Рита проснулась, я знаю. Я просто слишком глубоко нырнул в ее спящее сознание и поэтому так долго выбирался, может быть, как раз пару минут.

— Хорошо бы это было так, — сказала Мания. — Мне всегда так жалко этих глупых самоубийц из-за любви. Убить свою живую душу — это так ужасно.

— Эгоистичные твари, — сказал клоун, — хотят свои страдания перенести на мир. А мучаются прежде всего самые их близкие люди.

— Согласен, — сказал Кот. — Но как тебе, Эгор, удалось ее разбудить?

— Насчет самоубийства в данном случае я бы поспорил. Здесь не обошлось без доброй Королевы. А разбудить Риту оказалось нереально тяжело. Просто адски. Пришлось даже заняться с ней любовью, — ляпнул и тут же пожалел об этом Эмобой.

— Романтично, — сказала Мания.

— Ты отдал ей часть силы, часть души. Это очень опасно. Так рисковать собой нельзя, — сказал Кот.

— Ну, я не сказал бы, что это было отвратительно. Просто я не знал, что делать, у меня закончились все доводы.

— И воспользовался тем, который в штанах, — сказал клоун.

Эгор впервые видел Тик-Така в таком состоянии. Всегда красное лицо шута побледнело, глаза свирепо сжались, он раскачивался на своих огромных башмаках вперед-назад и сжимал-разжимал пухлые кулаки.

— Ну да, — простодушно хвастал Эмобой, породив парочку летучих свинок, — все прошло просто фантастиш. Мне довелось и в прошлой жизни быть с Риткой в постели, но в этом сне...

— А как же Кити? — тихо спросил клоун.

— Кити? Кити там тоже, кстати, тусовала сначала. Это же был сон, толстяк! Расслабься. Что за наезды? Я спас девчонку. Я уверен, что она проснулась. Я вернул Кити подругу с того света.

— Ты же говорил, что любишь Кити? — еще тише, как бы себе под нос, насупив брови, спросил клоун.

— Люблю, — сказал недоумевающий Эгор, — очень люблю. Похоже, я тебя очень сильно треснул в лоб. Что за наезд? Это всего лишь сон. Я спасал девчонку. Она умирала, я не мог ей отказать.

— А в той жизни? Ты сказал, что трахался с ней в той жизни? Что, тоже не мог отказать своему бревну в штанах? — Клоун говорил все громче и вразвалочку подходил к Эгору. — Безотказный ты наш.

— Ой-е, — присвистнул Эгор. — Толстяк, тормози! Моя жизнь — не твое свинячье дело. По...

Договорить он не успел, рука клоуна молнией сверкнула в воздухе, и Эгор получил оплеуху такой неожиданной силы, что свалился со своей кровати и укатился под стоявшую рядом.

— Предатель! — услышал он в подкроватной темноте удаляющийся крик клоуна, а когда вылез, увидел вдали лишь уменьшающийся силуэт красивого друга.

— Чего это с ним? — не понял Эгор. — Безумства чьего-то объелся? Куда он дернулся?

— Не знаю, — сказала Мания. — Мне кажется, он перенервничал, пока ты пропадал во сне у Риты. Боялся, чтобы с тобой не случилась какая-нибудь неприятность.

— Нет, это он меня за Кити, — сказал задумчиво Эгор. — Может быть, и правильно.

— Чрезвычайно эмоциональный клоун, — кивнула Мания.

— Слава Создателю, одной большой проблемой меньше, — довольно вздохнул Кот. — Эмобой, может быть, поспешим во дворец с двумя хорошими новостями: и Рита спасена, и клоун исчез.

— Что значит — исчез? Тик-Так мой друг. Сейчас пойду найду его и набью ему его толстую морду. Что-то ты перестал мне нравиться, Кот в кедах, он же королевская подлиза. Иди к своей Маргит и скажи, что завтра я приду во дворец, как обещал. А пока я пошел искать Тика. Куда он ускакал?

— В сторону барбикенства, в центр, — сказала кукла. — Можно мне пойти с тобой? Тебе понадобится провожатый, а я там родилась.

— Правда, тебе запрещено там появляться, — напомнил Кот.

— Со мной ее никто не тронет. Я — Эмобой, ваш завтрашний правитель.

— Ну-ну. Счастливого пути. До встречи во дворце. — Кот, важно задрав свой полосатый эмо-хвост, не спеша удалился.

Эгор с Манией, напротив, пошли очень быстрым шагом. Центр города от Спального района находился не очень далеко, но и не совсем близко. Улицы, по которым они шли, были ничем не примечательны, все те же пыльные черно-розовые мостовые и пустые кукольные домики. Лишь изредка навстречу попадались парочки гуляющих эмо-кидов. Но Эгор с Манией проносились мимо них так быстро, что те не успевали их узнать. Стемнело, улицы стали сужаться. Вдалеке замелькали яркие, странно разноцветные для Эмокора огоньки, и даже послышалась веселая музыка. Эгор не поверил своим ушам, услышав «Бип-пип-пип — мой сигналит джип», и вопросительно взглянул на Манию:

— У меня глюки?

— Нет, Эгор, это барбикенство, райончик, полный радости и удовольствий. Главное — не подавиться ими сразу, — сморщила физиономию безглазая кукла.

— Вообще-то я люблю веселье, — сказал Эгор, — а клоуну здесь самое место. Не пойму, чего же он раньше сюда не сбежал?

Мания промолчала. Улица, по которой они шли, заканчивалась большим шлагбаумом, на котором аршинными розово-черными буквами было написано: «Эмо-кидам вход строго запрещен».

— Смешно, — сказал Эгор. — Приколисты.

За шлагбаумом сиял огнями широкий проспект, по которому разгуливали компании и парочки нарядных и вальяжных барбикенов. Розово-черные цвета все равно преобладали в цветовой гамме района, а то, что показалось разноцветьем привыкшему к двуцветному миру глазу Эгора, оказалось лишь добавлением двух цветов: желтого и красного.

— Национальные цвета барбикенства, — сказала, поймав его взгляд, Мания. — Золото — цвет достатка, красный — цвет плотских удовольствий.

Они уже совсем подошли к шлагбауму, когда увидели собак. Хотя, может быть, эти существа только походили на них, а скорее даже на гиен. Но поскольку они однозначно охраняли шлагбаум, в мозгу Эгора стереотипно просигналило: «Собаки». Они не увидели их раньше, поскольку зверюги замечательно мимикрировали под окружающую их красно-розово-черную среду. У них в наличии имелось по две мерзкие лобастые башки с разверстыми розовыми пастьами, усаженными желтыми зубами, и по три пары резвых кривых ног, на которых они на всех парах неслись к Эгору и Мании. Неслись, не издавая ни звука, лишь со свистом рассекая воздух мускулистыми телами.

— Презрение и самодовольство, — выкрикнула, как пароль, кукла, но твари не обратили на это никакого внимания.

Эгор уже чувствовал их мерзкий мускусный запах, когда в нем поднялась волна отвращения и ненависти, которая вырвалась из бойницы его глаза и вмиг раскатала незадачливых псов в пятнистые

блины по мостовой. Блинов получилось очень много, и от них поднимался вонючий пар. Мания вытерла рукой испарину со лба Эгора и достала из своей сумки футболку «КС». Впервые Эгор увидел ее одетой сверху, но спрашивать ничего не стал. Все и так понятно. У негостеприимного района существовали свои законы.

— Я думаю, Кот редкий гость в этих местах, — сказал Эгор.

— Он здесь не был и не будет никогда, — сказала Мания. — Презрение и самодовольство — сторожевые псы района — пытаются глупыми эмо-кидами, забредшими сюда, ну и злой, глупостью, страхом и прочей дрянью, избытки которой Королева разрешает барбикенам им скормливать.

— А вдруг они сожрали Тик-Така? — испугался Эгор.

— Не думаю. Он существование этого мира и вообще, по-моему, несъедобный.

— Да, думаешь? Как красный мухомор?

— Да, точно. Если он здесь, мы это быстро узнаем, — сказала Мания, и они вышли на широкий проспект, ярко освещенный нарядными фонарями и неоновой рекламой на домах.

И мостовые, и дома ничем не отличались от своих собратьев в районе эмо-кидов, их просто нарядно украсили и подсветили яркими желтыми и розовыми прожекторами. На проспекте шло гулянье. Из открытых дверей супернавороченных иномарок последних моделей неслась веселая танцевальная музyczка. Машины, припаркованные на обочине тротуара вплотную друг к другу, — это первое, что бросилось в глаза Эгору. Он очень лю-

бил машины, но еще ни разу не видел их в Эмомире. Такие блестящие красавицы, с узкими фарми-глазами и крутыми изгибами задов. Каплевидные болиды и роскошные кабриолеты — японки, немки и американки. Такие машины всегда вызывали у Егора белую зависть и желание немедленно умчаться в дальние дали... Но что-то с ними было не так, какая-то болезненная ущербность чувствовалась в их статике. Ни одно авто не двигалось, и из каждого, надрываясь бум-бокс-басами, выливалась своя навязчивая музыка. Из-за шума многочисленным парочкам и компаниям, гуляющим по проспекту и циркулирующим из одного веселительного заведения в другое, говорить приходилось очень громко, они почти кричали. Немудрено, что никто не обратил внимания на собачью бойню у шлагбаума. Эгор с интересом разглядывал барбикенов. Все они, без исключения, и парни и девушки, казались записными красавцами и красавицами, которые словно только что сошли с обложек глянцевых журналов. Одеты только «от кутюр». Пропспект напоминал огромный подиум, где шел грандиозный показ: тысячи супермоделей демонстрировали друг другу достижения высокой моды, шумно приветствовали знакомых, демонстративно целовались и обнимались, танцевали рядом с машинами, сидели за столиками уличных кафе, потягивали пенные коктейли через розовые трубочки, заваливали шумными компаниями в рестораны, толпились у клубов и даже занимались любовью в машинах.

— Вот это тусень! — восхитился Эгор, он на время забыл про Тик-Така и залюбовался неожиданным

бурлением жизни в центре города. — А чего машины все стоят?

— Это просто большие модели, такие же пустые, как их вечно молодые супермодные хозяева. Они не ездят, да и куда им тут ездить.

— А как они их сюда дотолкали? Руками, что ли?

— Ну да, а как же еще?

— Круто.

Эгор прислонился к стене розового дома и пригляделся с интересом изучать местных жителей. Сначала они показались ему однозначно симпатичней эмо-кидов. Красивые, уверенные в себе девушки-секси и их элегантные спутники вызывали симпатию. Потом Эгор стал вглядываться в лица этих прожигателей жизни, не обращавших внимания на его колоритную фигуру. Все вроде смотрелось замечательно, но милые, ухоженные, прошедшие парикмахерские, макияж, пиявки и массаж лица несли в себе какую-то ущербность. Может быть, потому, что все они нарочито, даже чуть зловеще улыбались, выставляя напоказ жемчуг зубов. Многие Барби и Кены украсили свои физиономии пирсингом из золота с драгоценными камнями и сверкали не только эмалью. А может быть, неловкость вызывали совсем чуть-чуть, но все-таки задранные носики отдыхающих и какая-то почти незаметная механистичность их действий. Сквознячок усталой фальшивости гулял по проспекту. Но никаких отрицательных эмоций у Эгора не возникло.

— У них что, праздник какой-то? — спросил он у присевшей рядом с ним на корточки Мании.

— Нет, обычный вечер рабочего дня, переходящий в ночь разгула. Буратино был создан на ра-

дость людям, а барбикены — на радость себе. В Ре-
але сейчас утро, и на основных разломах, порталах
или, как их здесь называют, «месторождениях» сей-
час заташье. Ночью Кены добывают эмоции для
королевы в порталах ночных клубов, театров, кино-
театров, цирка и несут Маргит, а от нее получают
тряпки и вещи, в том числе машины, чтобы хвастать-
ся друг перед другом. Меняют чистые эмоции Реа-
ла на блестящее барахло.

— Слушай, а мне здесь нравится. Не понимаю
твоего сарказма. Все это гораздо больше похоже на
жизнь людей, чем параноидальные поиски любви
твоих новых друзей. А что они все время пьют и
нюхают?

— Подожди, Эгор. Ты только попал сюда, а я до-
вольно долго прожила с этими манекенами. Ты сразу
не поймешь, они утратили вкус к естественной жиз-
ни. А пьют и нюхают они те же эмоции, что переда-
ли королеве, только перебояженные, подвергнутые
обработке, выхолощенные в суррогаты и концентра-
ты, — радость, покой, веселье, только с добавками,
которые вызывают привыкание. Я долго переламы-
валась, уйдя к эмо-кидам.

— Смешно.

— Да нет, скорее грустно. Здесь веселятся не от
души, а по долгу службы. Чтоб не отставать от дру-
гих.

— Ты хочешь сказать, что хитрая Королева под-
садила этих красуль на наркоту? Чтобы они набива-
ли ее подвалы драгоценными эмоциями, которые они
сами могли бы употреблять в чистом виде и быть
счастливы?

— Конечно.

— Н-да. Невеста у меня молоток. Слушай, Мания, а что это за штуки нашиты на ширинках у Кенов? Смешные узкие карманы.

— Это гульфики. Здесь принято хвастаться членами так же, как машинами, прическами, тряпками и партнерами. Ты по-любому стал бы здесь королем, Эмобой.

От скользкой темы их оторвала любопытная парочка. Яркая мелированная блондинка в коротком красном платье с декольте, которое открывало взгляду высокий силиконовый бюст, и брюнет, бритый наголо, с золотым гвоздиком в ноздре, в сандалиях на босу ногу и в желтом костюме на голом загорелом теле. Гульфик на штанах у Кена был пугающей длины.

— Мания, ты ли это, сучка? — закричала блондинка, остановившись. — Чертовски рада тебя видеть, эмо-кидская подруга!

— Да. Это я, а вот тебя я что-то не узнаю!

— Все такая же злюка. — Блондинка подбежала к Мании и поцеловала воздух рядом с ней. — Муя, муя. Это же я, Бэйби, твоя лучшая подруга. Как мы тусили! Как мы отрывались, пока у тебя не съехала крыша! Познакомься, это Кул, он просто кул, мой новый факер. А разве тебе не запрещено тут появляться?

— Я здесь по делу, с Эмобоем — нашим и вашим будущим Королем.

Повисла пауза. Эгор прокашлялся. Кул на прямых ногах подошел к своей подруге и сказал:

— Ни фига себе. И точно, гляди, Бэйби, это ж Эмобой. Я в отпаде.

— А-а-а-а, — завизжала Бэйби и запрыгала на месте. — Круто, круто, круто! Моя бывшая подруж-

ка — фаворитка будущего Короля. Мания трахается с Эмобоем. Кто бы мог подумать? Господин Король! Зачем вам эта безглазая дура, возьмите в фаворитки меня.

Эгор опять прокашлялся. Он пока не понял, как вести себя с этими наглыми надутыми хамами. Мания поспешила ему на помощь.

— Даже и не думай, потаскуха, — сказала она, показав Бэйби свои ровные зубки. — Маргит самолично отрывает головы всем бабам, подходящим к ее жениху слишком близко. Мы здесь с секретной миссией, и если хотите, можете оказать услугу королевской особе.

— Да!

— Конечно хотим! — ажиотировались еще больше мажоры. — А что нужно сделать? Убить кого-нибудь? Или проклубить будущего Короля? Ой, на завтра же назначена коронация, я по эмо-визору видела. Может, устроим Эмобою мальчишник? Я слышала, он даже с эмо-кидами устроил пати.

— Здесь есть эмо-визоры? — удивился Эгор. — И у меня завтра коронация?

— Так, разошлись все быстро! — властно закричал Кул на начинавшую собираться вокруг них толпу любопытных кукол. — Это наши гости.

— Я же говорила, что он кул, — радостно щебетала Бэйби.

— Мы ищем красного клоуна. Не слышала про такого? — спросил Эгор, которому уже очень хотелось куда-нибудь пойти.

— Красный клоун. — Кул заговорщицки подмигнул. — Конечно я знаю, где он, фигня вопрос.

Мания недоверчиво покачала головой, а Бэйби закричала:

— Ура, мы идем к красному клоуну! А может, лучше в какое-нибудь место погламурнее?

— Не понял, — сказал Эгор.

— Ладно, ладно, ваше величество, у каждого свои, э-э-э, фантазии. Пойдемте скорее, — быстро сказала Бэйби и схватила ошарашенного ее напором Эгора под руку. С другой стороны его нежно подхватил Кен, и они оба буквально понесли Эмбоя, не переставая грузить его в оба уха. Мания со скептической улыбкой на лице, стараясь не отставать, шла сзади.

— Ваше величество, вы уж там, на троне, не забудьте про верного друга Кена Кула. Мне б месторождение получше. А то прикрепили, понимаешь, к театру Балета: катарсис, понимаешь, да восхищение. Я не жалуюсь, но лучше б кинотеатрик какой или концертный зальчик! Вам чего стоит, а у меня жизнь наладится, а то с этим театром нам с Бэйб талонов — впритык! — дышал в ухо запахом моря Кен.

— Кул, как тебе не стыдно, это же не кул! Его величество возьмет меня фрейлиной во дворец! Правда?! — жарко дышала в другое ухо Бэйби.

— А что за талоны?

— На отправляющие вещества. Выдает Кот. Они их получают во дворце и отоваривают в любом из этих заведений, — отрывисто прокричала сзади Мания.

— Я все-таки не поняла, вы трахаетесь с Манией или нет? — опять жарко пролепетала Эгору в ухо блондинка и даже как будто лизнула его пропущенную мочку. Хотя, возможно, Эгору пока-

залось. В любом случае, он возмутился наглостью барби.

— Это неприличный вопрос, — выдавил он из себя.

Барбикены так быстро тащили его по проспекту, что он абсолютно не успевал ничего разглядеть вокруг, зато его не успевали разглядеть встречные гулены и гуляки. В этом и состоял замысел Кула и Бэйби.

— Ой, простите, ваше величество. Я совсем забыла, что вы раньше были человеком. Люди такие смешные и жалкие. У них столько табу. Вот мы все время занимаемся сексом и говорим о нем. Да, милый? Это обыденная и обязательная часть нашей жизни. У нас даже соревнования проводятся. А люди такие несовершенные создания! — с презрением сказала Бэйби.

— Зачем же вы тогда ходите в их тряпках? И собираете их вещи? — спросил Эгор.

— Мы берем от них только лучшее. Мы — супермодели. У нас все лучше, чем у людей. У нашей жизни есть смысл.

— Это какой же? — спросил Эгор.

— Получить от жизни максимум удовольствий! Люди стареют, люди болеют, а мы — вечно молодые, успешные и счастливые.

— Да вы даже от секса удовольствия не можете получить. Нанюхаетесь сначала, а потом в постель. И все время думаете, как вы выглядите во время секса, похожи ли вы на звезд экрана, получаете ли вы настоящий оргазм и достаточно ли громко вы кричите. Имитаторы несчастные! — вмешалась Мания.

— Зато мы не ноем и никого не достаем. Ваше величество, надеюсь, вы покончите с этим позором Эмокора — жалкими позерами? — сказала Бэйби.

— А то мы сами с ними разберемся, — сказал Кул.

— Эй, друзья, а куда это мы летим? Долго ли до места? — решил разрядить обстановку Эгор.

— Так до вашей же площади, площади Эмобоя. Уже совсем чуть-чуть осталось, — услужливо ответил Кул.

Но Бэйби уже завелась и совсем не собиралась успокаиваться:

— Не понимаю, почему Королева терпит эмо-кидов. Пользы от них — на копейку, а вреда на миллион. Они всех достали своими страданиями. Любовь, любовь, любовь — самое вредное чувство. Бич божий!

— Любовь — это не чувство, а душевное состояние. Бэйби, ты же хвасталась, что у вас нет табу. Чем же вам любовь не угодила? — спросил Эгор, в глазу которого плясали огоньки пролетавших мимо неоновых вывесок.

— Любовь не табу для нас. Мы просто презираем это чувство. Мы идеальны. Нам не нужна любовь. Она — для жалких нытиков, культивирующих страдания, типа эмо-кидов, и для высших существ, способных повелевать своими чувствами, таких как вы и Маргит. Людей же в реальном мире любовь губит и косит, это из-за нее они болеют, становятся слабыми и уязвимыми. Любовь — это болезнь, и мы, слава Создателю, ей не подвержены, — как по-заученному, четко и уверенно сказал Кул, самодовольно хмыкнув.

— А еще от любви бывают дети — эти маленькие эмо-кидики, вечно плачущие и смеющиеся невпопад. Это от них люди стареют и умирают, — так же уверенно и с отвращением сказала Бейби. — А еще от нее сходят с ума и пишут дурацкие стихи.

— Ха-ха-ха, — отрывисто сказала сзади Мания.

— Стоп, друзья. — Эгор затормозил упругими кедами об асфальт. — Кстати о стихах. У меня только что родился новый стих, и мне нужно срочно его записать.

— Ваше величество, простите, мы не хотели вас обидеть, — испугалась Бэйби, — ваши стихи, как и все, что исходит от вас, должны быть великолепны. Вы — высшее создание!

— Да, да, да, — сказал Эгор, уйдя в себя и не слушая лепет барби.

Он сел за пустой столик летнего кафе, свита обступила его, закрывая от любопытных глаз. Эгор закончил писать стих в дневник и с чувством продекламировал:

Ах уж эти большие перемены!
Они с новой силой пилият наши вены.
А эти дурные новые идеи
Ведут нас в могилу, я просто балдею.
Есть средство надежное от всяких идей:
Нужно кастрировать всех умных людей!
Просто кастрировать всех умных людей!
Взять и кастрировать всех умных людей,
И не будет идей!
Ах уж эти гнусные бандиты!
Каждый из нас может быть убитым.
Накачались, сволочи, боятся лбами в стены.
Они же убийцы — это несомненно.
Есть средство против случайных смертей!

Нужно кастрировать всех сильных людей!
Просто кастрировать всех сильных людей!
Взять и кастрировать всех сильных людей —
И не будет смертей!
Ах уж эти маленькие дети!
Они для нас страшней всего на этом свете.
Им только б веселиться, только бы играть.
На наши на проблемы им просто наплевать!
Но есть все же средство против детей —
Нужно кастрировать всех людей!
Просто кастрировать всех людей!
Взять и кастрировать всех людей —
И не будет детей.
Всеобщая кастрация — вот путь спасенья нации.

В голубых глазах барбикенов мелькнула секундная растерянность, но, спохватившись, они тут же захлопали.

— Круто! Гениально, — рассыпались они в комплиментах.

Мания только недоуменно качала головой.

— А знаете, ваше величество, как на самом деле расшифровывается слово «эмо-кид»? — тоже решил блеснуть креативной мыслью Кул.

— Как?

— Эмоции, мешающие обществу, которые использует дьявол!

— Слишком пафосно, — сказала Бэйби, — они не эмо, а ИМО. Идиоты, мешающие обществу!

— Интересно, — сказала Мания. — А барбикены — это тоже аббревиатура?

— Конечно, — сказал Кул, — Барби — это Бабы АР-эн-БИ. Рич энд бьютифл — если кто не знает.

— А Кен? — спросил Эгор.

— Которые етят нас, — выпалила Бэйби и, кривляясь, прикрыла рот ладошкой.

— Пошло и грубо, — сказала Мания.

— Зато четко и верно, — сказала Бэйби. — Без розовых соплей. Мы ведь тоже эмо — эталоны модельного образа.

— А по-моему, вы ИМО — искусственные мешанские оттопырки.

— Девочки, не ссорьтесь, — сказал благодушный Эмобой, — давайте жить дружно.

— Дружно?! — хором удивились барбикены.

— Ну уж нет, — сказал рассудительный Кул. — Дружба — это не кул, от нее и до любви рукой подать. Максимум, на что мы готовы, — это респект, респект тем, у кого месторождение круче, тачка моднее и член длиннее.

— Да, — вторила ему Бэйби, — точно. Дружба почти любовь, а от любви до ненависти один шаг. А от ненависти — войны да убийства. Вот мы, например, никого не ненавидим, даже эмо-кидов. Мы их просто презираем. Вот.

— Но я-то высшее создание, — возвысил голос, вставая из-за столика, Эгор, — и у меня есть друзья. Мания, например, или клоун, до которого мы еще не добрались.

— Клоун ваш друг? — Барбикены недоуменно переглянулись. — Хорошо, ваше величество. Мы почти уже на месте. Вот она, площадь. А вон и клоун.

Метрах в ста от них действительно виднелась большая площадь со стандартным памятником Эгору, только здесь он не плакал, а держал на вытянутых руках большую бабочку, словно выпуская ее в небо.

— Где клоун? — не понял Эгор, стремительно приближаясь. — Это вы про памятник мне, что ли?

— Что вы, ваше величество, — испугался Кул, — вон же он сидит.

И точно, на широкой скамье рядом с заведением под переливающейся вывеской «Мак Долбитс» сидел скульптурный клоун из папье-маше, размером раза в два больше Тик-Така, в общих чертах повторяющий образ главного земного героя фастфуда, если бы не почти метровый красный эрегированный фаллос.

— Что за памятник извращенцу? Кто это? — обалдел Эгор.

— Это красный клоун, — сказала Бэйби, — ваше величество. Ваш друг. Разве не его вы искали?

Эгор и Мания не смогли удержаться от смеха. Эгор обернулся к Мании:

— Ну, ты-то что? Ты-то знала, куда мы идем!

— Эгор! Я правда не знала, здесь раньше этого не было.

Кул и Бэйби смотрели на хохочущих Эгора и Манию, державшихся за впалые животы, как на сумашедших.

— Красный клоун, вот он, пожалуйста. Лучший фастфак в Барбикении, все как просили, — обиженно загнусил Кен. — Ваше величество, что-то не так?

— Фастфак? — поймав новую волну животного смеха, давясь, спросил Эгор.

— Ну да, — сказала глубоко оскобленным тоном Бэйби, — место, где можно получить порцию радости и быстренько перепихнуться, удовлетворить разом все физиологические потребности.

— Так вот почему он с такой елдой! — Эгор уже просто задыхался от смеха. — И вы решили, что это мой друг?

— Ну, мы немножко удивились, ваше величество, — сказал Кул. — Но в конце концов, у каждого свои слабости.

Наконец-то истерический хохот стал отпускать Эгора, он потихоньку успокаивался.

— Ну насмелили вы меня, ну насмелили! — Он панибратски похлопал кукол-супермоделей по гулким спинам, и те сразу успокоились.

— Ну что, Мания, похоже, Тик-Така в этой силиконовой долине утробного смеха просто нет. Попшли в «Мак Долбитс», попробуем местной кухни.

— И девчонок, ваше величество? — стрельнула глазами Бэйби.

— Нет, — посерезнел Эгор, — только кухню.

«Мак Долбитс» изнутри оказался похож на земную забегаловку созвучным названием. С той лишь разницей, что здесь вместе с питательно-радостным суррогатом можно было взять и куклу, которая стояла за кассой. Кена или Барби, в зависимости от пола иексуальных предпочтений. Эгор заказал коктейль веселья и порошок радости и с удовольствием знакомился с их действием, сидя за столиком с новыми приятелями. Посетители фастфака узнали Эмобоя, и Кулу постоянно приходилось отваживаться назойливых кукол, рвущихся выказать респект будущему правителю. Барби вокруг Эгора из кожи, вернее, из одежды вон лезли, желая обратить на себя внимание, но его голову занимали тяжелые мысли. Все меньше оставалось времени до его обязательного возвращения к Маргит, и Эгор пытался отвлечь себя

поглощением коктейля радости. Когда с коктейлем было покончено, он уже обнимался с Кулом, говоря, что тот реально крут, просто Бэкхем какой-то, целовался с Бэйби, а потом и со всеми барби, подходящими за автографами, махал рукой на сердитую Манию и под всеобщие аплодисменты, забравшись на стол, прочитал новый стих:

— Время жизни быстротечно —
время смерти бесконечно.
Кто считает дни беспечно,
тот окажется увечным.
Наполняйте жизнь делами,
смело действуйте руками,
торопитесь видеть сами,
все, что создано умами.

Наполняйте мир весельем,
не отравишь душу зельем.
Вся неделя — воскресенье,
жизнерадостность — спасенье.
И на логику наплюйте,
раскрасивейших целуйте,
все, что нравится, рисуйте,
что не нравится, штрихуйте.
Пусть узнает каждый вас,
пусть горит весельем глаз,
пусть гремит лавиной бас,
ведь живем всего лишь раз.

А после порошка радости он решил вернуться к кассе с куловскими талончиками и взять на них симпатичную рыжую кассиршу, но тут его вернул в эмо-реальность твердый голос Мании:

— Эгор, нам пора возвращаться во дворец к Маргит. Ты дал ей слово, слово Эмобоя. Она ждет.

— Да. Точно. Прощайте, друзья. Вот еще один стих напоследок. Простите, но он будет про любовь.

Любовь — это искусство,
Но все же это чувство.
И кстати, очень вкусно,
Но есть законный брак,
А это очень грустно,
И прямо скажем — гнусно,
И пахнет старым дустом,
Но, к сожалению, — факт.

Барбикены на это откровение среагировали жалкими хлопками. Но Кул закричал:

— Да здравствует Король Эгор! — и все снова утопили «Мак Долбитс» в овациях.

— Ну что, друзья, пришла пора прощаться. — Эгор обнял Кула, затем Бэйби. — Я вас не забуду. Ты, Кул, получишь лучшее месторождение, а тебя, красотка, я обязательно заберу во дворец.

Мания фыркнула на эти пьяные обещания. Но тут случилось такое, что Эгор моментально проторезвел. Бэйби и Кул просто взяли и лопнули у него на глазах, как два воздушных шарика, их оболочки скукожились рваными тряпочками на полу. На месте их тел оказались две огромные красивые ночные бабочки: павлиноглазка с красными глазами на коричневых бархатных крыльях и мохнатый, похожий на птицу бражник, которые немедленно выпорхнули в открытые окна заведения. Посетители фастфака опять дружно зааплодировали и заулююкали.

— Что это было? — спросил Эгор у Мании.

— Обычное дело, — сказала та, поморщившись. — Ты слишком много наобещал этим двоим, и они

лопнули от самодовольства. В здешних местах это считается апофеозом жизни, теперь они будут возведены в ранг местных героев.

— А бабочки? Ты видела бабочек?

— Нет, не видела, может, у тебя глюки? В любом случае нам срочно пора идти во дворец.

— Ты права, Мания. Чем скорее я покончу с этим вопросом, тем лучше.

ГЛАВА 19

Изгой

Эгор решительно вошел в распахнутые, как пасть чудовища, дворцовые ворота, кивнув гвардейцам, которые взяли под козырек, и его сразу окружило облако бабочек, закрывшее от него все вокруг. Когда облако рассеялось, он увидел Королеву Маргит. Она зависла метрах в десяти над головой Эгора. Эмобою пришлось запрокинуть голову так, что челка съехала с пустой глазницы.

— Где Мания? — без традиционных витиеватых приветствий, явно нарушая этикет, спросила Королева.

— За дверью. А где ученый Кот?

— Не нужен котик нам. Я знаю, будет разговор серьезный. И судя по тем страшным паукам, что прочь с тебя бегут, ты очень зол и много у тебя вопросов, мой любимый.

— Что с Ритой?

— Все в порядке. Жива, хотя слегка ты опоздал. Лишь с памятью проблемы.

— Все забыла? Амнезия?

— Забыла, но не все. Последние дней пять, и даже их уж начинает вспоминать. Скажи, а трудно это было?

— Мне б легче было, если б кто-то не пытался помешать! Скажи, во сне у Риты ты до меня была? На суицид ее подбила?

— Во сне была. Пыталась уберечь ее от глупых мыслей. Но люди с давних лет не слушают меня. Еще с тех пор, как только появились. Ну что же, скоро судьбы их вершить мы будем вместе.

— Где клоун мой? Мой друг куда девался?

— Не знаю, право, и скажу по чести, не стоит нам таких, как он, любить. Созданье жалкое, сын краски и иголки. Все эти шрамы, дырки и наколки, фрагменты виртуальности души, для нас, мой друг, в друзья не хороши.

— Не понял ничего. Темнишь ты, Королева! И все же повторю вопрос: куда исчез Тик-Так?

— Твой верный красный пес? К своей вернулся он хозяйке. Наверное, а впрочем, наплевать. Твой клоун тебя бросил, вернулся в мир, где места нет тебе, и хватит уж о нем! У нас есть свой безотлагательный вопрос! Его пора решить. — Эгор увидел, как Маргит нервно и возбужденно засучила блестящими хитиновыми лапками с острыми крючками пальцев. — Пришла пора заняться нам любовью. А править миром и вести войну и отвечать на все твои вопросы готова я потом, мой повелитель. Зияет вечность впереди, как дырка у тебя в груди, а я уже изнемогаю от жажды многовековой!

— Постой, красавица, постой! Еще один вопрос, довольно странный, возможно, у меня проблемы с головой. Я видел бабочек больших, красивых, что вылетели вдруг, как души, из тел несчастных мертвых барбикенов! И что-то екнуло в моей груди!

Маргит неожиданно взмыла к сводчатому куполу зала и закружила над Эгором, как ее сородичи над горящей лампой.

— Ты видел то, что будет впереди. Придется рассказать тебе всю правду. Как хочется прижать тебя к груди. Ну ладно, слушай, я сойду на прозу.

Маргит неожиданно спикировала на узорчатый каменный пол зала и встала на лапки, сложив крылья сверху и сразу став похожей на диковинный корабль на ножках, с безумной головой на носу. Теперь ее глаза, состоящие из тысяч выпуклых шестиугольных глазков-оматидиев, были прямо перед глазами Эгора, а шепот, которым она заговорила, обжигал кожу его лица, как фен в раздевалке бассейна.

— Мне много, очень много лет, Эгор. Столько, что даже нет цифры, которая могла бы приблизительно выразить этот срок. Я из рода первоусуществ, Мертвоголовых человеко-бабочек, которые жили наравне с Создателем, не с тем Создателем, что создал этот мир, а с тем, что создал всех Создателей. С тех пор из моего рода осталась только я одна. Последний из моих сородичей погиб много тысяч лет назад из-за территориальных разногласий с Создателем. Да ты наверняка знаком с этой историей. Видишь ли, мы являемся предками и людей, и бабочек. А потомки вечно по-свински относятся к предкам, вся эта пресловутая проблема отцов и детей, квартирный вопрос, ну, ты понимаешь. Нам приходилось воевать за природные ресурсы, зоны питания. Эдем — райский сад, он практически принадлежал нам. Там было так красиво, столько прекрасных розовых цветов. Змий? Ха-ха! Глупые

люди до сих пор неправильно переводят свою главную Книгу. Какие змеи на яблонях? Это, конечно же, была гусеница, причем из нашего рода, с этого и начались гонения на нас. Почти всех Мертвоголовых истребили, я осталась одна во Вселенной, мой любимый погиб десять тысяч лет назад, и с тех пор я ждала и верила в чудо. У меня возникли личные трения с Создателем, в результате которых последние пять тысяч лет мне пришлось провести в заточении. В пустом и черном мире анабиоза, одной со своими мыслями. Но я дождалась. Пять лет назад истек срок моего заключения, и Создатель вспомнил про меня, простил и доверил особую миссию. Создатель к этому времени окончательно разочаровался в людях, которые не только не слушались его, извратив все заветы и догмы, но и старательно разрушали весь подаренный им мир под названием Земля. Зато бабочки — прекрасный, трудолюбивый и радующий глаз народ — Создателю на данном этапе нравятся все больше и больше. Но мир бабочек очень мал и стал им тесен. И призвал Создатель меня и сказал: «Маргит, я прощаю тебя, служи мне, и через пять лет я верну тебе любимого в его первом обличье. Ты должна спасти мир бабочек и мир людей — они ведь твои потомки, в конце концов. Найди маленький уютный мир — перевалочную базу для куколок. Правь им и жди любимого, а когда он придет, вы вместе завоюете мир людей для бабочек и будете править им».

Я нашла этот тихий розовый мир. Правда, пришлось повозиться с мерзкими чудовищами, но я набрала в аду таких красавцев-бойцов, моих гвардейцев, что это не составило им особого труда. К тому

же я симпатизирую заточенным чудовищам, у нас много общего, и они нам очень пригодятся в Священной войне по спасению Реала. Как знак того, что я все делаю правильно, я нашла в этом мире Великую книгу с предсказанием твоего прихода, Эмобой. Чтобы не сбиваться, расскажу все по порядку.

Королева стала постепенно переходить к своему излюбленному стилю общения, сбиваясь на читку:

— В помощники Создатель мне дал противного Кота, и наделил его он суперинтеллектом, в нем знания всех ученых, начиная с древних египтян, кончая Силиконовой долиной. И вместе с ним мы разработали прекрасный план войны! Сначала бабочки из мира своего в наш Эмомир все прилетели и яйца дружно отложили тут, в моем дворце бескрайнем. Из них прожорливые гусеницы вышли, которые сожрали все живое в Эмомире, ты видел эти улицы, здесь, кроме пыли, нету ничего, а райские здесь кущи раньше были и девственные поросли цвели. Но гусеницам срок стать куколками вышел, ну а поскольку этот мир не просто мир, а «эмо», и получились эмо-куклы. В тех, что ты знаешь как эмо-кидов, сидят до времени в душевном их бульоне дневные бабочки красавицы, а в полых самодурах барбикенах —очные труженицы, фрейлины мои. Цикл куколок — пять лет, к концу он подошел, и потому нам нужно поскорей очистить Землю. Пока люди там все не погубило. Теперь вступает в силу наш план с Котом под котовым названием «Красота спасает мир», а мне так больше нравится «Бог — ест любовь». Ты уже знаешь, за пять лет мои трудяги, из тени в свет перелетая, любви и счастья нам

перенесли немерено сюда, а Кот, алхимик, научился так их обрабатывать, что можем снова в мир реальный нести их в виде суррогатов. Вот в чем наш замысел, Эгор: эмо-оружие мы растворим в запасах питьевой воды, и люди станут слабы. Любовью, счастием полны — они раскроются, и мужики, и бабы, и будут нашей армией полонены. Смотри, как это будет. Очень скоро все куклы Эмомира лопнут и на свободу выйдут бабочки. Огромные, красивые, они через разломы попадут в Реал. А добрые рас slabленные люди будут ими восхищаться. Прекрасных бабочек огромные стада заполнят Землю. Их никто не тронет — на красоту не поднимается рука. Но бабочки отложат яйца, и из них огромных гусениц всеядных выйдут толпы, которых не отравишь, не убьешь. И завоюют мир, верней, съедят — все, что съедобно, кроме слуг своих из эмо-антиэмо. На тех людей, что будут в состоянии нам сопротивляться, напустим мы чудовищ Эмомира. Но бабочки разумнее людей. Они оставят на большой Земле ресурсы для потомков. Тот золотой счастливый миллиард, который отберем мы из людей, за те пять лет, что гусеницы в виде куколок пасутся в Эмомире, для них съедобные ресурсы подготовит. Позволим на Земле мы жить лишь самым преданным, достойным и послушным из людей, не старше восемнадцати при этом. Пусть наслаждаются любовью. Мир молодых, счастливых и довольных всем, без денег, войн, религий и других проблем.

— Но они же повзрослеют! Люди ведь растут, стареют, — сказал Эгор.

— Ну, максимум до двадцати пяти. С таким-то грузом счастья. А младшие их дорастят детей.

Эгор, с трудом шевеля языком в пересохшем рту, сказал:

— Значит, если я правильно понял, армия эмо-зомби, обтрескавшихся суррогатными эмоциями, должна скормить шесть миллиардов беззащитных, отравленных любовью людей прожорливым гусеницам ради искусственного счастья обслуживать огромных насекомых?

— Ну, в общих чертах ты правильно понял.

— И ты, мудрая древняя человеко-бабочка, почему-то уверена, что я возглавлю эту безумную бойню?

— Потому что я знаю то, чего не знаешь ты.

— И что же это за страшная тайна?

— Егорка Трушин — мой прямой потомок. Его с Котом мы вычислили, сделав все, чтобы он сюда попал. Но это далеко еще не все. Ты в теле моего возлюбленного! Да, Эгор, ты человеко-бабочка — мужчина, и мы с тобою восстановим древний род сначала в Эмомире, а потом и на Земле, в Реале. Грядет великая семья Мертвоголовых. Эгор и Маргит — как звучит красиво!

— Чушь. — Эгор нервно засмеялся. — Я — бабочка? Ну уж нет! Я карикатура на человека, урод и мститель, плакса и драчун.

— Постой, Эгор, ты что же, мне не веришь? Своей невесте? А давно ль ты видел собственную спину?

Вспотев от дурного предчувствия, Эгор засунул правую дрожащую руку назад, как можно дальше, и уперся в лохматые складчатые сморщеные выросты на лопатках.

— О-о-о нет. Какая гадость!

— Они растут, Эгор, и скоро вместе под куполом дворца кружить в любовном танце будем мы.

— Послушай, Маргит, я раздавлен тем, что я сейчас услышал. И не готов к чему-либо еще. Мне нужно время все осмыслить.— Эгор отшатнулся и отступил на шаг от рванувшейся к нему в попытке обнять бабочки.

— Что это значит? Ты не можешь сейчас меня бросить! — Глаза Маргит метали зеленые молнии.

— Значит, могу. Мне очень нужно все обдумать. Видишь пауков отвращения, бегущих по мне? Такой любви ты хочешь, Маргит? Такой награды за тысячи лет ожидания? Какой-то сбой произошел у вас с Котом, нестыковка. Во мне нет ничего от твоего любимого, кроме этих мятых недокрыльев на спине. Я чувствую себя все тем же Егором Трушиным, загнанным в чужую шкуру. И я по-прежнему люблю Кити. Прости, наверное, еще не время...

— Не время! — Маргит взмыла в воздух.— Убийся, жалкий трус! Слизняк! Отныне ты — изгой! Ты на коленях приползешь ко мне и будешь крылья целовать! Никто с этой минуты в Эмомире с тобой не будет даже говорить. Изгой — ублюдок жалкий, Эмобой!

ГЛАВА 20

Успокойники

— И все-таки, Эгор, что такого тебе сказала Маргит, что ты уже целый час молчишь, только пыхтишь, как еж, и бежишь, как безумец, в Спальный район? Еще только три ночи. Сбавь обороты, мы по-любому успеем. — Мания бежала рядом с Эмобем от самого дворца и очень устала.

Она понимала, что еще чуть-чуть, и она отстанет, поэтому решила вызвать его на разговор. К тому же ее действительно разбирало любопытство. В ее мире никто не смел перечить Маргит. От вылетевшего из дворца как пробка Эгора она с трудом поняла, что там у них произошло.

— Она несла такой бред, она — само зло, причем безумное зло. Я послал ее, и она заявила, что я теперь изгой. Так что тебе со мной теперь, наверное, нельзя, — сбивчиво объяснил ей Эгор.

Но разве это могло остановить Манию, которая ничего не боялась, вечно делала все, что запрещено, и к тому же искренне привязалась к Эгору. Вот только бежать с ним в одном ритме уже не могла.

— Я же сказал тебе — она полная крейзи! — недовольно сказал Эгор, но все-таки сбавил темп. —

Я спешу, чтобы окунуться в сон кого-нибудь из близких мне людей и успокоиться. Еще хочу убедиться, что с ними все в порядке. А еще очень надеюсь, что мой толстый друг ждет меня там, боясь в чьих-нибудь жарких снах.

— Понятно, — сказала Мания. — Ты что, не доверяешь мне, Эгор? Я просто хочу знать, чего еще тебе наговорила наша Королева. Или это слишком личное?

— Маня! Я тебе доверяю, но не очень! Пойми, у меня здесь уже был друг. Клоун, блин, а не друг. Так вот, он тоже говорил, что я ему доверял, а стоило мне ляпнуть что-то, что ему не понравилось, как он заехал мне по морде и скрылся. Ты ж сама видела.

— Я не клоун. И никуда от тебя не денусь, если ты, конечно, сбавишь скорость. Расскажи, Эгорка. Может, я тебе помогу чем-нибудь.

Эгор от удивления и впрямь притормозил и с любопытством посмотрел на безглазую куклу, как будто в первый раз ее увидел.

— Хочешь мне помочь? Боюсь, что, если я тебе все расскажу, тебе понадобится моя психологическая помощь. Я, можно сказать, берегу твою раннюю психику.

— Моя психика выдержит все, а вот от любопытства я могу лопнуть, как Бэйби с Кулом.

— Ну что ж, Маня, поздравляю, в самую точку. Лопнуть. Это ключевое слово. Вы все — и эмо-киды, и барбикены — должны в ближайшее время лопнуть. Вы, все обитатели Эмомира, не более чем стадия развития бабочек из третьего мира, не знаю, как он там называется. Зато знаю от королевы, что в каждом из

vas живет взрослая особь бабочки, и, если я правильно помню со школы, она называется «имаго». Правда, смешно? Эмо — носители имаго, скоро Эмомир станет Имагомиром, но вы этого не увидите, от вас останутся только съежившиеся оболочки на полу, как от Кула и Бэйби. А имаго полетят откладывать яйца в реальный мир, где из них выйдут гусеницы-каннибалы, которые сожрут расслабленных любовью и раздавленных ненавистью несчастных людей. А я должен буду руководить бандой отравителей человеческого рода и следить, чтобы новым бабочкам было хорошо. Не людям, оставшимся в живых, а бабочкам! А еще заделаю Маргит бабочат с человеческими головами. Такая вот красота неземная! И знаешь, почему я все это буду делать?

— Почему? — автоматически переспросила Мания.

— Потому что я — человеко-бабочка, древнейший урод, и мое место рядом с клоуном в бродячем цирке Петросяна! Вот так.

Эгор уже не бежал, а шел. А на последней фразе он остановился, патетически подняв руки к начинаяющему розоветь небу. Потом отвесил Мании глубокий цирковой поклон, одновременно задрав сзади футбольку и балахон, чтобы оголить свою костлявую спину.

— Н-да, — сказала кукла, — жалкие тряпочки. На бабочку ты не похож, скорее на чертенка. Только рогов у тебя еще нет. Но какие твои годы. Шучу.

Эгор выпрямился, поправил одежду и недоверчиво посмотрел на спокойную Манию, на которую его рассказал, как ему показалось, не произвел никакого впечатления.

— Знаешь, Эгор, в чем твоя проблема? — сказала кукла. — Ты чересчур «эмо». Прости за каламбур. Ты почему-то воспринимаешь все буквально, забывая, что есть метафоры и есть гиперболы, в конце концов. Перебрал ты, ясен пень, отправляющих веществ в барбикенстве. Смотри, что хотела донести до тебя Королева. Это же элементарно. В каждом юном существе, входящем во взрослую жизнь, сидит и зреет новый взрослый человек, утрачивающий с возрастом часть эмоций: детскую непосредственность, способность так чисто чувствовать, радоваться и плакать по пустякам, зато приобретающий ответственность, жизненный опыт, цинизм, сарказм и прочие атрибуты взрослого. Однажды утром любое разумное создание во Вселенной вдруг обнаруживает, что его подменили и из зеркала на негоглядит кто-то новый. У бабочек это просто наиболее заметно, четко и ясно. Яйцо, гусеница, куколка, имаго — это всего лишь метафоры. Детская психология! Королева просто рассказала тебе красивую легенду о бабочках в душе у эмо-кукол, а ты и купился.

— Мания, спасибо, конечно, за психотерапию. Но проблемы не у меня, а у тебя. Я видел бабочек, которые вылетели из мертвых барбикенов.

— Глюки. Ты просто передознусь в фастфаке.

— А мои крылья — это тоже глюки?

— Крылья есть. Ну и что? В Великой книге у тебя есть крылья, я видела сама, когда служила во дворце. И ты обязательно станешь нашим Королем и мужем Маргит. Вы будете жить счастливо, и у вас будет куча детишек с крыльышками. А ничего про резню на Земле в Книге нет. Может, Королева

видит, что ты противишься ей, и старается разрушить твоё сознание апокалиптическими картинками, подавить твою волю, хочет, чтобы ты сдался и отдался ей, а она, так и быть, отменит военный поход в Реал.

— Ты хочешь сказать, что Маргит меня так чудовищно разводит? — ужаснулся Эгор.

— Думаю, да, — сказала Мания. — Она же чудовище. Чего же ей стесняться. К тому же тебе действительно некуда деваться. Этот мир принадлежит ей, и какой бы силой ты ни обладал, она всегда будет сильнее. Ты ей нужен, и она тебя получит. Чем беситься — лучше смириться.

— Отлично. И ты еще называлась моим другом. Ты советуешь мне идти на сделку с Маргит, а сама живешь вопреки всем местным законам...

— Я несчастна и не могу тебе пожелать того же.

— Знаешь что! — Эгор неожиданно распрымился так, что летучие крысы гнева тучкой поднялись от него в небо. — Знаешь, Мания! Иди-ка ты во дворец к своей Королеве и скажи, что фокус не удался.

— Ты про ее фокус?

— Нет, про твой! Ты — жалкая шпионка Маргит! С самого начала таскаешься за мной, как привязанная. Давно надо было тебя послать! Несчастная она! Вали отсюда, пока я из тебя всех бабочек не выпустил!

— Эгор! Ты сошел с ума! Я твой друг и даже больше! Я люблю тебя и не хочу, чтобы ты повторял мои ошибки!

— Отвяжись ты со своей любовью. Я больше не верю тебе. Уходи. А если увижу, что ты опять

увязалась за мной, Мания Преследования, клянусь, я раздавлю тебя, как барбикенских собак!

— Ты делаешь большую ошибку, Эгор, — прошептала Мания в спину удаляющемуся Эмобою. — Нельзя обижать тех, кто тебя любит!

Но Эгор уже не слышал ее. Он опять бежал. Бежал от Мании, Маргит и крыльев за своей спиной и остановился только у первой кровати в Спальном районе.

— Что за ерунда?

На знакомых кроватях не было подушек. Фонари нагло посмеивались розовым светом. Маргит, это ее проделки! Эгор сел на кровать и задумался. Королева начала свою атаку. Ход теперь за ним. Клоун от него сбежал, Манио он выгнал. Эгор остался один, как глаз в его гудящей голове. Можно дождаться утра и уйти через разломы в Реал и потом челночить туда-сюда каждые тридцать семь минут. Радость небольшая. Смотреть на жизнь родных и любимых людей и не принимать в ней никакого участия, просто подсматривать за ними в замочную скважину разломов. Наблюдать, как расцветает Кити, и даже не прикоснуться к ней, видеть, как плачет на кухне мама, вспоминая его, и не подойти к ней, не успокоить? А вдруг у Кити появится новый парень? Конечно появится, у такой-то классной девчонки. И он, Эгор, будет смотреть, как они занимаются любовью, и умирать от злобы и ревности? Классная перспективка. И вообще, скоро у него наверняка вырастут огромные чешуйчато-лохматые крылья, третья пара конечно же и выпуклый глаз-мозаика, а тело распухнет и покроется буйной растительностью. А ведь он мог

бы сейчас лететь на папиной «Аудине» к теплому лазурному морю, если б не влюбился в прекрасную эмочку. Хотя нет, Кити здесь ни при чем, ведь Маргит сказала, что это они с Котом уже давно отобрали Егора ей в женихи. Значит, случайностей в его жизни не было. Он — давно выбранная осмысленная жертва. Черт побери! Все спланировано. И его знакомство с Ритой, и то, что она не пошла на «Distemper», а послала с ним Кити, и его встреча с антиэмо у метро — все это дело рук ведьмы Маргит! Нет, ему обязательно нужно срочно попасть в Реал, чтобы убедиться, что с его близкими все в порядке. Эгор вскочил, заметался и только тут понял, что не знает, куда идти. В его памяти четко отпечаталась лишь дорога к дворцу, а вот к разломам он ходил либо с Котом, либо с клоуном и пути не запоминал. Вот дурак! Можно рвануть в барбикенство, но и туда его вела Мания. Может быть, он зря ее прогнал? Да, но можно ведь спросить у эмо-кидов. Они его обожают и обязательно помогут. Эгор бесцельно бродил по Эмотауну в надежде набрести на разлом или хотя бы на местных кукол. Но разломов он не увидел, они надежно прятались за скучной пустынностью розово-черных улиц. А встречавшиеся ему эмо-киды и их заплатанные мишки, еще издалека завидев его, с криком убегали, бесследно исчезая. Полная засада! От безысходности и жалости к себе Эгор не заметил, как заплакал, а ноги сами вынесли его к проклятому кладбищу и уходящему в небо готическому логову Королевы Маргит. Рысью пробежав мимо надгробий, боковым зрением отмечая, как прячутся от него за надгробьями трупозеры, Эгор одним махом

перелетел мостик и, не обращая внимания на гвардейцев, как обычно дремлющих по обе стороны входа во дворец, дернул за витиеватую, в виде змеи, ручку огромной двери. Плотно закрытая дверь не поддалась ни на миллиметр. Эгор забарабанил в нее сухими кулаками.

— Маргит! Открывай, дрянь, ты за все отвешаешь!

— Напрасно шумишь, брат. Королевы здесь нет, — сказал левый гвардеец с железными зубами и татуировкой «DRI» на скошенной лобной кости.

— Как нет? — опешил Эгор.

— Она отошла в мир иной, — грустно повторил железнозубый. Голос у него шел откуда-то из района живота, спрятанного в черной куртке «бомберс», а по черепу без глаз и мимических мышц было не понять, шутит он или нет. — Вернее, отлетела. В мир бабочек на пару дней.

Оба гвардейца забулькали животами, сотрясаясь носорожьими телами. Видимо, они смеялись над Эгором, над тем, какое впечатление произвела их шутка.

— Вы что, издеваетесь надо мной, скелетоны? — обиженно спросил Эгор.

— Нет, что ты, Эмобой. Как можно издеваться над будущим боссом, — сказал правый, в глубине глазниц которого горели глумливые красные огоньки. — Маргит просила передать, что по-прежнему любит тебя, она знала, что ты припол... Извини, забыл, как она сказала.

Нет, эти сонные громилы явно нарывались. И хотя Эгор был ниже любого из них на две голо-

вы, в нем скопилось столько злости, что он, не раздумывая, заехал левому ногой в живот, а правому — кулаком в отвисшую челюсть с острыми осколками зубов, вложив в удары всю душевную боль. И тут же пожалел об этом, потому что отбил и руку, и ногу. Завыв от боли, он покатился по земле как заправский футболист, не зная, за что хвататься. Слезы горя смешались со слезами обиды. Он — великий Эмобой, победитель чудовищ, не смог справиться с двумя дуроломами из собственной гвардии...

— Ваше величество, вам не больно?

— Вы не ушиблись, ваше величество? — участливо осклабились над ним ненавистные черепа.

Пересилив боль, Эгор вскочил и одним ударом ноги выбил тяжеленные дворцовые двери. Они, громыхая, улетели внутрь темного зала. Темнота и тишина покинутого дворца как-то сразу успокоили Эмобоя. Он стоял, щурился в темноту и совершиенно не знал, что делать дальше.

— Эх, ваше величество, все балуетесь! Детство в заднице играет, а нам теперь новые двери вешать, — посетовал железнозубый.

Эгор, развернувшись, метнул в него свой злобный взгляд, материализовавшийся огненным шаром. Но наглый гвардеец, вместо того чтобы разлететься ко всем чертям, поймал шар, как гандболист мячик, помял его в руках, уменьшив до размера снежка, а потом раздавил огромным ботинком, как хулиган хабарик.

— Ну хватит, ваше величество! Остынь, брат! Мы лучшие воины из мертвых, зачем тебе тянуться с нами? Тем более что мы не враги тебе, брат. Да,

мы рабы Маргит, но мы хорошие парни, — сказал Железнозубый. — И чтобы доказать это, мы приглашаем тебя выпить. Хлебнуть нашего фирменного винца — «Ностальгии».

— Ха, — сказал Эгор.

— Да-да, — сказал второй, — мы серьезно. Делать тебе все равно больше нечего. Никто, кроме нас, с тобой в Эмомире общаться не будет. Ну, еще, может, Мания, но ты ее вроде отшил, она уже пла-калась нам.

— Ну-ка, ну-ка! Что вы про это знаете? — спросил Эгор, радуясь, что постепенно забывает о по-зорном поединке.

— Все знаем, — сказал Железнозубый, — ты из-гой. Маргит пометила тебя феромоном врага, теперь все куклы, что эмо-киды, что барбикены, бегут от тебя как от огня. У них знаешь какая чуткая сенсорная система!

— Не знаю.

— То-то. Она у них, ни за что не догадаешься, в ресницах. Видал, какие длинные? Понял теперь, почему Мания с тобой может дружить? У нее же соматическое зрение, как и у нас. Она уже давно избавилась от этой сенсорной зависимости. Вырвала себе глаза вместе с ресницами, когда перебежала к эмо-кидам. А иначе не смогла бы с ними жить — феромоновое табу. А ты думал, почему барбикены эмо-кидов не переносят? Потому же, химическая несовместимость. А так и те и другие — бабочки-недоделки, куколки ходячие! — сказал красногла-зый.

— Опять куколки. Значит, Королева сказала правду и в них сидят имаго?

- Стопудняк.
- Но Мания сказала, что это всего лишь легенда.
- Эх,— вздохнул красноглазый,— для них — да, конечно, легенда. Люди вон тоже не особо верят в ад. Я, например, считал, что это легенда... Пока сам там не оказался. Спасибо Маргит, что вытащила.
- Да, слава Королеве, — сказал другой. — Мыто с Покойником хоть недолго там парились. Кстати, может, познакомимся? — Он протянул Эгору лопату-ладонь и представился: — Тру-Пак.
- Рэпер, что ли,— пошутил Эгор, пытаясь взять реванш за поединок.
- Красноглазый довольно забулькал. А Тру-Пак, не обидевшись, сказал:
- Да нет. Уличный боец.
  - Вижу, — улыбнулся Эгор, глядя на голый череп.
  - Давно это было, — сказал Тру-Пак.
  - Покойник! — протянул руку второй.
  - Хорошие у вас имена, — сказал Эгор, пожав гвардейцам руки, — говорящие.
- Точно, — сказал Тру-Пак. — А чего стесняться? Вся гвардия Маргит — покойники. В жизни — беспокойники, теперь — успокойники. Такая судьба барабанщика...
- А ты кем был? — спросил уже совсем расслабившийся Эгор у новоиспеченного мертвого друга.
  - Сначала бандитом, а потом, не поверишь, — Покойник покачал черепом, — продюсером.
  - Кем? — искренне удивился Эгор.
  - Я же говорил, не поверишь, — сказал Покойник.

— Ладно, братва, — сказал Тру-Пак, — чего стоим-то, дверь открыта — пошли посидим.

И они вошли в полумрак дворца. Гвардейцы уверенно шли в темноте, а Эмбой старался от них не отставать.

— Ну вот, отличное место, — сказал Тру-Пак.

Щелкнула, открываясь, «ZIPPO», и зажглись свечи, вставленные в подсвечники-черепа, на огромном столе где-то в большом темном зале.

— Что-то я раньше этого стола здесь не видел, — сказал Эгор, усаживаясь на крепко сбитый трехногий табурет.

— Братан, это наш стол. Зал большой, всего сразу не увидишь. Ну, за знакомство. — Покойник выудил из-за пазухи большую зеленую бутыль и ловко влил себе вино прямо в торчащую из воротника синюю трубку горла.

Эгор при свете свечей разглядывал новых друзей и отметил, что головы-черепа торчали прямо из зарубцевавшейся вокруг позвоночника и трубок дыхательного горла и пищевода грубой соединительной ткани, как будто кто-то макнул гвардейцев головой в серную кислоту и подержал, пока череп не очистится.

— Что, нравимся? — спросил Тру-Пак.

— Красавцы, — сказал Эгор. — Я сам наполовину такой.

Он поднял чёлку.

— Знаем, — сказал Покойник, — поэтому и пьем с тобой. — Он передал ему бутылку. — Глотни, не бойся. Чистая «Ностальгия» по веселым девяностым. Не какая-нибудь там дешевая «Меланхолия» или бодяжный «Сплин».

— Я «Сплин» люблю, — не к месту ляпнул Эгор и скорее глотнул. Вино оказалось мягким и обволакивающим. В девяностых он был ребенком и не на шутку испугался, что сейчас впадет в детство. — А ты правда работал продюсером? — спросил он у Покойника и передал бутылку Тру-Паку.

— Ну да. Я всегда тяжелую музыку любил. Ну вот, заработал я бабла, нашел молодую нюметаллическую группу и говорю им: «Вы, парни, рубите метал-кор, а я вам с клипами там, альбомами помогу, ну то есть денег дам на раскрутку».

— Ну и как, раскрутил? Как банда-то называлась?

— Нет, не раскрутил. Попсовые они какие-то оказались. Я им говорю: «На фиг это радио, это телевидение. Вы рубите, и все. Главное, чтоб приход ломовой на концертах». А они: «Да мы хотим известности, денег всяких». Стали попсеть. Я говорю: «Клипы надо снимать страшные, чтоб там трэш, крошища, бабы голые». А они каких-то модных клипмейкеров стали выписывать. Раньше пьяные на сцену выходили, удолбанные, в ноты не попадали, зато драйв, веселуха. А как продюсер у них появился, то есть я, сразу играть научились, на сцене трезвые — скукотища. Еще мне говорят: «Давай завязывай с наркотиками, надоело нам тебя тянуть». В общем, не сошлись характерами. Пришлось мне всех их перестрелять. Прямо на репетиционной точке.

— Что, правда? — спросил неожиданно окосевший от пары глотков Эгор.

— Да слушай ты его больше, — сказал Тру-Пак, вытирая рот рукавом куртки, — это ж его любимая телега. Продюсер — это у него кликуха такая была.

Он на входе стоял во всяких рок-клубах. Ну и по-драться любил. Однажды не пустил пьяного скина на концерт, да еще и отметелил. Ну а скин привел команду — десять человек. Продюсера так откукумали, что у него на голове шишка вскочила больше головы. Правда, Покойник?

— Да, Тру-Пак, было дело.

Бутылка, пройдя по кругу, опустела, и ее метнули куда-то в другой конец зала, где она взорвалась, как жалобная граната. Достали другую.

— То есть тебя, Покойник, убили скины? — спросил Эгор.

— Если бы. Заснул я пьяный зимой на улице. А ночью минус тридцать долбануло. Проснулся в аду, хоть согрелся.

— А как там в ад, парни? — Захмелевший Эгор уже не представлял, как он жил здесь раньше без этих отличных чуваков.

— У каждого свой ад. У тебя вот в нем много бабочек, — сказал Покойник.

— Не пойму, ты шутишь или нет?

— Покойник всегда шутит. Братва привыкла, — сказал Тру-Пак, снял куртку и бросил ее на пол. Его торс мог бы украсить любой музей тату или бодибилдинга, на выбор.

— А где ваши остальные? — спросил Эгор.

— Да там... Спят в королевских покоях, — махнул куда-то за голову Тру-Пак. — Где же им еще спать, они ж покойники. — И друзья-гвардейцы дружно забулькали.

— Н-да, — мечтательно призадумался Эгор, — вот, парни, мучит меня один вопрос. Как вы со мной разговариваете?

— Отличный вопрос, — сказал Покойник. — И как же?

— Слушай, Эгор, — Тру-Пак даже встал, — это очень хороший вопрос. То есть тебе все остальное понятно: живые куклы, дырка в твоей груди, чело-векообразные насекомые, ученые коты не вызывают у тебя вопросов?

— Да, похоже, я затупил, извините. Вино у вас крепкое, — пошел на попятную Эгор.

— Нет, подожди, я тебе отвечу, — не унимался Ту-Пак. — В Эмомире с тобой вообще никто не разговаривает. Все просто напрямую посылают тебе вербальные сигналы в мозг, на своих языках, а вот уже твой мозг расшифровывает их, причем так, что тебе кажется, что ты слышишь речь со всеми ее тональными и интонационными особенностями.

— Ни фига себе! Респект, Тру-Пак. — Эгор привстал и хлопнул того по могучей ладони. — Не слишком ли круто ты загнул для уличного бойца?

— У него два высших образования, брат, — сказал Покойник.

— Да врет он все опять, — забулькал Тру-Пак. — Я в тюрьме много книжек прочитал. А эту телегу я прямо сейчас придумал. На самом деле, Эгор, человеческий мозг почти не изучен, а мозг Эмобоя еще вообще никто не трогал. И потом, скажи, ты, когда был человеком, не сильно парился из-за того, что цвет — он всего один, белый, а все остальные цвета — это всего лишь игра света на разных поверхностях? Думаю, нет. Вот и здесь не парься. Принимай этот мир таким, какой он есть.

— Я могу его переделать! — пьяно похвалился Эгор.

— Он тебя тоже, — сказал Покойник. — Ты вообще помнишь, зачем ты три часа назад сюда рвался, дверь выломал?

— Мне Маргит нужна, она мне выход в Реал перекрыла, а мне срочно надо проведать кой-кого.

— Понятно! — сказал Тру-Пак. — Пойдешь в Реал с нами, — и достал третью бутылку, — мы сегодня вечером идем на Реальный сэйшн. Мы с Покойником — лучшие мошеры в Эмомире. Сегодня «Jane Air». Не «Black Flag» конечно, но мошпит замутится классный.

— Ничего не понял, — пьяно икнул Эгор. — Мош — это что-то типа слэма? Вы идете танцевать?

— Слэм — это куча-мала для быдлопанков и металюг. Тоже, конечно, весело, но мы бойцы экстраперсонажа. Мош — это танец настоящего мужчины, воина-индивидуалиста, — важно сказал Покойник. — Смотри, вот это — Пиццамейкер. — Он легко для своей комплекции вскочил на стол и стал с такой скоростью махать ручищами и ножищами, что Эгора чуть не стошило.

— А это — Пьяный мастер, — крикнул Тру-Пак, тоже запрыгнув на крякнувший стол, крутя конечностями рядом с Покойником и умудряясь его не задевать.

— Круто! Виртуозы! Меня потом научите, — сказал Эгор и провалился в вязкий алкогольный туман.

Вроде бы гвардейцы вытащили его на стол и учили делать «мельницу». А потом они снова пили и что-то пели, потом болтались по дворцу, потом куда-то долго шли по Эмотауну. Потом, горланя что-то непотребное, зашли в какой-то дом, Покойник

распахнул неприметную дверь, и друзья оказались посреди клубного зала, в самой гуще месива веселого мошпита. Покойник и Тру-Пак сразу же присоединились к машущим ногами и руками ребятишкам, и слава богу, что они не могли ни до кого дотронуться, иначе зал бы переполнился трупами. Эгор же, оставшись один в беснующейся гуще людей, которые не видели его, сразу оглох от обрушившегося на пьяную голову рева гитар и грома барабанов.

— Я — джанк! — орал со сцены бледный, худой, перекрашенный в черный цвет альбинос Бу, одетый во все белое.

— Я — джанк, — вторила ему толпа фанатов.

«А я-то кто?» — стучало в виске у Эгора. На какое-то время он потерялся, забылся и, ничего не понимая, пошел к выходу, рефлекторно стремясь подставить горячую, пьяную, раскальзывающуюся голову под прохладу струи из крана в туалете. Он находился в Реале без розовых очков и беруш в ушах, и скачущие бешеные эмоции вокруг били его прямо в мозг, создавая вместе с алкоголем невыносимый взрывоопасный коктейль. Огненным колесом прокатился Эгор по фойе, шестым чувством ведомый к железному «WC», но тут на глаза ему попалась такая неожиданная парочка, что он разомпротрезвел. И вспомнил все. Они, наверное, только что пришли. Сначала Эгор увидел Кити, ее улыбающееся лицо с гвоздиком ностреллы в носу и лабреттами в губе, и сразу отметил, что насадки на пирсинге черные, как и вся одежда девушки. Кити соблюдала траур. Траур по нему. Но она пришла на концерт, она улыбалась, она держала за руку...

Эгор врал себе, что не может сдвинуть взгляд чуть дальше, на самом деле он уже давно разглядел спутника Кити, но не хотел верить в это. Он закрыл и открыл свой одинокий глаз. Кити стояла одна и все так же улыбалась своей детской обезоруживающей улыбкой. Виктор, а это был именно он, в голубых джинсах и черной футболке, заходил в «дабл». Эгор и сам не понял, как оказался в туалете. Весь гвардейский хмель и все концертные эмоции, нагрузившие его, со свистом вылетели из его пор, вытесненные гневом. Эгор весь стал Гневом. Смерчем он пронесся по холлу туалета, из конца в конец, ожидая, пока Виктор выйдет из кабинки. «Почему я такой дурак? Почему я его не убил? Он убивает меня второй раз!» Эгор помнил, что ничего не сможет сделать Виктору сейчас, и это бесило его все больше и больше. Он вспомнил улыбку Кити и вырос в три раза. Глаз пылал огнем, от челки летели искры. Он кричал от боли и бессилия и вдруг увидел себя в зеркале над раковиной. Испугавшись от неожиданности, настолько он стал страшен, Эгор понял, что материализовался, и торжествующе захочтал.

— Ну, прямо демон. Демон, который не держит слова, — сказал сзади слегка дрожащий голос.

Виктор стоял у него за спиной и всеми силами старался держаться нагло и смело.

— Умри! — прохрипел Эгор, зависнув в воздухе, не осознавая, что делает это при помощи развернувшихся крыльев, и выпустил молнию злобы из глаза. Правда, пока поверх белобрысой головы, лишь чуть опалив бандану. Зато в двери кабинки он прожег дыру размером с баскетбольный мяч.

Виктора то ли разбил паралич от страха, то ли он действительно был нереально смелым человеком, но он не бежал, не кричал, не падал перед Эгором на колени. Просто стоял и смотрел на Эмобоя своими прозрачными глазами.

— Ты и Кити, — выдавил, клокоча злобой Эгор, — ты опять сделал мне больно!

— Ты все врал тогда во сне. Ты ее не любишь. Ты передал через меня, что просишь ее быть счастливой. Но тебя интересуют только твои чувства, твоя боль! — Виктор делал отчаянную попытку защищаться нападением и, похоже, попал в точку.

Пышащий огнем демон стал потихоньку сдуваться.

— Мне больно, — сказал Эгор. — Ты что, не мог найти себе другую девушку, придурок? Думал, тебе все сойдет?

— Это она меня нашла. Мне пришлось брать пропуск в больницу, и она выпросила на вахте паспортные данные. Она затащила меня на этот концерт, потому что я напоминаю ей тебя.

— Ты врешь! — не очень уверенно хрюпел Эгор.

Виктор, нахмурившись, замолчал, а потом сказал:

— Она любит тебя, но за что-то очень обижена. Ее подруга ей в чем-то призналась, я не вникал. Если хочешь — убей меня. Я просто помогаю Кити прийти в себя, по твоей просьбе.

— Заткнись, — крикнул Эгор, развернувшись лицом к зеркалу, — убирайся, пока я не передумал!

Эмобой закрыл лицо руками. Виктор быстрыми шагами на дрожащих ногах покинул туалет, не глядя на плачущего демона. Как только он вышел, Эгор

шарахнул кулаком по зеркалу, разнеся его вдребезги, потом крутанулся в воздухе и дико заорал, так громко, что на секунду заглушил в зале группу, певшую в это время песню про невесту. На свою беду, в этот момент в туалет зашли два ни о чем не подозревавших тусовщика. И нос к носу столкнулись с висящим в воздухе, ревущим, как сто милицейских сирен, чудовищем с горящим ненавистью глазом. Один парень упал в обморок, ударился головой о раковину, позже он умер в реанимации. А второй впал в кому и пришел в себя, с полной амнезией, только через полгода. Эгор увидел два тщедушных тельца, без движения лежащих перед ним, сразу сник и дематериализовался. В туалет набежала куча людей. Эгор в ужасе смотрел, как вокруг головы одного из юношей расползается красная клякса, и не хотел верить, что в этом виноват он. Тут его подхватили с двух сторон и молча потащили новые друзья Тру-Пак и Покойник. Ворвавшись с ним в гримерку, они через дверь стенного шкафа вывалились в Эмомир, и только тут Покойник, качая черепом, сказал:

— Некоторым тварям абсолютно нельзя бухать!
Ну и наломал ты дров, Эгор.

А Трупак добавил:

— Королева-то нам кислород теперь перекроет,
как пить дать, перекроет. Отмошились мы, брат Покойник!

ГЛАВА 21

Мания и депрессия

Прошла как минимум неделя с того злополучного вечера, когда Эгор ходил с гвардейцами на концерт. Честно говоря, Эмобой теперь не следил за временем. В Эмомире утро с вечером меняли друг друга слишком быстро, чтобы уследить за ними, а Реал практически перестал его интересовать. Думать о возвращении туда он перестал, про Кити вспоминать стало очень больно, а о том, что он убил невинных людей, Эгор старался забыть как можно скорее, впрочем, безрезультатно. Сначала он пытался анализировать случившееся, но результаты оказались настолько неприятными, что он быстро перестал мучить и без того истерзанный мозг. Проще всего было обвинить во всем злого гения его судьбы — Королеву Маргит, но это казалось ему верхом самоуничижения и малодушия. Нет, во всем виноват он сам. Он оставил в живых Виктора и сам послал его к Кити, он спас Риту, которая, похоже, рассказала Кити их секрет, он устроил дурацкую разборку в туалете, которая вылилась в смерть несчастных случайных свидетелей. В конце концов, это он никак не мог справиться со своими чувствами и эмоциями, постоянно перехлестывавшими

через край, не мог попрощаться с прошлой, уже чужой жизнью.

«Хватит, — решил он. — Надо оставить Реал в покое. Это больше не мой мир. И все, что я в нем делаю, сплошной вред и бред. Пусть живые занимаются живыми, а я займусь своей новой жизнью».

Но одно дело решить, другое — осуществить свои планы. Один он никогда не справился бы с разъедающими душу страданиями, сомнениями, самокопаниями и самообвинениями. Ему повезло. У него была Мания.

Вернувшись с Тру-Паком и Покойником в Эмомир, Эгор извинился перед новыми друзьями и пошел куда глаз глядел, лишь бы подальше от проклятого дворца. Он долго бродил по Эмотауну, не обращая внимания на разбегавшихся от него, как от чумы, кукол. Рассвет менял закат, и наоборот, но розово-черная унылая гамма вокруг не менялась, как не менялись и пыльные улицы с обшарпанными кукольными домами. Эгор страдал, болел душой и, как раненый зверь, хотел только одного: отлежаться где-нибудь в укромном тихом месте, наедине со своей болью. Он шел и шел, не разбирая дороги. Глаз туманили слезы обиды на все миры, а за спиной противно ныли сложенные крылья, которым он не позволял расправиться усилием воли. Наконец он больно стукнулся головой о стену, вытер глаз и посмотрел вокруг. Он стоял в глухом тупике. Дом, который перекрывал улицу, был не грязно-розовым, как остальные, а иссиня-черным, как тоска Эмобоя, и смотрел на мир пустыми глазницами оконных проемов. «Отлично, — подумал Эгор, — это то, что надо». Черная, треснувшая вдоль дверь подъезда болталась

на одной петле. Эгор поднялся по лестнице, оставляя в пыли глубокие следы, как космонавт на Луне. Входы в квартиры зияли пустыми проемами. Эгор шагнул в ближайший, выбрал комнату поменьше и потемнее и лег на спину к противоположной от окна стене, положив под голову сумку.

«Мне никто не нужен, — думал он. — Буду здесь лежать, закрыв глаз, пока не скроюсь под толстым слоем пыли. Если я не могу умереть, буду жить воспоминаниями. У меня было классное детство. Буду жить им. Может быть, когда я все повспоминаю, попрощаюсь с ним и смогу забыть, я начну жить новой жизнью. Может быть... А может быть, и нет. Главное, что я лежу здесь один и мне никто, никто не нужен. Меня никто, никто не найдет».

Мягкий, обволакивающий поцелуй в губы наполнил Эгора электричеством, пропустив ток желания через все тело. Не успев испугаться, он открыл глаз и провалился в бездонные черные колодцы на лице Мании.

— Но откуда ты? Как ты меня...

Кукла нежно, но решительно не дала Эгору договорить, закрыв его рот еще более откровенным и продолжительным поцелуем. Рот Эмобоя, а затем и все тело наполнились теплым сладким спокойствием. Быстрые руки Мании неуловимыми движениями побежали по усталому телу Эгора, раздевая его, и не успел он опомниться, как понял, что занимается с куклой любовью на пыльном бетонном полу, а вокруг них распускаются тяжелым алым бархатом колючие розы наслаждения.

Так началась новая жизнь Эмобоя, наполненная любовью Мании. Для безглазой куклы дарить свою

любовь было так же естественно, как для Эгора плакать. Она любила Эмобоя во всех известных смыслах этого слова и ничего не просила взамен. Тело ее оказалось неожиданно мягким, податливым и жарким, оно ежесекундно менялось в руках Эгора и под его чеслами, стараясь доставить ему как можно больше удовольствия. Наконец-то Эгору открылось настояще значение слова «отдаваться». И отдавалась кукла ему так ненавязчиво и деликатно, что казалось, что она боится, что любовник ее вот-вот прогонит. Иногда у Эгора возникало ощущение, что стоит ему махнуть на нее рукой, и Мания покорно поплещется прочь. Но ему вовсе не хотелось расставаться с ней. Мания наполнила его жизнь новым, простым и очень приятным смыслом и полностью отвлекла от дурных мыслей. Образ Кити еще витал где-то в далеких заоблачных высинах памяти, но ее улыбка приносила все меньше боли. А потом Эгор научился вызывать в голове образ Кити без всяких душевных мук, обнимая и целуя при этом отзывчивую куклу. Они занимались любовью часами, а может быть, сутками. Эгор оказался неутомимым любовником, да и Мания не знала усталости. Созданное для любви кукольное тело идеальных пропорций всегда было готово ответить на ласки Эгора и принять в себя всю его боль и отчаяние, которые постепенно таяли, замещаясь в душе юноши прохладной пустотой.

Шли дни. Они не знали, сколько прошло времени с первого поцелуя, они почти не отдыхали, им не нужны были еда и сон, и все их страстные соития сплелись в один тугой канат охрипших от оргазмического рыка связок Эгора. О прошедших днях на-

поминали лишь задубевшая, как подошва, кожа на любовном орудии Эмобоя и заросшая дикими цветами комната. Эгор и Мания теперь обитали не на пыльном бетоне, а в густой траве, среди маков, ромашек, васильков и незабудок. Стены и потолок поросли плющом и цепкими лианами, покрытыми дурманящими ярким цветом и немыслимым запахом тропическими цветами. Любовники постоянно царпались о колючки розовых кустов, все больше теснивших их к центру комнаты-поляны. И никаких насекомых, только цветы, цветы, цветы. Их пьяные зовущие ароматы слились в один афродизиачный поток, пропитавший тела и мысли. А какие красочные сочные цветы роняли на них свой нектар! Но ни один из этих цветов не притягивал взгляд Эгора так, как тот, что постоянно радовал его своим бесстыдным жаром и стыдливой нежностью, идеальной формой росистых лепестков и сладким дурманным благоуханием, кружасшим моментально пустеющую голову, — великолепный цветок Мании, вершина совершенства. А как приятно было будить упругие бугорки обычно невидимых сосков куклы. О том, что он занимается любовью с куклой, Эгор старался не думать. Он вообще старался не думать, и это у него неплохо получалось. Он перестал обращать внимание на пустоты ее глаз и места сочленения головы, рук и ног с прекрасным туловищем. Мания просто была чудесным подарком судьбы, давшим ему возможность позабыть про страдания. Она зализывала его раны в прямом и переносном смысле, и Эгор начинал подумывать, что это и есть счастье. Они почти не разговаривали. То есть сначала совсем не разговаривали, а когда в комнате стало трудно

дышать от ароматов удовольствий и цветов и нереальная реальность Эмомира смешалась с галлюцинирующим безумием вселенной запахов и чувств, они стали рассказывать друг другу коротенькие истории, которые всегда заканчивались ласками, по сути став неотъемлемой частью любовной игры.

Например, Мания как-то раз рассказала Эгору очередную байку про барбикенов, над которыми она не уставала прикалываться:

— Представляешь, многие барбикены считают, что они могли бы сделать карьеру в реальном мире. Мало того, у них существует целое течение, которое верит, что главные медийные суперзвезды реального мира на самом деле — барбикены, достигшие такой степени самовлюбленности, что смогли материализоваться. И теперь они каждые тридцать семь минут бегают туда-сюда. Все эти супермодели, телевзвезды и киноактеры: «Ой, извините, мне срочно нужно в туалет попудрить носик» — и шасть с подиума, эфира, съемки в Эмомир и обратно. Вот прикол. А проблемные места, — Мания провела ладонью по гладкой кромке сочленения шеи с телом, — они всегда чем-нибудь драпируют: брильянтовые колье, высокие воротники.

— Ну, или фотошоп, — сказал Эгор. — Вполне стройная теория. А почему вообще эмо-куклы зависят от Реала, почему просто не питаются эмоциями, которые выделяют сами?

— Потому что они для нас несъедобны. Люди же тоже не питаются собственными выделениями.

— Понято, — сказал Эгор и тихонько укусил Манию за тоннелизированную мочку.

Так они и жили. В любви, цветах и согласии. Во всяком случае, Эгор в это верил. Пока Мания не ушла. Они лежали рядом, тяжело дыша и держались за руки, только что отлепившись друг от друга.

— Я придумал стихи про тебя. Хочешь, про чту? — спросил Эгор.

— Прочти, — сказала кукла.

— Девушка с лицом слепца
у воздушного дворца
вся в предчувствии ответа.
Девушка с лицом слепца
в ожидании венца,
как застывшая комета.
Девушка с лицом слепца
уж согласна на глупца,
лишь бы был силен и нежен.
Девушке с лицом слепца
не видать вдали гонца —
путь страданья неизбежен.
Девушка с лицом слепца.
В предвкушении конца
сердце бьется сбитой птицей.
Девушка с лицом слепца
просит милости Творца.
Но желаниям не сбыться.

Когда Эгор закончил читать, Мания своим спокойным тихим голосом сказала:

— Я ухожу, Эгор. Прости. Мне хорошо с тобой, но этого мало. Любви у нас так и не получилось. А это главное для меня. Ты не моя половинка.

— Как это? — удивился Эмобой. — А эти цветы? А любовные стоны и конвульсии, а бездна удовольствия?

— Да, ты прав, все это есть. Но я — эмо-кид, меня не обманешь. Удовольствие видела, радость видела, даже жалость, когда ты, видимо, вспоминал, что я кукла. Благодарность видела, а любви от тебя я все-таки не дождалась. И не дождусь. Ты любишь другую. Моей любви вполне бы хватило на двоих, но это меня не устраивает. Я ищу гармонию в любви, только она даст мне долгожданные плоды. Спасибо тебе за все, прощай!

И она встала и ушла из цветущей комнаты, также бесшумно и быстро, как когда-то здесь появилась. Эгор тихо оделся, лег на спину, подложив сумку под голову, и закрыл глаз. Ему стало больно, обидно, в горле колючим комом стояли слова, которые он не сказал Мании. Да и зачем, если все, что она говорила, чистая правда. Ему было хорошо с ней, но сердце его по-прежнему висело на стене в комнате улыбчивой девчонки из другого мира. Так он и лежал, жалел себя и плакал, пока растения в комнате не стали гнить из-за высокой влажности. Поддавшись всеобщему тлену в комнате забытой любви, Эгор из солидарности с цветами тоже решил увянуть. Он перестал плакать, мысли его замедлили свой ход и перестали читаться, превратившись в серый телевизионный шум. Спина и конечности одеревенели, крылья-тряпочки, как осенние листья, прели под лопатками, волосы на затылке слиплись и спутались с погибающими растениями, челка упала на пол и пыталась пустить корни. Жизненные соки и токи в его организме теперь не бежали, а шли медленным шагом, совсем уже зажившая рана на груди снова капельно закровоточила, как порез на березе весной. По его телу стали

ползать короеды сомнений, мокрицы совести и черви сожалений. Его бы точно съели или превратили в нафаршированного насекомыми зомби, если бы однажды в комнату не вошли четыре здоровенных бугая.

— Вот он, гад, загорает, — услышал Эгор знакомый басок Тру-Пака, но сил открыть глаз уже не нашлось. — Да тут же дышать нечем. Уф-фу.

— Как его только ползучие твари не заточили? Вот ведь печальная картина полного морально-гого разложения и физического истощения, — узнал он и Покойника.

— Ладно, хватит базлать! Взяли — понесли, только аккуратно. Чтоб не рассыпался. Королева ждет. Повезло парню, что наша Маргит такая добрая и отходчивая...

ГЛАВА 22

Королевский секс

Вот уже три дня все тридцать три тысячи королевских фрейлин дружно приводили в чувство и в форму так некстати ушедшего в депрессию жениха Королевы. Сама Маргит не отходила от любимого Эмобоя ни на шаг, не выпуская из виду его воскрешающееся тело, словно боясь, что строптивый жених опять что-нибудь выкинет. Королева простила Манию, потому что та покаялась и рассказала, где прячется беглый Эмобой, чьи феромоны изгоя заглушили мощные цветущие афродизиаки. А еще потому, что всегда тайно симпатизировала этой кукле-смутьянке: в роду Мертвоголовых все оставались диссидентами и революционерами. И вполне возможно, в Мании сидит имаго мертввой головы. Пусть живет эта чертова нимфоманка, главное, что герой, которого упустили тупоголовые гвардейцы, нашелся. Маргит простила Манию, но к процедурам исцеления Эгора не допустила — нечего ей здесь делать. И вообще хватит играть в куклы-наложницы! В этот раз она не будет миндальничать с Эгороем. Маргит нужно потомство. И она его получит. Конечно, это не то, чего она ждала, и не то, что было обещано Великой книгой, где герой

влюблялся в красавицу Королеву с первого взгляда и они улетали вместе на седьмое небо играть красивейшую свадьбу во Вселенной. Не суть. Главное — он здесь и вполне дееспособен. И сегодняшняя ночь будет ее ночью. Ночью любви и зачатия новой расы сверхсуществ. Тысячи оматидиев-глаз Маргит светились желанием и предвкушением счастья.

Первые сутки Эгор в абсолютной фрустрации пролежал в знакомой ванне, наполненной розовой водой, а труженицы огневки, моли, бражники, медведицы дружно поливали его нектаром из своих хоботков, и из него, как из червивого белого гриба, повылезали и повсплывали все черви сомнений, слизни сожалений и клещи самообвинений. Ванна кишела паразитами угрызений совести. Душа Эгора очистилась, в ней осталось только жаркое раскаяние, и Эгор потихоньку приходил в себя, глядя на мир наливающимся осмысленностью глазом. Но Эмбой все еще был очень слаб. На следующий день его перенесли в другую комнату, побольше и посветлее, и положили в большую ванну из розовой яшмы, наполненную пенистым янтарным нектаром. Его поили жидким сиропом из счастья, любви и радости с добавками бодрости и вдохновения, пока Маргит не решила, что худое тело находится в достаточном тонусе, а в глазу хватает понимания жизни. На третий день Эгора снова перенесли. На этот раз он оказался в темной-темной комнате на чем-то мягкому. Когда Королева зажгла свечи, он понял, что весь пол комнаты занимает огромная мягкая перина. Хотя правильнее ее называть «чешуйчиной», поскольку наполнена она

была не пером, а волосками и мягкими чешуйками с крыльев бабочек.

— Это моя опочивальня, Эгор. Не пугайся, я не причиню тебе боли, как все твои прошлые любимые. Выпей этот бальзам, он тебе поможет, — нежно и даже печально сказала Королева, и Эгор в очередной раз удивился ее способности меняться. Он послушно выпил приторный, чуть горьковатый напиток, не похожий ни на нектар, ни на вино гвардейцев.

— Что это? Конский возбудитель? — Это были его первые слова, произнесенные после расставания с Манией.

Он сидел голый, но нисколько не смущался. Стыд, как и многие другие чувства, покинул его в королевских ваннах и не спешил возвращаться. Полное безразличие ко всему поселилось в его дистиллированной душе, заволокло своей аморфностью, все шевелящиеся где-то в глубине останки эмоций затушило раскаяние, а потом и вовсе вытеснило душу куда-то в область пяток.

— О-о-о, Эгор. Я вижу, ты совсем пришел в себя, — обрадовалась Королева. — Нет, это сок растворений из мира демонов и фурий, волшебный сок «Амаро-аморозо», который унесет тебя в ворота счастья.

— С тех пор как я попал сюда, я постоянно слышу про счастье, пью счастье, ем счастье, но почему-то счастливым не становлюсь. Наоборот. Становлюсь все более и более несчастным, боюсь, я не пролезу в эти чертовы ворота.

— Когда в реальном мире ты пил чай, ты тоже ведь не становился чаем? И даже не отчаялся.

— Надоели мне все эти ребусы. Я уже давно пришел в себя, Маргит. И как видишь, не убегаю. Хотя помню все, что ты со мной сделала, и все, что хочешь сделать. Я устал, сломлен, раздавлен. Если это считается героизмом в Эмомире, то я твой герой — Эмобой. Я решил плыть по течению. Посмотрим, что будет.

Эгор сидел на мягком полу и удивлялся тому, что несет его рот. Зато бабочка с лицом Умы Турман и губами Анжелины Джоли совсем не удивлялась. Она знала, бальзам подействовал, Эгор почти полностью был в ее власти. Он говорит то, что думает, а это уже большой плюс.

— Что будет? Сегодня ночью ты познаешь рай. Это говорю тебе я, королева Маргит.

— Звучит угрожающе, но я почему-то не боюсь, — сказал Эгор, погружаясь в приятную расслабленность. — Только если ты опять насчет любви... Знаешь, ты не поверишь, но толстое волосатое насекомое с шестью лапками почему-то меня не возбуждает.

В глазах Маргит сверкнула смешинка.

— Два существа разумных всегда найдут какой-то способ, как удовольствие друг другу доставлять, какими разными они бы ни родились.

Эгор с опаской покосился на мясистые губы Маргит.

— Нет, — улыбнулась она, — мы ведь с тобой детей заводим. Хотя, конечно, если ты попросишь...

Она взмахнула членистой лапкой, и в комнату залетело облако ее фрейлин.

— Не понимаешь ты, Эгор, насколько, — мягко продолжила Королева, перейдя на белый стих, —

для насекомых важно оставлять потомство, особенно для бабочки ночной. Для многих эта жизни цель становится последней, равной смерти. Ночная бабочка откладывает яйца и умирает, обессилев, успев лишь отползти подальше, чтобы не привлечь внимания к кладке.

— Да уж, — сказал Эгор, — и зачем тебе, Маргит, все это? Мир насекомых вообще крайне жесток и нелеп. Некоторые паучихи, насколько я помню, откусывают партнерам головы сразу после оплодотворения. Может, устроим вместо ночи любви ночь игры в шахматы, доставим друг другу интеллектуальное удовольствие?

— Но я не паучиха и не бабочка, Эгор. Я — идеальное создание, поэтому у нас все будет хорошо.

Маргит снова взмахнула лапкой, и тысячи ее верных слуг закружились вокруг Эгора. А потом пестрым маскарадным костюмом облепили его обнаженное тело и стали легко, но довольно настойчиво массировать своими лапками каждый миллиметр его тела. Это было великолепно. Эгор закрыл глаза и погрузился в многочасовую нирвану. Душевые переживания не тревожили его, сменившись полным безразличием к своей судьбе. Зато тело, восстановленное королевскими ваннами, стало гиперчувствительным и с восхищением принимало массаж тысяч тонюсеньких лапок. Эгор погрузился в сон наяву. Топчущиеся на нем бабочки мобилизовали яркие счастливые картинки из детства, томившиеся в подсознании, и, кроме удовольствия чисто физического, он получал тепло приятных ассоциаций. Он словно доверился сильным и добрым материнским рукам, доставшим его из ванночки и завернувшим

в мягкое махровое полотенце, каждую ворсинку которого он ощущал нежной кожей. Массаж расслабил каждую клеточку тела Эмобоя и длился долго, словно целую жизнь, пока Эгор не услышал громкий резкий звук. Это Маргит щелкнула крючьями пальцев, и бабочки разом отпрянули от Эмобоя. Эгор, уже привыкший к новой одежде, вдруг почувствовал себя таким голым и беззащитным, что даже испугался, что бабочки улетели вместе с его кожей.

— Понравилось? — спросила Маргит, подлетев вплотную к Эгору.

— Неплохой массажик, — сказал Эмобой, чуть отклонившись.

— Выпей это, и тебе станет еще лучше, — протянула Маргит к его рту очередной кубок.

— Обычно я спаиваю девчонок, Королева. Может, хватит загружать меня всякой химией. А может, это галлюциноген? Или анестезия? Хотя, наверно, это водка. Ты веришь в сказку, что не бывает страшных баб, бывает только мало водки? Но, Маргит, в твоем случае мне столько просто не выпить.

— Ты много говоришь, Эгор. Расслабили тебя неплохо, браво! Пей! Это «Деламорэ-деламортэ», рецепт Кота и мой. Тебя в сплошной нейрон он превратит, чувствительность твою в миллионы раз повысив.

— О, узнаю знакомый слог. Ну ладно, честно говоря, мне все равно. Надеюсь, что козленочком не стану, хотя, возможно, это лучший вариант.

Эмобой осушил кубок до дна. Мир вокруг него моментально преобразился. Воздух стал приятным на ощупь. Он слышал нетерпеливый стук сердца

Маргит, которая опять отлетела от него на пару метров и выжидающе блестела глазами. Ее волосастая эллипсоидная тушка, слегка подрагивающая в озаренной свечами комнате, уже не казалась ему столь безобразной, как обычно, и причиной тому явился запах. Вернее, тонкий аромат, что стало источать тело Королевы. Ноздри Эгора затрепетали. Чудесный аромат ударили в голову, и Эмобой поплыл — в прямом и переносном смысле. Аромат тайны, запах отчаянного желания и полной власти, которой Эгор уже был отдан. Неведомая сила подняла его в воздух, и он понял, что это раскрылись за спиной его два больших крыла, пронизанные сосудами, которые в один момент заполнил кровью этот острый и манящий запах. Эгор висел в воздухе вровень с королевой, и в его затуманенном мозгу в который раз за последнее время мелькнула спасительная подсказка: «Это сон, только сон», но вскоре и ее заволокло густым кисельным туманом запаха-призыва. Запах запульсировал в Эгоре новым, неизведанным чувством — чувством долга. Он еще не осознал, кому и что он должен, но каждая его расслабленная бабочками клеточка тела вдруг сладко и тревожно напряглась в ожидании выполнения миссии. Все тело, висящее на трепещущих крыльях Эгора, превратилось в натянутую рояльную струну дрожащего нерва. А запах нестерпимо нарастал. Глаза Маргит, находящиеся вровень с глазом Эгора, зажглись холодным болезненным огнем неутолимого желания. Как героиня немого кино в порыве страсти, Маргит неожиданно схватилась всеми лапками за середину на глазах увеличившегося в три раза набухшего брюшка и отчаянным усилием дер-

нула конечностями, словно пытаясь разорвать себя надвое по вертикали. И разорвала! Из появившейся розовой щели-раны в комнату понеслось и за секунду наполнило ее такое райское благоухание, что потерявшему разум Эгору показалось мало вдыхать его носом, и он, судорожно открыв рот, пытался вдохнуть в себя как можно больше, неотрывно глядя на все более открывавшуюся рану Королевы. Маргит дрожащими от напряжения и боли лапками совершила еще один героический рывок, и черные лохматые шторки брюшка окончательно разъехались, открыв остекленевшему взгляду Эгора розовую пещеру тугой плоти, дышащую влажным желанием и пышущую призывной огненной страстью. Из пещеры неслись вихри благоуханных феромонов, и не успел Эгор и глазом моргнуть, как крылья предательски внесли его в «ворота рая» Маргит и позади него с хлюпом захлопнулась темнота. Эгор растворился в интимной доменной печи безумной Королевы.

Но не умер. Он понял это, когда подумал: «Все, я умер». Вокруг была кромешная темнота и мертвая тишина.

«Но раз я думаю, что умер, значит, я живой», — обрадовался незадачливый герой. Он попытался вспомнить, что предшествовало его попаданию в молчащую тьму, но смог вспомнить только кубок горького холодного напитка, поданного ему Маргит. Отравила, но зачем? От напряжения мысли его избавил праздничный салют, столь неожиданный и яркий, сколь громкий, многоцветный и прекрасный. Салют летал вокруг него, кругом взрывались фейерверки и расцветали шумными цветами, через

секунды исчезающими в темноте. Эгор находился в космосе, сомнений в этом не осталось, он парил в бесконечной темноте, которая разрывалась разноцветными брызгами. Он кувыркался на свободе. Один. Ни о чем не жалея. Да и о чем он мог жалеть, если ничего не мог вспомнить. Кто-то его хотел, какая-то Маргит. Вроде бы он ее боялся, но сейчас никто ему не угрожал, потому что он летал в безвоздушном пространстве, свободный и счастливый. Ему ничего не казалось странным, все шло так, как должно: гремел салют в его честь — супермена-космонавта. Далекие звезды улыбались ему своей белозубой улыбкой, и впереди зияла вечность. «Все отлично, но кто же я такой?» — подумал Эгор и засмеялся над своим глупым вопросом, и смех громом пошел гулять по Вселенной, отражаясь звонким эхом от звезд, и, словно услышав его, появилась она. Появилась из ниоткуда, но сразу стало понятно, что она была здесь всегда и ждала только его. Она легким дыханием подлетела к нему, взмахнула хулигански светлым облачком волос и, заглянув ему в глаза, спросила:

— Ну и где же ты так долго был, Егор?

А он вдохнул ее дыхание и захлебнулся от счастья. Он увидел себя в отражении бездонных синих озер ее глаз и сразу все вспомнил. Он — космический пловец, его зовут Егор, а это его девочка, прекрасная... Черт! Вот имени-то ее он как раз не мог вспомнить, как ни старался. И тогда, чтобы сгладить неловкость, он обнял ее и поцеловал, и они стали вместе кружиться меж звезд, которые сразу стали ближе и ярче и тоже кружились вместе с ними. Их поцелуй постепенно переросли

в любовную игру, и ничто уже не могло помешать им заниматься любовью среди таких же, как они, небесных тел — ни одежда, которой на них не нашлось, ни невесомость, потому что они крепко обнимали друг друга и просто перетекали из тела в тело радужными волнами, то растворяясь в темноте космоса, то загораясь яркой сверхновой звездой. Их любовь была так прекрасна, что некоторые звезды потускнели на ее фоне, так откровенна, что звезды постарше зарделись, так совершенна, что могла бы просуществовать бесконечно, но мешало одно «но». Умирая от счастья и возвращаясь в объятия любимой, Егор мучился одним и тем же болезненным вопросом: «Как же ее все-таки зовут?» В астральной голове крутилось только одно имя — Маргит. А Егор откуда-то знал, что это имя не имеет никакого отношения к его неземной любви и вселенскому счастью. И вот, когда он уже совсем потерял надежду, все его существо внезапно озарилось внутренним светом этого родного имени. Он оторвал свои губы от губ любимой и торжествующе закричал холодному космосу:

— Кити! Я люблю тебя, Кити!

И космос сразу же выплюнул его в другую чужую темноту, на мягкую подстилку из чешуек крыльев ночных бабочек. В комнате никого не было. В открытую настежь дверь сквозняком от взмахов огромных крыльев уносило остатки любовных запахов. Эгор сел, обхватив руками колени, и, впившись тяжелый взгляд в дверной проем, попытался вспомнить, что с ним случилось. Но, к счастью, воспоминания обрывались на горьком вкусе «Деламорэ-деламортэ» во рту.

ГЛАВА 23

Маски сброшены

Эгор в черном хитоне, который не мешал сложенным за спиной крыльям, сидел на широком, как обеденный стол, подоконнике, прислонившись лбом к холодному розовому стеклу витража, и ждал, когда наступит рассвет. Это было его любимое место во дворце и его любимое время в Эмомире. Короткий отрезок сумерек, когда вечер уже умер, а утро еще не успело родиться. По этим затмениям Эгор отсчитывал свою новую жизнь с того момента, как обнаружил свое тело на мягкой подстилке в опочивальне Маргит. Всего таких затмений он отметил уже семь. Но восьмое почему-то не торопилось наступать. Темнота за окном не хотела розоветь, а наоборот, как показалось юноше, еще больше сгустилась. Но ничто не могло испортить настроение Эгора, потому что его и так не имелось в наличии. Тих, спокоен, безмятежен — так в трех словах можно описать его нынешнее состояние. Его больше не мучили мысли и воспоминания о прошлой жизни, они сгинули где-то в лабиринтах мозга, который каждый день обильно орошали возлияниями вкусных напитков, приносимых ему новым другом — Котом. Многочасовые ванны, ежедневный массаж не позволяли ему напрягать

извилины. Он жил унылой растительной жизнью, готовясь к церемонии свадьбы с Маргит, совмещенной с коронацией. Королеву после той ночи, которую Кот любовно называл Ночью Зачатия, он видел всего лишь раз. Она подлетела к нему, когда он возлежал в утренней нектарной ванне. На ее бледном лице сияла торжествующая улыбка, когда она с гордостью продемонстрировала Эгору заметно раздавшееся бочонкоподобное брюшко. Молча полетав над Эмобоем, она исчезла. Глядя на невесту, Эгор не испытал никаких эмоций, разве что мелькнула мысль: «Хорошо все-таки, что я ничего не помню». Но помнит — не помнит, а завтра он сядет с Маргит на трон. И его новая жизнь получит королевское продолжение. Это теперь — его судьба, его дом, его вселенская миссия. Так говорит его добрый друг Кот, а он большой ученый и желает Эгору добра. Кот рассказал вкратце о прошлой несчастной жизни Эмобоя, полной боли, отчаяния и непонимания среди злых, коварных и кровожадных людей, и Эгор понял, почему ему совсем не хочется бередить свою память. Хвала Создателю, Великая Маргит и мудрый Кот смогли вытащить его из бренного мира жестоких и мелких людышек, дали ему новое тело, огромную силу и власть, и скоро он сможет поквитаться со своим прошлым.

В свободные от ванн и массажа минуты Эгор любил поиграть с Котом в шахматы и полистать Великую книгу — старый затертый самодельный комикс о его, Эгора-Эмобоя, подвигах в Эмомире. Комикс заканчивался свадьбой Эгора и Маргит. Они летели в вечной ночи космоса на прекрасной розовой карете, запряженной тысячами бабочек, а потом отпускали

ее и кружились среди звезд на собственных крыльях. Эгора не смущало, что Королева в комиксе была красивой девушкой с золотыми волосами, ведь Кот объяснил, что это всего лишь аллегория красоты Маргит.

Темнота за окном начала раздражать и пугать Эгора. Давно он не испытывал подобных чувств. Кота, обычно в это время развлекавшего его беседами, тоже почему-то не наблюдалось. Зато кто-то неизвестный дерзко и неожиданно ударили Эгора сзади по царственному плечу. Вздрогнув от испуга и панибратства, Эмобой обернулся. Перед ним стоял толстый красный клоун со злым лицом и глазами, полными отчаяния.

— Что это за дрянь у тебя за спиной? Мутируешь в бабочку, чувак?

— Мы знакомы? — холодно спросил Эгор. — Что вам нужно?

— Ого. Хорошо же над тобой поработали. Слезай! Кити срочно нужна твоя помощь.

— Кити? А кто это?

— Привет. Все еще хуже, чем я думал. Тебя превратили в безвольную куклу с атрофированными эмоциями. Может, хотя бы это освежит твою память?

Клоун без замаха заехал ладонью-граблей по бледной щеке Эмобоя.

— Это тебе от Кити за Ритуал.

Эгор слетел с подоконника и, сбив пару подсвечников, прокатился на животе по гладкому полу зала. Подскочил и, взмыив на крыльях к высокому куполу, заверещал:

— Стража! Кот! Маргит! — Внезапно взгляд Эгра прояснился, по лицу прошла быстрая судорога. —

А, черт, вспомнил! Тик-Так, ты вернулся, толстый придурок!

Эгор соколом упал вниз и опустился на пол рядом с клоуном.

— Отлично работает, ударь-ка меня еще.

— С удовольствием, — сказал Тик-Так и заехал ему по левой щеке.

— Ура, вспоминаю! — закричал Эгор, поднимаясь с пола метрах в пяти от клоуна. — Толстяк, как я рад тебя видеть!

На шум прибежал взъерошенный Кот, в кедах, черных «дудочках», полосатом джемпере и манерном галстуке. При виде обнимающихся Эгора с Тиком, очки у котяры от возмущения уехали к ушкам на макушку.

— Опять ты? Опять все прахом хочешь пустить?

— О, котик, я тоже рад тебя видеть. Насмотрел тебе в Реале отличного таксидериста.

— Стражи! Гвардейцы! — засиренил Кот.

— Зря стараешься, мы уже уходим, — сказал клоун.

Но на трубный зов Кота уже сбежалась чертова дюжина адских богатырей.

Гвардейцы в ожидании дальнейших приказаний окружили Эгора и Тика и топтались на месте, клавая могучими челюстями.

— Стойте! — громко скомандовал Эгор. — Как будущий правитель Эмомира приказываю всем вам разойтись! А ты, котяра, мне еще ответишь за все про все, когда приду обратно. Ко мне вернулись память и мой друг!

— Куда же вы собирались? — сбавил обертоны Кот.

— Моя любовь в опасности. Да, кстати, что с ней, Тик?

— Кити в морге, — всхлипнул клоун и, увидев, как побелел Эгор, добавил: — Но она жива. Я знаю точно, что она в глубокой коме. Туда отправила ее чудовищная тварь, ревнивица, убийца, обманщица и шарлатанка, манипуляторша и интриганка...

— Маргит? — выдохнул Эгор.

— Так кто ж еще? Летучая лохматка, — согласился клоун.

— А он отец ее детей, что уж неделю Королева носит в чреве, — пискнул Кот.

— Когда успел? Проклятый Эмойоб, — схватился за рыжую голову клоун.

— Кто тут плохое говорит о Королеве? — Над клоуном злой черной тучей зависла Маргит. — Взять его.

— Так, стойте все. Я буду говорить, — сказал Эгор таким железным командирским тоном, что стало ясно — к нему вернулась не только память, но и прежняя сила.

— Что делать, Королева? — спросил старший гвардеец.

— Стойте, демоны, нет худа без добра. Шпион пробрался во дворец и хочет многое сказать нам. Пусть скажет, и тогда решим, что делать дальше.

— Спасибо, королева пафоса и фальши. Начну с начала. Я — татуировка! — Лица у слушавших, за исключением как всегда застывшей маски Маргит, вытянулись и оставались в таком положении до конца речи Тика. — Над сердцем выбит был у Кити я, лишь кожу краска пропитала, как часть ее души моею стала. Предмет искусства я одушевленный, я

боди-арт, но сделанный с душой. Довольно про меня. Теперь о главном. Создатель Эмомира — Кити.

Клоун торжественно развел руки в стороны и картинно поклонился.

— Подумаешь, секрет Полишинеля, — скривила губы Маргит, видя, как у Эгора и гвардейцев отвисли челюсти. — Мы с Котом давно уже проводили о том. Еще когда избрали этот душный мир для заселенья. Видала я Создателей покруче. Знакома я с Создателем Создателей Всего.

— И он тебя отправил в ад, навечно. Но только выпустил зачем-то, не пойму. Видать, Создатель тоже может ошибаться! Ведь ты умеешь только разрушать, — парировал Тик-Так. — Вернусь к Создателю — она зовется Кити. Создательницей правильней ее бы надлежало называть.

— Ты хочешь сказать, что я все это время нахожусь во внутреннем мире Кити? И ты молчал? — стал приходить в себя Эгор.

— Все не совсем так просто. Ты в одном лишь из ее миров. Их много. Этот — Эмо. И она не знает, что ты здесь, ведь все это — работа подсознания. Такая доля у создателей порой — не знают о своем предназначенье. Она живет с тобой в душе до смерти, вот и все.

— Я ничего не понял. Ничего не понял! — сказал Эгор. — Может, толстяк, тебе стоит перестать изъясняться этим кривым белым стихом? Тебя что, тоже отравила Королева?

— И рад бы — не могу. Слова ложатся сами. Так легче говорить, когда болит душа. — Клоун глубоко вздохнул и продолжил: — Понять историю мою довольно сложно. Поверить в десять раз сложней, но

я попробую еще раз объяснить. В момент убийства твоего ужасного, Егор, за миг, вернее, до него решила Кити ни за что и никому тебя не отдавать и отобрать у смерти твою душу. Своей не зная силы, она действительно тебя спасла. Но только вот не тело от могилы, а душу в мир свой угловатый подростковый, что создала пять лет назад и позабыла, она впустила в теле Эмобоя. Руководясь не разумом, а подсознанием, она меня отправила с тобой, своею наградив душой, чтоб я тебя поддерживал в скитаньях. Узнав, что ты ей изменяешь с Ритой, вернулся я домой, и Кити ожила. Что приключилось с ней такое, так до конца и не поняв, Егора лишь по-прежнему любя, она жила, в своей душе храня тебя. Пока колдунья Маргит не отравила ее яблочком проклятым, теперь история реально пахнет адом. Так понятней?

— Да. Так понятно. Но не все, — сказал Эгор. — Вот, например, что скажешь ты про Книгу?

— Тот комикс, что настольной книгой Маргит стал? Он нарисован Кити и забыт. Примерно лет тринацать деве было, когда она все это сочинила. Героя рисовала, эмо-кукол, и зайца страшного, и мерзкого клопа. Вот только злобной бабочки и хитрого кота, а также их подручных здоровенных там не найти. Они захватчики, они здесь нелегально.

— Не пойму, — сказал Эгор, — откуда же они здесь взялись? Как Кити их пустила?

— А никак, — сказал клоун. — Их Кити непускала и не знает, какой порядок здесь устроили они, как обзывают бедных эмо-кукол.

— По-моему, все счастливы, — сказала Королева.

— Видишь ли, Эгор, — сказал Клоун, — когда ты строишь дом, ты не планируешь в подвале крыс и в ванной муравьев, на чердаке летучих мышек, и сетка в форточке ведь не всегда спасает от ушлых комаров.

— А как же вся эта история про бабочек, растворяющихся в кукольных телах, переходящая в завоевание Реала, и истребление разумных всех людей? — спросил Эгор, подстраиваясь под кривую читку клоуна.

— Ну, тут фантазия у Кити с планами Создателя совпала, — сказала Маргит пафосно. — Бывает, замысел ничтожный твой великой продиктован головой.

— Но если Кити нет, то вашим планам крышка, как и вам. В ад так рады будут снова мертвым головам! А планы уничтожить всех людей не новы, и тут Создатель совершенно ни при чем. Его здесь антипод усиленно маячит. — Лицо клоуна осветилось внезапной догадкой. — С тобою все понятно, Маргит, — ты служишь Сатане, и он тебя освободил из ада и всем на горе запустил сюда.

— Давайте конструктивней, господа! Еще немного, и погибнем все. Чего мы держим их, пускай идут, — ввязался Кот.

— Все. Я понял. Побежали к Кити! — вспомнил Эгор про любимую, попавшую в беду.

— Нет, подождите, — сверкнула зеленым металлом Маргит. — Не окончен разговор. Лишь я одна все знаю до конца. И только я смогу найти решение, что всех спасет и будет всем приятно.

— Послушай, насекомое, — сбился с читки клоун, — если мы не спасем Кити до полуночи, все

твои планы рухнут. Эмокор исчезнет, словно сон, и ты с друзьями отправишься в ад, по месту прописки. На вас мне наплевать, я должен спасти Кити. А помочь ей может только Эгор, как это ни банально, дыханием «рот в рот». Объясняю, — продолжил он, видя вопросы в глазу Эгора. — Маргит отравила Кити, подло, вероломно, впрыснув яд в то яблоко, что Рита ей несла в подарок. Сначала я грешил на Риту, но, увидев ее реакцию на то, как бедная Кити упала и «умерла», я понял, что она лишь слепое орудие. С тех пор как ты, Эгор, немного опоздал — всего на две минутки — разбудить ее, в ней поселилась смерть, размером в две минутки. Но хитрой Маргит хватит и того, чтобы управлять, помимо власти, человеком. К тому же я ее увидел лично парящей над хозяйкой в темноте.

— Королева, — завопил Кот, — как же так? Ведь вы сказали, что этот яд для Мании, чтобы усыпить бедняжку.

— А что случилось с Маней? — перебил его клоун.

— Беременна она от Эмобоя, — выпалил Кот.
И Эгор, и клоун одновременно схватились за голову.

— Но это невозможно, — сказал Эмобой.

— Ну, парень, ты даешь. Снимаю шляпу! Заделать кукле киндера. Ты переплюнул папу, — сказал клоун.

Кот, отмахнувшись от них, продолжил ор:

— Но все же, Королева, наши планы вы ревностью своей вмиг уничтожили зачем? Вы высшее творение решили погубить — Создателя! Зачем? Когда все хорошо: зачаты дети, Эгор томится в нашей

власти и не стремится больше никуда, еще чуть-чуть, и оба мира под твоей пятой. О Маргит! Ревностью своею ты отравила свое счастье! Какой чудовищный отстой!

— Молчи, животное! Ты виноват, ты перепутал дозу. Просила я тебя, чтоб только усыпить и кому вызвать где-нибудь на месяц. А Кити в морге. Кстати, почему? Вот здесь я, клоун, что-то не пойму. Если она живая, спит, то место ей в больнице, как и задумывала я. Хотела я семью обезопасить хотя бы на месяц. Ну а потом уж поздно было бы мне мешать. Все эмо-куклы лопнули бы разом, и бабочки из них заполнили Реал... Так почему красотка Кити в морге?

— Врачи на «скорой» пульса не нашли. Дыхания на зеркальце не видно. И в морг ее немедля увезли.

— Где это случилось? — спросил Эгор.

— Дома у Кити, — сказал клоун. — Рита пришла мириться, принесла вино и яблоки, а когда Кити упала, она вызвала «скорую», открыла дверь и убежала.

— И как же я ее спасу дыханием «рот в рот»? — спросил Эмобой, насупив брови.

— Легко ты рот ее своим найдешь, — сказала, опередив клоуна, Королева, — и душу ей свою отдашь, и оживет она, а ты умрешь. Ты не сказал Эгору, клоун, что он исчезнет в тот же миг, как поцелует нежно Кити. Конечно же, зачем? Ведь на него вы все плевать хотите. Умрет хозяйка, и погибнешь ты, толстяк, а остальное — не твои проблемы. Причем Эгор исчезнет навсегда, его следов не будет ни в одном из существующих и будущих миров.

— Уверен я, на жертву он готов, — буркнул клоун. — А если Кит сегодня в морге не проснется, то

сгинет Эмомир, и куклы, и Эгор, лишь ваша шайка в ад вернется. Такой расклад устроит всех?

— А почему она умрет? Ведь если дело дойдет до вскрытия, господи прости, любой патологоанатом сразу же увидит, что она живая, и девочку отправят или домой, или в больницу, — сказал Кот, еще раз показав свою ученость.

— Уже увидел, — сказал клоун, — Семен Иваныч Чуткий, патологоанатом еще тот. И извращенец, и мерзавец. Я слышал по мобильному звонок и слышал после размышления под нос. Семен Иваныч продал сердце Кити, а сам нацелился на девственность ее, за мерзкую подробность извините. За сердцем приезжают, — клоун посмотрел на часы, — через два часа. Эгор, нам надо торопиться.

— Иду, — сказал Эгор. — О, сколько же подонков там, в Реале! И где этот блондин, как он оставил Кити?

— Виктор ничего не знает, — сказал клоун. — Безумно в Кити он влюблен. Но Кити не дала ему пока что даже телефон. Хотя он нравится ей, но в душе ее пока живешь лишь ты. Он не переживет, если она умрет.

— Опять все мои планы в топке из-за баб. Все мира зло таит в себе любовь и вечная ее сестричка — ревность! — Кот упал на пол и стал кататься по нему с боку на бок, жалобно мяучая.

Маргит объяснила:

— Алхимик он, женой отравлен, ведьмой, и превращен в кота. За что кастрирован — не знаю.

— Красота! И где же ты его нашла? — спросил Тик.

— В аду. Забыл? Мы все пришли из ада.

— И если мы немедля не уйдем, то вы сегодня же отправитесь обратно.

— Нет. У меня есть план, который всех устроит, — скривив губы, сказала Королева, — никто сегодня не умрет.

— Отличный ход. Покурим, посидим, — сказал клоун.

— Заткнись и слушай, шут. Не собираюсь я с тобой кривляться тут. Я не хочу детей оставить без отца. И раз Эгор не может жить без Кити и мы все так зависим от нее, пускай они живут с ней здесь. Я, гордостью своей пожертвую, подвинусь. Ничего. У всех монархов жили в спальнях фаворитки. Нам главное — ее сюда перетащить.

Кот перестал кататься по полу. Поднялся и надел очки.

— Прекрасная идея. Но любой живой, попавший в Эмомир, свой вид здесь поменяет кардинально. И мы не знаем, что же станет с Кити. А вдруг она здесь жабой обернется или проснется кошкой?

— Глупый Кот, оставь свои мечты. Эгор, она останется прекрасной для тебя всегда. И клоун будет с вами, — вещала Королева. — Не беда, что может измениться тело, но душа... Да что тут говорить, Эгор — живой пример. Ну что, Эгор, готов?

— Гот OFF, как пионер. Смеешься надо мной. С чего взяла ты, что тебе я буду верить, после того что я сейчас узнал?

— Все просто. Здесь мой интерес. Я прокололась, чувствам поддалась. Но мне теперь ведь есть за что бороться. Есть ты, есть дети у меня внутри, и все мы здесь во власти жизни Кити. Мне

смысла нет теперь тебя обманывать, герой. Спаси ее и принеси сюда. Ее с Котом мы оживить сумеем, а если нет, то ты всегда успеешь поцеловать ее и с жизнью распрощаться. Подумай, это шанс. Тебе жить вместе с Кити или исчезнуть без следа, ее оставив в мире извращенцев и убийц, — твой выбор. — Маргит опять включила свой гипнотический голос и взглядела.

— Пожалуй, ты права. Я принесу ее. — Эгор решительно кивнул.

— Ну, вот и молодец. Возьми с собой, зальешь ей в рот знакомого тебе уж «Деламорэ-деламортэ», напиток поможет ей перенести тяжелый переход из мира в мир. — Королева вложила ему в руку маленький розовый пузырек.

— Только скажите мне, — спросил Эгор, — как человек может жить в своем собственном внутреннем мире?

— Прекрасно, — сказал Кот. — Мы закольцуем миры, и Кити будет жить здесь вечно. Как будто заблудившись в своем сне.

— Отлично. Ждите нас, мы скоро будем. Пойдем, толстяк. Куда наш путь? — Эгор говорил громко и надрывно, словно приняв очень важное решение.

— Да, в общем, мы на месте. Я попал из морга прямо во дворец, нам вон в тот люк в полу. Я вылез из него, — сказал клоун, несколько запутанный тем, как разрешалась ситуация. Но упрашивать Эгора отдать свою жизнь Кити не стал: может, и правда все наконец-то будут живы и счастливы.

Они подошли к люку, когда к ним подбежали Тру-Пак и Покойник.

— Эгор, брат, ты уж там без глупостей! — сказал Тру-Пак.

— Мы пошли бы с вами, но нам нельзя.

— Не парься, Покойник, я справлюсь. Если что, позабочься о Мании, обещаешь? — сказал Эгор.

— Если что? — удивился Покойник, но Тру-Пак уже отодвинул тяжелый люк, и клоун, а за ним и Эмобой прыгнули в него.

— Если что? — еще раз спросил Покойник у Тру-Пака. — Я не понял...

ГЛАВА 24

«Смерть стоит того, чтобы жить,
а любовь стоит того, чтобы ждать»*

Семен Иванович Чуткий не верил в Бога. И в загробный мир он тоже, соответственно, не верил. Проработав двадцать лет в морге, он понял только одно: нужно получить от этой жизни все, пока ты не попал на железный стол. А еще Семен Иванович не верил в Бога потому, что, если бы справедливое Всевидящее Око существовало, он давно должен был обратиться в соляной столб, или сгореть от стыда, или хотя бы быть замученным собственной совестью за гнусные дела свои. Ах нет. Чувствовал Чуткий себя прекрасно, вид имел благообразный: борода, очки, животик, жена, двое детей. Все это совсем не соответствовало тем безобразиям, которые он частенько вытворял с безответными телами на работе. Сам себе Семен Иванович объяснял особенности своей тяги к мертвым молодым женщинам спецификой работы, разрушившей его чувствительную психику. Тем более что он не был маньяком и место работы подбирал не специально, как некоторые жалкие личности с трясущимися руками, у которых только одно на уме. У Семена Ива-

---

* Виктор Цой.

новича на уме было отнюдь не «одно». С некоторых пор он стал приторговывать фото через Интернет, и его болезненная страсть приобрела вполне четкую финансовую основу.

Так что Семен Чуткий в Бога не верил и его не боялся, а верил в удачу и везение. И ему сегодня крупно повезло. Когда пару месяцев назад какая-то темная личность сунула ему в карман безликую визитку с телефоном и сказала: «Ну, вы понимаете, Семен Иванович, чем черт не шутит, вдруг к вам случайно привезут еще живого человека, бывают же врачебные ошибки. Я тут читал... Мы, очень хорошо вас отблагодарим...» — Чуткий понял, что это — перст судьбы, и начал ждать. И вот дождался. Удача не замедлила случиться. Да еще какая. Редкая, практически невозможная. Придурки со «скорой» привезли живую девушку, впавшую в глубокую кому, практически в анабиоз. И ему теперь предстояло сделать вскрытие и подменить ее живое сердце на орган мертвой бесхозной бомжиши... Но мало того что он продал ее сердце и теперь ждал «черных» трансплантологов, девушка оказалась красавицей и девственницей. И вот теперь Семен Иванович ходил вокруг железного стола, на котором лежала голая Кити, как кот вокруг сметаны. Яркий свет дневных ламп заливал комнату до рези в глазах, от взгляда Чуткого не ускользал ни единый уголок на теле Кити, которое казалось высеченным из мягкого розового мрамора. Она прекрасна и принадлежит только ему, он будет ее первым и последним мужчиной, целый час у него еще есть в запасе, а фантазий накопилось... Но Семен Иванович был человеком интеллигентным и не мог

наброситься на девушку, даже так бесстыдно разлегшуюся перед ним на столе, не поговорив с ней, не наладив контакт. В конце концов, он же не насильник какой.

— А ведь ты мне в дочки годишься, деточка! — начал Чуткий ласково, но понял, что говорит не то. Он в который раз обошел изумительное тело, любуясь девственными формами, и начал снова:

— Тебе повезло, деточка. Твоим первым мужчиной будет не какой-нибудь сопливый жлоб, а опытный и ласковый партнер, к тому же чуткий. — Он усмехнулся собственному каламбуру. — Хотя, похоже, ты любила боль. Все эти металлические штучки, которые я из тебя достал, наколка на спине... Не пойму я вас, молодых. Ну, ничего, зато ты жизнь свою не зря прожила, теперь благодаря твоему доброму сердцу я смогу купить себе хорошую машину и квартиру в ипотеку. — Неожиданная мысль пронзила лысеющую голову Семена Ивановича. — А может быть, Бог есть и он мне почему-то помогает?

Он быстрее зашагал вокруг стола с Кити, пожирая ее глазами. Потом, решив, что он готов, резко остановился перед ее розовыми светящимися ступнями и, лихорадочно расстегнув халат, поднял руки к потолку с гудящими лампами и экстатически закричал:

— Если я не прав — останови меня! — и уже приготовился засмеяться демоническим смехом и взобраться на Кити, но тут в глазах у него потемнело. Он успел разглядеть горящий злобой красный глаз перед своим лицом, после чего крылатое черное нечто, материализовавшись перед ним, всадило ему в лоб свою острую, как скальпель, рваную

черную челку. Она прошила голову Семена Ивановича Чуткого насквозь, выбив из нее мозг. Эгор стукнулся лбом о лоб уже мертвого мерзавца, который рухнул всей своей волосатой тушей, прикрытой лишь расстегнутым халатом, на истертый линолеум пола.

Эгор повернулся к Кити и обомлел: она была так красива в ярком свете хирургических ламп. Красива, беззащитна и желанна, но никогда им вместе уже не быть.

Тик-Так стоял рядом с Кити, нежно гладил пушок на ее левой руке и плакал. Эгор еще ни разу не видел его таким. По его толстым щекам текли не клоунские брызги, а настоящие соленые человеческие слезы.

— Эй, толстый, отвали от моей девушки. Хватит глазеть на нее, еще и лапать.

— Я, может быть, в последний раз вижу ее такой. Вдруг она превратится в жабу в Эмомире.

Эгор только презрительно фыркнул и сказал:

— Что, Тик, жалеешь, что не сказал всю правду про себя и Кити мне при первой встрече?

— Меня тебя послали веселить, поддерживать и, может, даже злить. Чтоб мог эмоциями ты своими жить. Я — клоун, не герой, в твоей судьбе хоть что-то изменить не в силах был, как ни старался. И делать все по правилам пытался, но собирались играть сплошные шулера. И Мания, и Кот, и королева — играли все свою игру, заканчивать ее пора. Все слишком далеко зашло.

Эгор снова фыркнул, подхватил легкую Кити жилистыми руками и, поднявшись с ней на полметра от пола, полетел к выходу.

— Эй, ты куда? Разлом ведь не там. Эй, подожди! — Клоун, еще хлюпая носом и размазывая по красным щекам слезы, побежал за Эмобоем.

Эгор пролетел по галерее помещений морга и вылетел в бархат июльской ночи, подсвеченный полной луной. Он искал место, где проститься с любимой и где ей не страшно будет очнуться. Наконец его взгляд упал на поляну в самом конце неухоженного старого кладбища при морге. Она вся поросла высоченной травой, и заметить там Кити можно было бы только с высоты птичьего полета. «То, что надо», — подумал Эмобой. Он опустился в центр поляны и бережно положил тело Кити на траву. Она светилась тихим ровным светом, на который стали собираться дальние родственники Эгора — ночные мотыльки. Эмобой снял черный хитон и прикрыл им не знающее стыда спящее тело, оставив под луной белокурую голову с детско-кукольным лицом. «Спи, моя милая Кити, — думал он. — Когда ты проснешься, меня уже не будет». Эгор стоял, наклонив голову над губами Кити, и любовался ею в последний раз, но тут идиллию опять нарушил запыхавшийся клоун, с трудом отыскавший влюбленных.

— Эгор, да что с тобой? Ведь обещал ты королеве, что принесешь ей Кити.

— Немного поумнел. Не стал я чувствовать своих показывать при Маргит, чтобы не смогла мне помешать. Я жизнь отдам за Кити. Пусть умру, но я умру счастливым.

— Что сделаешь ты?

— Счастье заберу. Свое законное, прощай, мой толстый друг. Как мог подумать ты, что я поверю

Маргит после того, что с Кити сделала она? Как мог поверить, что рискну любимой? Что заточу ее навеки в этот страшный, убитый королевой Эмомир! Она — прекрасное создание Реала, так пусть живет, собою украшая свет. Да если б десять жизней было у меня, я, не задумываясь, отдал бы сейчас их за Кити поцелуй.

Эгор приблизил свои губы к лицу Кити, но в последний момент отпрянул:

— Крамольнейшая мысль мне в голову пришла. Раз Эмомир — лишь плод фантазий Кити, то Кот, Маргит и Мания — лишь часть ее подсознания? Спасенье Ритки и все, что там произошло со мною, лишь пар над супом тайных мыслей Кити? Что, если эта ночь и это трогательное, любимое и беззащитное созданье, что без моей любви умрет, всего лишь мысль, мечта подспудная, терзающая Кити? А я исчезну навсегда?

— Ты передумал? Ты боишься? А если все это и вправду так?

— Молчи, Тик-Так! Мое желание спасти любовь сильнее страха смерти. Я все уже решил. Кот с бабочкой напрасно строят свои козни. Смерть никогда не победит любовь! Они опять в игру со мной играли, чтоб Кити им доставил в Эмомир. Игра закончена — они нас потеряли. Я принял миссию свою, и нервы крепче стали, и сердце-призрак больше не болит. Я не вернусь назад. Войны не будет. Смерть никогда не победит Любовь! Прощай, мой лучший друг! Меня им не достать, а ты поможешь Кити жить и любить в Реале без меня.

И Эгор отчаянно поцеловал Кити в губы, вложив все силы в этот поцелуй, но не исчез, как

обещала королева. Тогда он поцеловал Кити еще и еще, пока не почувствовал, что девушка отвечает ему, не открывая глаз. Кити ожила. Теперь она все-го лишь крепко спала. Увидев, что с хозяйкой все в порядке, Тик-Так поспешил вернуться на свое место и, став картинкой над левой грудью, тут же попал под поцелуй Эмобоя, который, закрыв глаз, с упоением целовал просыпающееся тело любимой. Тело Кити — прохладное и родное — отвечало поцелуям благодарной дрожью. От радости Егор заплакал, не сразу осознав, что слезятся оба глаза. Он посмотрел на свои руки, ощупал лицо. Эмобой исчез. Сомнения отпали, он снова стал Егором Трушиным, а рядом с ним на зеленой летней траве, не просыпаясь, потягивалась его прекрасная Кити. Как и положено влюбленным, они лежали без одежды, и ничто не мешало им заняться друг другом. Кити провела языком по сухим губам и пропела:

— Егор, ну где же ты, любимый?

Она лежала такая беззащитная, с закрытыми тонкими веками, под которыми двигались глаза, раскрыв для объятий тонкие руки. Нежно и в то же время очень решительно Егор вошел в нее, как в теплое чистое море. Как в родной дом после долгой разлуки, как нож в масло, как... Небо и земля поменялись местами, тысячи новых миров зажигались и гасли, рождались вселенные... Егору и Кити было так хорошо вместе, как плохо порознь. И сладостные мгновения обернулись вечностью. Но если бы кто-нибудь видел их сейчас, он бы очень удивился странной картине. Как удивлялись бабочки, крутившие над ними. Вернее, над Кити, нагой краса-

вицей, обнимавшей и ласкавшей пустоту июльской ночи, в гордом одиночестве стонавшей от любовной истомы на ночном кладбище. Кити обнимала и цепловала упругий летний воздух, сжимала руками и ногами обомлевшую темноту.

Невидимый, но реально существовавший благодаря своей любви, Егор не думал в этот момент ни о чем, кроме своих чувств. В его голове заливалась победными трелями птица счастья. В ее песне пелось о том, что счастье — это чувствовать волны блаженства любимой, разливающиеся по ее нежному телу, счастье — это дать жизни шанс родиться вновь, счастье — держать любимую в сильных руках, вдыхать ее прянный морской пьяный запах, сливаться с ней в жарком безумном стоне, взорваться в ней на пике блаженства.

Кити проснулась и поняла, что это сон, хотя ее ощущения были более чем настоящими. Она никогда еще не испытывала такого удовольствия, вся превратившись в пульсирующую жилку наслаждения, бившуюся на виске. Она закрыла глаза и увидела Егора, красивого, отчаянного и такого любимого. Он был везде — в ней, на ней, вокруг нее. Кроме Егора не стало ничего. Его серые глаза наполнились слезами. Кити слышала свои стоны, она пыталась включить мозг, но ничего, кроме мысли «как хорошо», в голове не отыскалось. Она открыла глаза и увидела звезды, которые отражались от ее глаз в слезах Егора. Кити крепко обхватила Егора руками и ногами, прижалась к нему, чтобы оставить с собой навсегда. «Какой прекрасный сон, — подумала она и испугалась. — Сон может кончиться. Нет, только не это». Жар их разгоряченных тел

выпарили росу из кладбищенской травы и высушил ее не хуже августовского солнца. Они катались по поляне, наслаждаясь друг другом, давно уже потеряв ощущение собственных тел, превратившихся в единое огнедышащее, стонущее от счастья существо.

Черное звездное небо подпалила розоватая заря. Кити неожиданно резко вскрикнула и оттолкнула Егора, время и небо затянуло в воронки ее ушей, а в глазах взорвались красные петарды, и снизу побежали судороги удовольствия. Кити на секунду отключилась и испугалась, что проснулась. Но сон продолжался, и Егор все еще был с ней. Она впилась ногтями в его плечи, и все понеслось по ногой.

В голове Егора неожиданно четко прозвучало: «Ради этого стоило жить. Как не хочется уходить навсегда». Он еще сильнее прижал к себе маленькую, хрупкую, плачущую от счастья, такую желанную и уже навсегда потерянную любимую девушку. Предательской сладчайшей истомой заныл низ живота, цель Егора неумолимо приближалась. Оргазма маленькая смерть несла ему его большую. Но он не в силах ничего изменить и остановить, только взорвался стоном и выплеснул в Кити всю свою любовь, а вместе с ней и жизнь. Егора-Эгора не стало. Черно-розовая заря вспыхнула взрывом разноцветных вселенных. Руки Кити еще сжимали пустоту, насытившееся лено счастливо пульсировало. Нега разлилась по ее маленькому, истерзанному любовью телу, и, тихо простонав, она повернулась на бок, свернулась калачиком и заснула спокойным глубоким сном. От розового тела Кити, освещенно-

го первыми лучами солнца, исходило ровное сияние, на которое тут же слетелись лохматыеочные бабочки со всего кладбища. И только они могли видеть своими фасеточными глазами, как плачет клоун, вытатуированный над маленькой левой грудью. Тихое сопение Кити сливалось с поминальным стрекотом цикад. Девушке снился сладкий сон, опухшие и прикушенные губы зашевелились, и Кити пробормотала: «Егор, я так тебя люблю, мы обязательно встретимся».